

Г И Ж И Н Ы Ъ В І Ж

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЖУРНАЛЬ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ девятый

1896

Августъ—Сентябрь—Октябрь

CIV—CV—CVI

Содержаніе

1. Г. Д—тъ, Вильна. Изъ педагогической коллекціи 60-хъ годовъ. 2. Изъ «Мыслей Л. Кельнера о школьномъ и дом. воспитаніи». 3. М. Знаменскій, Харьковъ. Рудольфъ Менге о постановкѣ преподаванія древн. языковъ (оконч.). 4. К. Ельницкій, Омскъ. Восп. и обуч. въ семьѣ и школѣ. V.		5. Вл. Аппелъротъ, Москва. Аэина въ мифологіи и искусствѣ. II. 6. А. Долянскій, Ревель. Трисекція угла. <i>Приложеніе.</i> 7. Ф Штадельманъ. Воспитаніе и обученіе у древн. грековъ и римлянъ. Пер. А. Нейфельдъ, Хортица. Стр. 73—104.

Сотрудники „Гимназиі“

- Алатырь. **Ө. Болотниковъ** (прог.).
 Ахтырка. **П. Квицинскій** (прог.).
 — **В. Покровскій** (дир. пр.)
 Балтійскій-Портъ. **Сващ. І. Регема**
 Волховъ. **М. Лисицнъ** (б. пр. г.).
 Вѣла. **Е. Гомеровъ** (гимн.).
 — **Р. Киричинскій** (гимн.).
 Варшава. **А. Ельсинъ**.
 — **И. Цвѣтковъ** (г.).
 Витебскъ. **В. Тычиннъ** (дух. уч.).
 Воронежъ. **С. Николаевъ** (гимн.).
 Владивостокъ. **К. Котельниковъ** (г.).
 Глуховъ. **М. Демковъ** (учит. инст.).
 Екатеринбургъ. **Я. Владимировъ** (г.).
 Екатеринославъ. **П. Ковловскій** (р.уч.).
 Елецъ. **П. Первовъ** (гимн.).
 Елисаветградъ. **Н. Марковъ** (у.ч.).
 Измаиль. **Ю. Стовикъ** (дир. прог.).
 Казань. **Д. Нагуевскій** (проф. ун.).
 — **П. Черняевъ** (1 г.).
 — **П. Черняевъ** (3 г.).
 Калуга. **Ө. Штифтаръ** (гимн.).
 Карачевъ. **А. Овсянниковъ** (прог.).
 Кіевъ. **Г. Александровскій** (ж. г.).
 — **С. Воскресенскій** (гимн.).
 — **И. Корольковъ** (проф. дух. ак.).
 — **Я. Мищенко** (г.).
 — **А. Семеновъ** (г.).
 — **А. Степовичъ** (дир. К. П. Г.).
 — **А. Ярепъ** (К. П. Г.).
 Коломна. **Е. Крыловъ** (г.).
 Кронштадтъ. **Н. Кораблевъ** (г.).
 Кутаисъ. **С. Боршевскій** (г.).
 Лубны. **С. Чемолосовъ** (г.).
 Люблинъ. **В. Дмитріевскій** (г.).
 — **В. Истоминонъ** (нач. уч. дир.).
 — **В. Эустахевичъ** (г.).
 Москва. **В. Анпельротъ** (пр.-д. ун.).
 — **Л. Поливановъ** (дир. гимн.).
 — **И. Семеновъ**.
 — **Г. Фишеръ** (гимн.).
 — **Э. Черный** (г.).
 Нижній Новгородъ. **Ө. Ржига** (г.).
 Николаевъ. **А. Солонию** (гимн.).
 Одесса. **П. Бракенгеймеръ** (гимн.).
 — **П. Ладновъ** (прог.).
 — **М. Попруженко** (пр.-д. ун.).
 — **А. Флеровъ** (г.).
 Омскъ. **К. Ельницкій** (кад. к.).
 Острогжскъ. **Б. Турчаковский** (д.пр.).
 Пенза. **П. Горницкій** (гимн.).
 Радомъ. **Е. Киричинскій** (г.).
- Ревель. **Е. В тнекъ** (г.).
 — **А. Долянскій**.
 — **И. Калнинъ** (г.).
 — **Е. Шмидтъ** ф.-д.-Лауницъ (г.).
 — **Г. Янчевецкій** (дир. г.).
 Рига. **В. Зайць** (р. уч.).
 — **М. Крыгинъ** (р. уч.).
 — **С. Кузнецовъ** (г.).
 — **Прот. Н. Лекаревъ** (г.).
 — **П. Пользинскій** (дир. уч. с.).
 Рыбинскъ. **Н. Веригинъ** (гимн.).
 Рязань. **М. Дроздовъ** (дух. сем.).
 Слуцкъ. **М. Крашенинниковъ** (г.).
 Смоленскъ. **С. Блажеевскій** (г.).
 С.-Петербургъ. **Ю. Верещагинъ** (г.).
 — **С. Гинтовъ** (г.).
 — **В. Завадскій-Краснопольскій**.
 — **Г. Зоргенфрей** (г.).
 — **И. Кириановичъ** (г.).
 — **В. Кораблевъ**.
 — **В. Латышевъ** (акад.).
 — **А. Маленинъ**.
 — **А. Обрацовъ** (г.).
 — **Н. Санчурскій** (окр. инсп.).
 — **А. Филоновъ** (б. дир. г.).
 — **Д. Янчевецкій**.
 — **В. Янчевецкій**.
 Ставрополь. **Н. Кузнецовъ** (г.).
 — **Г. Дорофеевъ** (г.).
 Сувалеи. **О. Ваберъ** (г.).
 — **А. Толубѣевъ** (г.).
 Сумы. **Л. Горкевичъ** (г.).
 Таганрогъ. **А. Громачевскій** (дир. г.).
 Ташкентъ. **И. Любомірскій** (г.).
 Тверь. **Н. Овсянниковъ** (б. дир. г.).
 — **И. Виноградовъ** (инсп. нар. уч.).
 Тифлисъ. **М. Зданевичъ** (г.).
 — **А. Приселковъ** (гимн.).
 — **Э. Фехнеръ** (г.).
 Троицкъ. **М. Вукъ** (г.).
 Харьковъ. **М. Знаменскій** (дир. г.).
 — **В. Краевскій** (г.).
 — **А. Петровъ**.
 — **Н. Сумцовъ** (проф. ун.).
 — **В. Харціевъ** (г.).
 Холмъ. **В. Ипатовъ** (гимн.).
 Хортица. **А. Нейфельдъ** (зав. центр. уч.).
 Черниговъ. **А. Тиховъ** (гимн.).
 Царицынъ. **Е. Арбатскій** (гимн.).
 — **А. Горбатовъ** (г.).
 Царское-Село. **С. Цыбульскій** (гимн.).
 Эривань. **В. Романовскій** (гимн.).

Гимназія

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

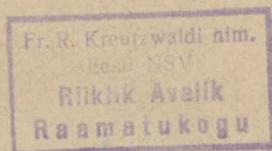
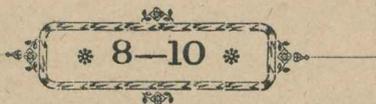
ЖУРНАЛЬ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ ІХ

CIV—CVI

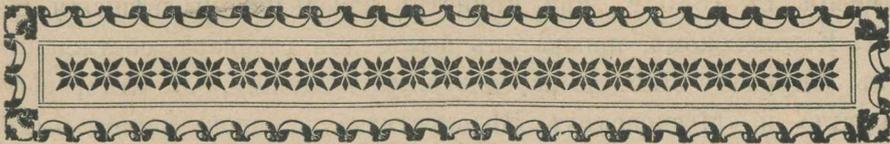
1896

Ревель

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій».

Дозволено цензурою. — Ревель, 27-го февраля 1897 года.

Изъ педагогической коллекціи 60-хъ годовъ.

Г. Д—чъ, Вильна.

Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ. Въ 6 частяхъ. СПБ. 1862 г. —
Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проектъ устава учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. СПБ. 1863 г.

Семь книгъ, заглавія которыхъ мы выписали, въ настоящее время сдѣлались уже достояніемъ архивовъ учебнаго вѣдомства. Но лѣтъ слишкомъ 30 тому назадъ, при посредствѣ этихъ книгъ, въ которыхъ собраны мнѣнія и соображенія, большею частью обстоятельно мотивированныя, тогдашнихъ русскихъ и иностранныхъ педагоговъ, разрѣшались важные вопросы, имѣвшіе значеніе для государства, общества и семьи. Напомнимъ вкратцѣ обстоятельства, при которыхъ правительственные проекты, создавшіе типъ современныхъ общеобразовательныхъ среднихъ и низшихъ школъ, отдавались на обсужденіе педагогическаго міра всей Россіи и отчасти Западной Европы. Пересмотромъ устава учебныхъ заведеній 8-го декабря 1828 г., несостоятельность котораго сознавалась правительствомъ въ особенности при наступившихъ новыхъ запросахъ времени, министерство народнаго просвѣщенія занялось въ 1856 году. Съ проекта преобразования учебныхъ заведеній, какъ и одновременно съ крестьянской реформы, послѣ крымской войны, началась реформенная эпоха новаго царствованія. Выработанный въ ученомъ комитетѣ главнаго правленія училищъ новый проектъ устава низшихъ и среднихъ учи-

лицъ въ 1860 г., при министрѣ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскомъ, напечатанъ былъ, для гласнаго обсужденія въ «Журналѣ Минист. народнаго просвѣщенія», «С.-Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и одновременно былъ разосланъ попечителямъ учебныхъ округовъ, для обсужденія въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій. Исправленный по замѣчаніямъ проектъ, въ новой редакціи ставшій извѣстнымъ подъ названіемъ проекта устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, съ Высочайшаго соизволенія, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря А. В. Головнина, вновь былъ препровожденъ попечителямъ, для обсужденія въ педагогическихъ совѣтахъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній, начиная съ университетовъ и кончая уѣздными училищами, и для представленія, для такого-же обсужденія, отдѣльнымъ интеллигентнымъ лицамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ (архіереямъ, ректорамъ духовныхъ академій и семинарій, попечителямъ школъ, предводителямъ дворянства и др.). На обсужденіе предлагались два проекта: одинъ министерства народнаго просвѣщенія, выработывавшійся въ тогдашнемъ центральномъ управленіи училищами, обнимавшій собою въ 415-ти параграфахъ народныя училища, прогимназіи, гимназіи, учительскіе институты и женскія училища, и другой, выработанный въ особой комиссіи, состоявшей изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились элементарныя народныя школы до крестьянской реформы, подъ названіемъ проекта общаго плана устройства народныхъ училищъ, заключавшій въ себѣ 89 параграфовъ. Оба проекта снабжены были объяснительными записками, въ особенности первый проектъ сопровождался подробными комментаріями въ своей запискѣ. Независимо отъ того, оба проекта, вмѣстѣ съ проектомъ устава университетовъ, въ 1862 году, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, переведены были на языки нѣмецкій, французскій и англійскій и сообщены, чрезъ находившихся за границею дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, статсъ-секретаря Танѣева 2-го и Варранда, нѣкоторымъ педагогамъ Германіи, Франціи, Бельгіи и

Великобританіи, съ предложеніемъ просмотрѣть проекты и сдѣлать на нихъ замѣчанія. Педагогическимъ совѣтамъ и должностнымъ лицамъ предоставлялось свободно обсуждать проекты и дѣлать на нихъ замѣчанія, безъ стѣсненія, вытекавшаго изъ условій ихъ оффиціального положенія.

Проектъ министерства, раздѣлившій гимназіи на филологическія и реальныя, и начертавшій для нихъ устройство, какое теперь мы видимъ въ классическихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, давалъ тему для разсужденія по принципознымъ вопросамъ школьной системы, въ то время не считавшимся у насъ окончательно рѣшенными. Сравнивая мнѣнія, поставленныя на эту почву, русскихъ и иностранныхъ педагоговъ, мы находимъ, что русскіе педагоги оказывались болѣе умѣренными поборниками классицизма, высказывались при этомъ за другую систему въ организаціи средней общеобразовательной школы, въ отличіе отъ иностранныхъ педагоговъ, заявлявшихъ себя ортодоксальными поборниками классицизма въ принципѣ.

И. д. Поневѣжскаго директора училищъ (Ковенской губ.) Малиновскій поставилъ ребромъ вопросъ, въ то время занимавшій умы въ семьяхъ и обществѣ: «Къ чему послужить нашему юношеству знаніе латинскаго и греческаго языковъ?» Этотъ практическій вопросъ и служитъ исходною точкою его особаго мнѣнія по этому предмету.

Образовательная сила этихъ языковъ — говоритъ почтенный директоръ, — которой никто не отрицаетъ, преувеличена пристрастіемъ, естественнымъ и понятнымъ у тѣхъ народовъ, коихъ цивилизація родилась и выросла подъ охранительною сѣтью античныхъ идей, но неумѣстнымъ и страннымъ у насъ, не связанныхъ никакими историческими преданіями и узами ни съ Римомъ, ни съ классическою Греціею, и потому можемъ не ходить такъ далеко искать своего образованія. Мы можемъ почерпнуть его въ современныхъ источникахъ и отъ этого не останемся въ накладѣ, ибо будемъ черпать изъ самыхъ богатыхъ и неистоцимыхъ источниковъ, въ коихъ слились струи древняго и новаго міра. Западъ связанъ чувствомъ истори-

ческой признательности съ классическими народами, какъ своими учителями, данными ему исторію; но намъ исторія указала и указываетъ на иныхъ учителей, болѣе знающихъ и общающихъ научить насъ большему. Новые языки, по мнѣнію автора, окажутъ не менѣе образовательное вліяніе, чѣмъ древніе, на мышленіе и другія способности нашего воспитывающагося юношества, если поручено будетъ преподаваніе ихъ въ нашихъ заведеніяхъ людямъ, соединяющимъ съ университетскимъ цензомъ педагогическій. Раціональная метода обученія имъ отыщетъ богатый матеріалъ для формальнаго развитія мышленія, для умственной гимнастики учащихся. Уступая въ богатствѣ и развитости формъ классическимъ языкамъ, они за то безконечно превосходятъ ихъ глубиною и разнообразіемъ своего внутренняго содержанія, ибо на нихъ выражено все обиліе понятій и идей, выработанныхъ вѣковыми усиліями христіанскихъ народовъ, всѣ великіе результаты изученія міра нравственнаго и фізическаго. Вѣрить въ превосходство античной литературы предъ новѣйшею можетъ только односторонняя спеціальность. Неужели серьезно можно думать, что великія поэтическія произведенія новыхъ временъ, особенно ближайшей къ намъ эпохи, уступаютъ римскимъ и греческимъ въ широтѣ концепціи, въ глубинѣ душевнаго анализа, въ творческихъ размахахъ поэческаго духа и даже въ художественной красотѣ изображенія, если только не смотрѣть на нее, сквозь очки классической теоріи? Неужели Шиллеръ, Гёте, Шекспиръ, Диккенсъ, Гумбольдтъ и др. менѣе способны подѣйствовать воспитательнымъ образомъ на юношество, чѣмъ Гомеръ, Софокль, Ливій, Виргилій и пр.? Черты античнаго генія остаются нѣмыми и непонятными духу учащагося въ гимназіи, по той простой причинѣ, что выражены мертвымъ языкомъ, который не легко усваивается. Силы учащагося истощаются прежде, чѣмъ ему удастся проникнуть чрезъ трудно одолжимую форму до внутренняго содержанія (Ч. II, стр. 188—190).

Заслуживаетъ вниманія, затѣмъ, особое мнѣніе дирек-

тора Новгородсѣверской гимназіи Гейслера, который противъ проекта министерства, указавшаго на цѣль общаго гимназическаго образованія — равномѣрное и всестороннее развитіе нравственныхъ и умственныхъ силъ юношества и предполагавшаго достигнуть эту цѣль при вышеупомянутомъ устройствѣ гимназій, дѣлаетъ такія замѣчанія: Безспорно, что предметы, преобладающіе въ гимназіяхъ обоихъ видовъ, имѣютъ общеобразовательное значеніе, что всѣхъ предметовъ нельзя совмѣстить въ одной гимназіи, и что въ Англіи и Германіи училища дѣлятся на филологическія и реальныя. Но относясь съ уваженіемъ къ доводамъ, приведеннымъ въ объяснительной запискѣ ученаго комитета въ пользу классической системы, авторъ позволяетъ высказать свой взглядъ, идущій въ разрѣзъ съ господствующими воззрѣніями на этотъ предметъ въ Англіи и Германіи. Гуманистическое направленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ этихъ странахъ, дѣйствительно содѣйствуетъ развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ юношества, но только не всесторонне и равномѣрно, а, напротивъ, въ одностороннемъ спеціальному направленіи, которое, сообразно съ характеромъ народнымъ, приводитъ къ различнымъ результатамъ. Что сдѣлали германцы съ своимъ гуманистическимъ воспитаніемъ? Послѣ вѣкового спора между реальнымъ и гуманистическимъ направленіемъ, Германія не въ силахъ была сбросить свою полуистлѣвшую, обветшалую мантию схоластицизма, и результатомъ борьбы было только то, что она выдвинула на первый планъ римлянъ, а грековъ оставила въ резервѣ и сдѣлала нѣкоторыя уступки реальному направленію. Гуманистическое воспитаніе на англійской почвѣ, благодаря свойствамъ англійской націи, приноситъ другіе плоды. Въ самомъ характерѣ народа до такой степени выработаны начала практической жизни, что молодые люди, при первомъ вступленіи въ свѣтъ покидаютъ иллюзіи, навѣваемые древнимъ міромъ, и съ развитымъ умомъ становятся на степень современной дѣятельности. Не смотря на разнообразіе въ устройствѣ школъ, во многихъ изъ нихъ преподаваніе основано на здравыхъ педагогическихъ началахъ. Они также, какъ и наши

будущія прогимназіи, начинаютъ знакомить питомцевъ своихъ съ міромъ современнымъ, разрѣшаютъ имъ прежде всего вопросы, которые возникаютъ въ юномъ, пытливомъ умѣ, при окружающей обстановкѣ. Предварительно ознакомленный съ современными понятіями, молодой человѣкъ не заимствуетъ ихъ у древняго міра, но вноситъ свѣжую жизнь въ мертвыя скрижали, вноситъ свой критическій взглядъ на литературу грековъ и римлянъ и разсматриваетъ ее съ своей точки зрѣнія. Вотъ почему мы преклоняемся предъ новостью взгляда, высказаннаго Гротомъ въ его исторіи Греціи, предъ глубокою и основательною ученостію Бокля, Гладстона и другихъ. Англичанамъ доступна основательная и правильная разработка матеріаловъ, завѣщанныхъ намъ древнимъ міромъ: они не теряются въ таинственномъ смыслѣ какой-нибудь фразы древняго писателя, не тратятъ времени на цѣлые фоліанты комментаріевъ, а вступаютъ въ полное обладаніе наслѣдственной древностію, владѣя ею самостоятельно и разумно.

Наши познавательныя способности развиваются путями анализа и синтеза. Принявъ за исходную точку воспитанія общее образованіе, равно мѣрно и всесторонне развивающее умственныя и нравственныя силы юношества, авторъ особаго мнѣнія полагаетъ, что раціональнѣе было бы сгруппировать предметы такъ, чтобы доставлять познавательнымъ способностямъ учащихся возможность развиваться въ равной мѣрѣ этими двумя путями до тѣхъ поръ, пока продолжается развитіе физическаго организма, т. е. до 17-ти или 18-ти лѣтъ, пока индивидуальныя стремленія ихъ точно не опредѣлятся и не обнаружится охота заняться предметами, которые они сами изберутъ себѣ (Ч. III, стр. 139—143).

Въ такомъ же духѣ высказывается и другой педагогъ той же гимназіи, учитель Ржондковскій, изложившій свои разсужденія, какъ бы дополнявшія перваго, также въ особомъ мнѣніи. Въ исторіи наукъ — говоритъ онъ — нельзя не замѣтить постепеннаго ихъ преобладанія. Въ средніе вѣка ученый былъ непременно богословъ. По мѣрѣ того, какъ стали искать жизни и истины въ классической древности, въ основу

науки положили классическую филологію. До конца XVIII вѣка не былъ мыслимъ ученый безъ латинскаго и греческаго языковъ. Но могущественныя приобрѣтенія математики, въ XVII и XVIII вѣкахъ, заставили ее поставить на ряду съ филологію. Поэтому «древніе языки и математика» сдѣлались девизомъ педагоговъ того времени. Въ нашъ вѣкъ естественныя науки, по точности метода, по блестящимъ результатамъ, по многочисленнымъ приложеніямъ, стали такъ высоко, что затмили собою преобладающія знанія. О классической филологіи говорится уже весьма двусмысленно даже ея приверженцами; она видитъ предъ собою перспективу сдѣлаться маленькимъ провинціальнымъ городкомъ изъ столицы науки. Сравнительная филологія грозитъ ее поглотить въ весьма непродолжительномъ времени.

Простое изученіе древнихъ языковъ, ради упражненія умственныхъ способностей, авторъ особаго мнѣнія считаетъ столь же формальнымъ и механическимъ, какъ и обыкновенную гимнастику. Послѣдняя, конечно, можетъ развитъ физическія силы, но дастъ-ли она имъ въ то же время разумное направленіе. Точно также истинная гимнастика духа должна заботиться объ изощреніи способностей на томъ, что имѣетъ содержаніе и составляетъ здоровую, а не мертвую (какую, по мнѣнію автора, представляютъ древніе языки) пищу для ума. Авторъ поэтому [?] высказывается за ограниченіе преподаванія математики въ гимназіяхъ.

Потребность реформы гимназій авторъ основываетъ на слѣдующихъ данныхъ, начертывая вмѣстѣ и почву для этой реформы. По мѣрѣ того, говоритъ онъ, какъ древніе языки и математика утрачиваютъ свое преобладающее значеніе въ школахъ, на первый планъ выступаютъ здѣсь естественныя и общественныя науки. Въ области послѣднихъ подмѣчается слѣдующее явленіе: политическая экономія противопоставляетъ социализму неодолимое влеченіе къ частной собственности; школа Фурье опирается на свою теорію страстей. Въ каждомъ запутанномъ вопросѣ исторіи писатель обращается къ анализу побужденій той или другой истори-

ческой личности. Исторія событій оказывается пестрою, но мертвою одеждою для исторіи развитія, для исторіи культуры, обусловливаемой душевными потребностями человѣка. Въ области уголовного права ни криминалистъ, ни слѣдователь, ни судья ни одного шагу не могутъ сдѣлать, не встрѣтившись съ какимъ-нибудь психологическимъ фактомъ и вопросомъ. О педагогіи и говорить нечего; она вся основывается на психологическихъ законахъ развитія человѣка. Потребность въ психологіи, какъ основной наукѣ, очевидна. Только она можетъ составить исходную точку для общественныхъ знаний, для исторической критики событій, для пониманія процесса исторіи. Авторъ думаетъ, что уже наступила пора снять съ гимназій педагогическіе девизы средневѣковой схоластики: классическая древность и математика, а въ замѣнъ ихъ поставить другой девизъ: природа и человѣкъ (Ч. III, стр. 151—155).

Ординарный профессоръ Харьковскаго университета Пахманъ, относясь критически къ проекту министерства, ставитъ такой вопросъ: «Въ чемъ заключаются потребности общаго образованія и какого рода свѣдѣнія необходимы для удовлетворенія этихъ потребностей?» Исходя изъ этой темы, авторъ приводитъ слѣдующія разсужденія, положенныя въ основу предложенной имъ другой, въ отличіе отъ министерскаго проекта, организаціи гимназій. Цѣль общеобразовательнаго учебнаго заведенія, по проекту, есть воспитаніе человѣка, т. е. всестороннее развитіе въ обучающемся умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ. Но, во 1-хъ, замѣчаетъ авторъ, едва-ли эта цѣль, во всей ея полнотѣ, можетъ быть достигнута предметами преподаванія, исчисленными въ проектѣ. Не указано здѣсь, между тѣмъ, науки, которая даетъ общія понятія о самомъ «человѣкѣ»; сознательное умственное развитіе едва-ли возможно безъ знакомства съ основными силами души и общими законами внутренней дѣятельности человѣка. Во 2-хъ, воспитаніе «человѣка», понимаемое лишь въ буквальномъ смыслѣ развитія его силъ, представлялось бы крайне односложною задачею общаго образованія, если бы ей было совер-

шенно чуждо воспитаніе члена общества, гражданина. Общечеловѣческое гуманистическое образованіе въ истинномъ смыслѣ было бы отвлеченною мечтою безъ образованія общественнаго, гражданскаго. Между предметами преподаванія авторъ, затѣмъ, не находитъ такихъ наукъ, которыя занимаются объясненіемъ главныхъ основъ гражданскаго общежитія и общественнаго благоустройства, которыя знакомятъ съ условіями матеріальнаго благосостоянія человѣческаго общества, значеніемъ въ немъ труда, производства и другими отправленіями экономической жизни (Ч. V., стр. 225—227.)

Въ этомъ же смыслѣ высказался и другой профессоръ того же университета Каченовскій, сдѣлавшій отдѣльное замѣчаніе на министерскій проектъ. Гимназіи, по проекту, должны приготовить намъ человѣка. Если подъ человѣкомъ разумѣютъ существо мыслящее, то слѣдовало бы прибавить общежительное. Въ Россіи, по крайней мѣрѣ теперь, думаютъ, что намъ нужны граждане. Общее образованіе непременно должно быть гражданскимъ. Спрашивается, можно ли оставить человѣка съ общимъ образованіемъ безъ всякихъ свѣдѣній о государствѣ, объ отношеніяхъ людей, съ которыми ему придется жить? Съ этой точки зрѣнія — замѣчаетъ профессоръ — въ проектѣ найдутся важные пробѣлы, которые филологія не можетъ замѣнить (стр. 242).

Съ обоими профессорами оказался солидаренъ и совѣтъ Харьковскаго университета, который, по обсужденіи вышеизложенныхъ ихъ замѣчаній, предложилъ свою программу нормальнаго гимназическаго образованія:

Законъ Божій	6 час. въ недѣлю
Русская словесность	14 » » »
Латинскій языкъ	16 » » »
Греческій языкъ для желающихъ	
Исторія	16 » » »
Математика съ физикою и математическ. географіею	16 » » »
Естествовѣдѣніе съ физиологіею и гигиеною . . .	16 » » »
Обществовѣдѣніе, т. е. наука о гражданскомъ обществѣ, со включеніемъ въ нее экономическихъ понятій о трудѣ, какъ объ основномъ законѣ человѣческой жизни	8 » » »
Нѣмецкій языкъ	10 » » »
Французскій языкъ	10 » » »

Начертанный этимъ проектомъ типъ гимназій (стр. 220) предлагается на мѣсто двухъ видовъ гимназій, филологической и реальной, допущеніе которыхъ профессоръ Пахманъ находилъ въ противорѣчій съ основнымъ принципомъ учебной системы, преслѣдующей общеобразовательныя цѣли. На это противорѣчіе указывали и другіе авторы замѣчаній.

Немногіе, однакожъ, провинціальныя педагогическіе совѣты заявили себя подобнаго вида актами педагогическаго творчества, предпочитая болѣе заниматься критикою, которой безпощадно повергался у нихъ министерскій проектъ по параграфамъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ педагогическій совѣтъ Симферопольской гимназіи, слишкомъ увлекшійся своею ролью въ сторону кабинетнаго творчества по части реформъ. Совѣтъ предложилъ свой проектъ реформы гимназій, смѣлый, оригинальный и нѣсколько выходявшій изъ предѣловъ компетенцій совѣта и всего учебнаго вѣдомства. Основаніями для сего проекта послужили слѣдующіе мотивы, которымъ совѣтъ придавалъ не малое значеніе: Принципъ приданія низшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ общеобразовательнаго характера совѣтъ раздѣляетъ вполне и безъ всякихъ ограниченій, изложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, съ научной точки зрѣнія, и основанія, почему онъ согласенъ здѣсь съ министерскимъ проектомъ. Высказавшись съ тою же обстоятельностью по другимъ вопросамъ, затронутымъ проектомъ, совѣтъ затѣмъ остановилъ свое вниманіе на главѣ объ учительскихъ институтахъ. Исходя изъ того положенія, что учительствомъ простаго народа, по исторически сложившимся условіямъ нашего національнаго быта, призвано заниматься одно наше духовенство, что ни крестьяне, ни дворяне никогда на аренѣ пройденной исторической жизни не выступали въ этой роли, почему и для проектируемаго учрежденія учительскихъ институтовъ, какъ искусственнаго созданія, не имѣется почвы, но, съ другой стороны, и принимая во вниманіе, что и само духовенство, оставаясь при своей миссіи, получаетъ плохое образованіе въ своихъ доморощенныхъ, замкнутыхъ училищахъ и семинаріяхъ, совѣтъ гимназіи предлагаетъ слѣ-

дующую комбинацію, которая, по его мнѣнію, превосходитъ проектированную ученымъ комитетомъ. Комбинація эта состоитъ въ слѣдующемъ проектѣ:

I. Закрывъ приходскія и уѣздныя духовныя училища, устроить на мѣсто ихъ нормальныя народныя училища, ничѣмъ не отличающіяся, по своему курсу, отъ всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній этого рода.

II. На мѣсто духовныхъ семинарій, устроить такъ называемыя «теологическія гимназіи», съ усиленнымъ курсомъ богословія въ высшихъ классахъ, подобно тому, какъ предполагено устроить филологическія и реальныя гимназіи: первыя — съ усиленнымъ курсомъ языковѣдѣнія, а вторыя — съ усиленнымъ курсомъ естествовѣдѣнія. «Теологическія гимназіи» состоятъ изъ 6 классовъ, изъ коихъ въ первыхъ четырехъ предметы преподаванія одни и тѣ же для всѣхъ, а въ двухъ высшихъ — съ раздвоеньемъ на два направленія: «іератическое» и педагогическое.

III. При каждой «теологической гимназіи» устроить двоякаго рода курсы: а) «іератическіе» — для практическаго приготовленія въ нихъ кандидатовъ на мѣста приходскихъ священниковъ, начинающіеся по окончаніи полнаго 6-ти класснаго гимназическаго курса, и б) педагогическіе — для практическаго приготовленія въ нихъ учителей народныхъ училищъ, начинающіеся также по окончаніи полнаго 6-ти класснаго гимназическаго курса и, слѣдовательно, по выслушаніи теоріи педагогики и дидактики.

IV. При каждой «теологической гимназіи» устроить народное училище, для практическаго приготовленія учителей народныхъ училищъ.

V. При каждомъ университетѣ устроить богословскіе факультеты и при нихъ педагогическіе курсы, для практическаго приготовленія учителей «теологическихъ гимназій» двухъ высшихъ классовъ.

VI. Сосредоточить всѣ эти учебныя заведенія въ одномъ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и для этой цѣли, упразднивъ духовно-учебное управленіе.

устроить, на мѣсто его, при министерствѣ народнаго просвѣщенія особый духовно-учебный департаментъ (Ч. II, стр. 554—589).

Изъ иностранныхъ педагоговъ, дѣлавшихъ замѣчанія на проектъ, высказались за классическую систему:

Директоръ нѣмецкой гимназіи въ Штутгартѣ, докторъ Шмидтъ, ратующій болѣе всего за латинскій языкъ, которому онъ приписываетъ наиболѣе благотворное вліяніе на образованіе юношества въ Россіи. а) Латинскій языкъ, по его словамъ, способенъ пробуждать и развивать обще-словесное сознаніе, и въ этомъ ему уступаетъ каждый изъ новѣйшихъ языковъ, по самой своей природѣ. Такое преимущество латинскаго языка заключается въ его ясно опредѣленной теоріи, особенно же въ его правильныхъ окончаніяхъ, въ тѣхъ словесныхъ категоріяхъ, которыя развиваютъ формы языка, въ синтаксическомъ строеніи предложеній, которое такъ вѣрно отвѣчаетъ формамъ мышленія. Самая литература латинскаго языка удобно усваивается: она расширяетъ кругозоръ юношества, частью знакомя его съ новымъ міромъ, частью—простою своихъ формъ и конкретнымъ изложеніемъ; она располагаетъ душу ко всему благородному, выставляя великія явленія и характеры, и тѣмъ усиливаетъ отвращеніе къ худому; наконецъ, она развиваетъ чувство прекраснаго удачными образцами простаго и изящнаго изложенія. б) Живое знакомство съ древнимъ міромъ, чрезъ изученіе его источниковъ, есть первое условіе образованія у всѣхъ народовъ: классическое образованіе и христіанство составляютъ одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ духовныхъ узловъ, которые соединяютъ эти націи, и потому тотъ народъ, юношеству котораго недоступно классическое образованіе, не можетъ быть включенъ въ члены этого союза. Вотъ тѣ основанія, по которымъ докторъ Шмидтъ стоитъ за включеніе, по крайней мѣрѣ, латинскаго языка въ программу гимназическаго образованія. Что же касается до греческаго языка, то вопросъ этотъ требуетъ обстоятельнаго изслѣдованія. Та цѣль, которой должны достигнуть филологическія гимназіи: свободно читать исто-

рическія сочиненія въ примѣ, поэтическія — съ приготовленіемъ, а реальныя гимназіи: понимать историковъ римскаго золотого вѣка и нравственно-психологическія разсужденія Цицерона вполне необходима и совершенно достаточна» (стр. 58—59).

Другой, болѣе сильный поборникъ классической системы, профессоръ Лейпцигскаго университета Рошеръ, приводитъ слѣдующіе доводы въ пользу преобладанія этой системы, гдѣ центръ тяжести переносится уже на греческій языкъ. Только тамъ является золотой вѣкъ каждой новѣйшей литературы, гдѣ полнота и самостоятельность народнаго содержанія, самымъ тѣснымъ образомъ, сливается съ сжатостію и простотою древнихъ классическихъ формъ. Очень естественно, что и требованія практической жизни должны имѣть свои права, и тотъ уставъ, который, въ столь краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ отвергаетъ всякое приготовленіе чловѣка съ малыхъ лѣтъ къ извѣстнымъ практическимъ цѣлямъ и требуетъ общаго образованія, долженъ всегда имѣть въ виду эти требованія. Но именно здѣсь-то и является, въ самомъ яркомъ свѣтѣ, всесторонняя, обнимающая все существо чловѣка, образовательная сила хорошаго гимназическаго ученія (т. е. сила классической древности, въ соединеніи съ основательнымъ изученіемъ математики и роднаго языка). Либихъ, величайшій химикъ, а слѣдовательно и главный представитель нашего времени въ области самой новѣйшей и практической науки въ одномъ изъ своихъ «писемъ о химіи» говоритъ слѣдующее: «Я часто находилъ, что студенты, кончившіе курсъ въ хорошихъ гимназіяхъ, очень скоро перегоняли вышедшихъ изъ политехническихъ или ремесленныхъ школъ, даже въ естественныхъ наукахъ, хотя въ началѣ послѣдніе, по познаніямъ своимъ въ естествовѣдѣніи, казались предъ первыми, какъ великаны предъ карликами». Этотъ приговоръ тѣмъ знаменательнѣе, что Либихъ, сколько извѣстно, получилъ образованіе даже не въ гимназіи, а шелъ по очень обыкновенной въ Германіи аптекарской дорогѣ. Со взглядомъ Ли-

биха согласуются также и взгляды многихъ другихъ, особенно практическихъ, физиковъ и химиковъ. Подобный примѣръ можетъ привести и авторъ изъ болѣе близкой ему области политической экономіи, считающейся въ настоящее время практической наукою. При однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ авторъ постоянно встрѣчалъ, что хорошо приготовленный гимназистъ, вступающій въ купеческую контору, хотя и являлся, на первыхъ порахъ, менѣе ловкимъ въ дѣлахъ, чѣмъ вышедшій изъ коммерческаго училища, но за то очень скоро, не только догонялъ его, но и превосходилъ въ самостоятельности и смѣтливости. То же самое и въ земледѣльческой и промышленной сферѣ. Что же касается вообще государственной службы, то стоитъ только вспомнить Англію, которая въ практической дѣятельности своихъ государственныхъ людей не уступаетъ никакому другому государству и даже считается въ настоящее время классическою страной современной политики, и которая, какъ извѣстно, не только свои гимназіи, но даже и университеты ограничиваетъ исключительно изученіемъ классиковъ и математики.

Въ учебномъ планѣ филологическихъ гимназій профессоръ Рошеръ совѣтуетъ совершенно измѣнить предполагаемыя въ проектѣ «отношенія греческаго языка къ латинскому» такимъ образомъ, чтобы занятіе греческимъ языкомъ сдѣлать главнымъ предметомъ. Эту мысль, по словамъ профессора, высказалъ уже Гербартъ, который доказалъ, что греческая литература, по богатству, красотѣ и глубинѣ своихъ произведеній, и по доступности ихъ для юношескаго возраста, далеко превосходитъ римскую. Выводы, основанные на вышеприведенныхъ разсужденіяхъ, побуждаютъ профессора Рошера сдѣлать слѣдующія три предложенія по адресу русскаго министерства народнаго просвѣщенія: 1) въ филологическихъ гимназіяхъ усилить преподаваніе древнихъ языковъ и вообще занятія классическими древностями; 2) учредить больше филологическихъ гимназій, чѣмъ реальныхъ, и 3) въ реальныхъ гимназіяхъ ввести, по крайней мѣрѣ, чтеніе въ переводѣ произведе-

деній классической греческой литературы (стр. 108—110).

Третій поборникъ классицизма, директоръ Плауенскихъ гимназій и реального училища, докторъ Дитчъ (Dietsch), въ своихъ воззрѣніяхъ, повидимому, отличается болѣе умѣреннымъ направленіемъ. Въ своемъ пространномъ разсужденіи по поводу министерскаго проекта онъ говоритъ: Добросовѣстное испытаніе и изслѣдованіе привели автора къ непоколебимому убѣжденію, что реальныя гимназій не могутъ ни приготовить собственно къ занятію науками, ни положить основаніе общему умственному образованію такъ, какъ филологическія (или, вѣрнѣе, гуманистическія) гимназій. Воспитанники реальныхъ училищъ въ Германіи, если и оказали во всѣхъ предметахъ желанныя успѣхи, все же, по способности къ занятію науками и по общему образованію, никакъ не стоятъ выше нашихъ гимназистовъ, которымъ остается еще пройти 2-хъ или 3-хъ лѣтній курсъ. Доводы въ защиту классицизма встрѣчаются у почтеннаго доктора такіе, какъ у первыхъ двухъ поборниковъ этой системы. Сходство доходитъ до того, что и здѣсь приводится авторитетъ Либиха и берутся доказательства изъ сферы практической жизни. «Какую пользу — говоритъ авторъ — во всякомъ призваніи приносить полученное въ гимназій общее образованіе, свидѣтельствуютъ въ Германіи не только отдѣльныя личности: купцы, книгопродавцы, значительные промышленники, но и цѣлые торговые дома, подтверждающіе слѣдующій фактъ: если изъ двухъ молодыхъ людей, одинаковыхъ лѣтъ, поступающихъ учениками въ торговую жизнь, одинъ приготовленъ въ гимназій, другой въ реальномъ училищѣ, то первый въ самомъ дѣлѣ уступаетъ сначала второму въ счетоводствѣ и другихъ дѣловыхъ занятіяхъ, но скоро онъ далеко опережаетъ второго и становится болѣе дѣльнымъ».

Почтенный докторъ отводитъ, при классической системѣ, мѣсто также и математикѣ, которой онъ приписываетъ большое вліяніе на образованіе логическаго мышленія въ учащихъся, но при этомъ замѣчаетъ, что «съ чисто математическою голо-

вою и чисто математическимъ взглядомъ человѣкъ останется еще очень сухъ», почему на ряду съ математикою, онъ отводитъ мѣсто и естественнымъ наукамъ (стр. 247—256).

Въ заключеніе этого очерка мнѣній о классицизмѣ приводимъ слѣдующій рассказъ Кенисбергскаго профессора Розенкранца объ одномъ эпизодѣ изъ исторіи нашего просвѣщенія, относящемся къ концу прошлаго столѣтія.

Императрица Екатерина II, говоритъ профессоръ, желала получить отъ французскаго энциклопедиста Д. Дидерота, послѣ знакомства съ нимъ въ Петербургѣ въ 1773 и 1774 годахъ, проектъ для устройства университетовъ въ Россіи. Дидеротъ хотѣлъ исполнить желаніе своей покровительницы и написалъ объ этомъ сочиненіе въ 170 страницъ, которое, однакожь, какъ кажется, не послалъ въ Петербургъ, отчего оно и не находится между рукописями Эрмитажа, какъ въ томъ убѣдился авторъ сего рассказа изъ копіи каталога находящихся тамъ рукописей Дидерота. Вѣроятно, Дидеротъ умеръ во время этой работы и рукопись попала въ руки его друга Сюарда. Послѣдній сообщилъ оригиналь Гизо, который тогда быть редакторомъ журнала «*Annales de l'éducation*» и напечаталъ въ этомъ журналѣ большія изъ него (оригинала) извлеченія. Къ чести рукописи, писанной съ начала до конца рукою Дидерота, съ поправками и подчищенными мѣстами, указываетъ на то, что это была черновая. По смерти Сюарда, она была снова доставлена къ его вдовѣ и, думаютъ, была уничтожена. Извлеченія, сдѣланныя Гизо, были опять напечатаны въ одномъ парижскомъ изданіи.

Сочиненіе Дидерота распадается на двѣ части, общую и особенную. Въ первой авторъ совѣтуетъ учредить общеобразовательныя заведенія по образцу нѣмецкихъ народныхъ училищъ, гимназій и университетовъ, которые Дидеротъ, что удивительно въ французѣ, описываетъ вѣрно. Вторая часть содержитъ организацію университета, съ четырьмя факультетами, и занимается преимущественно философскимъ факультетомъ, какъ первымъ, который онъ называетъ *faculté des arts*, и подраздѣляетъ его на два главныхъ отдѣленія, изъ которыхъ первое, состоящее изъ 8 классовъ, обнимаетъ собственно то, что

теперь заключаетъ въ себѣ, по настоящему проекту, прогимназія и гимназія. Замѣчательно, какъ у Дидерота проглядываетъ столкновение между реализмомъ и идеализмомъ, какъ онъ цѣнитъ изученіе древнихъ языковъ, преимущественно греческаго, однакожъ, согласно съ своимъ временемъ, и ограничиваетъ, желая, не противъ того, расширенія математики, физики, химіи и беллетристики. Проектъ Дидерота, совершенно отвлеченный, совсѣмъ лишенъ точнаго знакомства съ мѣстными и національными свойствами Россіи, и теперь можетъ имѣть цѣну только для исторіи педагогики, хотя въ немъ и разбросаны многія цѣнныя, остроумныя, пригодныя и теперь, замѣчанія (стр. 308—309). (Окончаніе слѣдуетъ.)

*

*

*

Быть дѣятельнымъ — первое назначеніе человѣка, и стремленія къ дѣятельности нельзя искоренить въ ребенкѣ даже силой. И если ты хочешь быть учителемъ, то удовлетвори этому стремленію такъ, чтобы каждая задача, не являясь чрезмерно трудной, представляла однако серьезное занятіе и возбуждала интересъ къ ея рѣшенію.

Старайся, чтобы каждая задача заключала въ себѣ награду за предшествующее вниманіе; и если къ этому присоединится любовь къ твоей личности, то ты можешь безъ колебанія вычеркнуть изъ списка твоихъ учительскихъ наставленій слова: «Учитесь прилежно, исполняйте хорошо ваши работы!»

Если ты не будешь, какъ дѣлаютъ къ сожалѣнію многіе, только вдалбливать знанія ученикамъ,—подобно нянькамъ, которыя жуютъ хлѣбъ, прежде чѣмъ положить его въ ротъ дѣтямъ; если, наоборотъ, ты приучишь ихъ дѣйствовать самостоятельно, подъ твоимъ руководствомъ искать и находить; если ты сдѣлаешь «мечъ духа», языкъ, ихъ прекрасной, свободной собственностью; если ты никогда не будешь принимать сейчасъ же всякое повторенное слово за достаточное доказательство пониманія, но будешь требовать дѣла; — то я не знаю, къ чему тогда могутъ понадобиться понуканія: «подумайте хорошенько, вникните!» Это опять таки самая ненужная фраза!

Но довольно! Изъ сказаннаго ясно, что трудно выполнить вполне задачу учителя. Но будемъ радоваться этому; вѣдь чѣмъ болѣе какое-нибудь занятіе заслуживаетъ имени искусства, тѣмъ болѣе оно способно на эту жизнь дѣлать духъ счастливымъ и удовлетворять его. Еще только одно замѣчаніе: «Не забывайте: чѣмъ больше словъ, тѣмъ меньше дѣла!»

(Изъ «Мыслей Л. Кельнера о школьномъ и дом. восп.»).

Рудольфъ Менге.

О ПОСТАНОВКѢ ПРЕПОДАВАНІЯ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

[Оконч. См. «Гимн.» кн. CI—CIII].

М. Знаменскій, Харьковъ.

III. Спеціальныя дидактическія правила.

Твердое знаніе грамматики зависить, конечно, не отъ занятій только грамматикой, но отъ общей постановки изученія языка, а потому и рѣчь будетъ обо всѣхъ отрасляхъ въ преподаваніи древнихъ языковъ.

1. Увеличивай *запасъ словъ* по опредѣленному плану, т. е. при условіи цѣлесообразнаго выбора, въ надлежащемъ объемѣ и путемъ непрерывной работы.

а) Учителя латинскаго языка въ младшихъ классахъ съ большою настойчивостію требуютъ заучиванія словъ, равно какъ и учитель греческаго языка въ III классѣ, гдѣ начинается преподаваніе этого языка; другіе же преподаватели, въ особенности въ высшихъ классахъ, такого вниманія на это дѣло не обращаютъ. Часто они удовлетворяются тѣмъ, что ученикъ при переводѣ не останавливается, между тѣмъ какъ это не представляетъ никакого ручательства въ томъ, что онъ будетъ въ состояніи перевести тѣ же слова при другомъ сочетаніи. Но дѣло должно быть направлено къ достиженію этой цѣли. И латинскія слова должны быть усваиваемы въ обоихъ отношеніяхъ: съ отечественнаго на латинскій и наоборотъ, а греческія, начиная съ высшихъ классовъ, только съ греческаго. Такимъ способомъ слѣдуетъ выпрашивать слова во всѣхъ классахъ. Выпрашиваніемъ словъ время не тратится напрасно, а выигрывается. Знаніе словъ составляетъ половину знанія языка. Кто обладаетъ этимъ знаніемъ, тому немного времени требуется на приготовленіе домашнихъ уроковъ, такъ какъ онъ не нуждается въ постоянномъ заглядываніи въ лексиконъ. Въ то же время онъ, при исполненіи въ школѣ *extemporalia*, можетъ представить болѣе изящные переводы.

б) Не всѣ, однако, слова имѣютъ одинаковую цѣнность. Требуется цѣлесообразный выборъ. Одни слова, рѣдко встрѣ-

чающіяся, могутъ быть оставляемы безъ вниманія, тогда какъ другія требуютъ частаго повторенія въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Для правильнаго выбора словъ съ пользой могутъ быть употребляемы статистическія обзоры въ родѣ тѣхъ, какіе имѣются въ американскомъ изданіи Цезаря: *Bellum Gallicum*, by Nagrey and Tolman, New York, American Book Company.

Фризь написалъ одинъ изъ такихъ обзоровъ въ *Lehrproben. Heft 34, 524.*

с) Для всѣхъ словъ, основы которыхъ извѣстны, ученикъ долженъ знать производство, т. е. долженъ знать первоначальное, основное значеніе, которое не всегда можетъ быть раскрыто по одному слову. Если основное значеніе ученику неизвѣстно, то онъ долженъ отыскивать слово въ лексиконѣ при каждомъ новомъ его сочетаніи, между тѣмъ какъ производное, переносное значеніе слова онъ можетъ самъ вывести. Я укажу на слово *саgro*, для котораго ученикъ II класса заучиваетъ значеніе «щипать», «срывать». Но если ученикъ IV-го класса читаетъ у Цезаря *agmen carpere*, *cohortes carpere* и у Овидія *veg aetatis*, *iter*, *littora carpere*, *igni carpi*, то онъ съ значеніемъ «щипать» ни къ чему не придетъ. Слѣдуетъ ему возможно скорѣе сообщить, что *carpere* имѣетъ въ виду такое дѣйствіе, которое совершается по частямъ, и тогда онъ можетъ вывести значеніе словъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ. Ученіе объ измѣненіи значенія словъ, столь интересное, можетъ быть сдѣлано въ школѣ весьма полезнымъ для преподаванія языка. И при этомъ для учениковъ сохраняется и время. Если ученикъ знаетъ, что *petere* = стремиться къ достиженію, то онъ можетъ вывести всѣ тѣ значенія, которыя стоятъ въ лексиконѣ: 1, браться за что либо, 2, цѣлить, 3, наступать, угрожать, 4, развѣдывать, 5, просить, желать, 6, требовать, 7, искать судомъ, 8, домогаться, стремиться и т. д. Ученикъ долженъ знать основное значеніе для пониманія того, какъ изъ него вытекаютъ отдѣльныя значенія, напр. *annona* ежегодный урожай, *calamitas* порча хлѣбнаго стебля, *fiscus* корзина. Знаніе основнаго значенія словъ имѣетъ для болѣе вдумчивыхъ учениковъ особенную прелесть потому, что они

въ этомъ случаѣ, кромѣ значеній словъ въ сочетаніяхъ съ другими словами, воспринимаютъ еще и тѣ основныя, конкретныя представленія, которыя при постепенномъ развитіи языка становятся блѣдными. Какъ, на примѣръ, прекрасно по своей конкретности выраженіе *littoга сагреге*, какъ живо *ad locum appellere*. Какую важность знакомство съ основнымъ значеніемъ коренныхъ словъ имѣетъ при чтеніи Гомера, достаточно объ этомъ лишь упомянуть.

d) Необходимо заучивать наизусть не отдѣльныя только слова, но и цѣлыя фразы: языкъ состоитъ столько же изъ отдѣльныхъ словъ, сколько и изъ сочетаній словъ. Если заучиваніе фразъ имѣетъ значеніе въ новыхъ языкахъ, которые имѣютъ способность къ дальнѣйшему развитію, то такое заучиваніе особенно важно по отношенію къ языкамъ древнимъ, развитіе которыхъ остановилось и при изученіи которыхъ мы должны ограничиваться однимъ подражаніемъ. Книги упражненій Busch-Fries заслуживаютъ полнаго вниманія потому, что предлагаемыя здѣсь такого рода фразы сгруппированы по ихъ предметному значенію. Кто ихъ твердо усвоилъ, тотъ защищенъ отъ многихъ грамматическихъ ошибокъ. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ: *exercitui praeesse*—начальствовать надъ войскомъ (буквально?), *pacem petere ab aliquo*, *pontem facere in flumine*. Къ нѣкоторымъ желательнo было-бы дополненіе. Недостаточно знать, что *gratiam inire*—приобрѣсть любовь: слѣдуетъ еще прибавить *ab aliquo* (*apud aliquem* или родительный надежъ у классическихъ писателей не встрѣчаются). Точно также при *reinas dare* «быть наказаннымъ» должно быть присоединено *alicui*. Для греческаго языка предлагается богатый источникъ въ «*Verba anomala*» Вейска. Гдѣ не пользуются печатными сборниками, тамъ эти сборники должны быть составлены при посредствѣ преподаванія.

e) вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо обращать вниманіе на различіе синонимовъ, которые также легче усваиваются въ томъ случаѣ, если постоянно заучиваются основныя значенія словъ и въ тоже время усваивается все предложеніе. Такимъ образомъ представляется неправильнымъ заучивать «господ-

ствовать» — esse; напротивъ, цѣлесообразнымъ «mos est Romanorum — у римлянъ господствуетъ обычай», равно Romulus regnavit Romae — Ромуль царствовалъ въ Римѣ (въ качествѣ царя), consul regit rempublicam. Слишкомъ тонкое разграниченіе понятій служить вреднымъ обремененіемъ для преподаванія См. Шрадеръ «Гимназіи и р. уч.» (Изд. ж. «Гимназія»).

f) Но съ постоянною заботливостью, начиная съ II класса, мы должны относиться къ тому, чтобы ученики не заучивали ни въ какомъ случаѣ фразъ и оборотовъ неправильныхъ. Въ работахъ ученическихъ постоянно встрѣчается bellum oritur или exoritur. Изъ чтенія такихъ оборотовъ нельзя заимствовать. Цезарь, по крайней мѣрѣ, употребляетъ только bellum cooritur, suscipitur, inferitur. Встрѣчается также у учениковъ laudem sibi parare вмѣсто parere. Въ очень многихъ книгахъ для II класса мнѣ приходилось видѣть «Quis hoc fecit? Кто сдѣлалъ это?» въ смыслѣ quem hoc fecisse putas? чего второклассникъ вообще понять не можетъ. Уже учитель II класса долженъ такъ вести преподаваніе, какъ будто за нимъ стоитъ контролирующій его Orbilius plagosus, и не допускать, по нерадѣнію или благодушію, ни малѣйшей неправильности въ употребленіи языка.

2. Грамматическое преподаваніе.

а) Уже сказано, что согласно учебнымъ планамъ долженъ быть практикуемъ индуктивный способъ преподаванія. Примѣненіе этого способа при изученіи формъ не представляетъ никакой трудности, такъ какъ здѣсь пользуются искусственно обработаннымъ текстомъ, въ которомъ прямо выступаютъ тѣ явленія языка, которыя должны быть предметомъ наблюденія и изученія. Гораздо труднѣе задача при изученіи синтаксиса, когда начинается чтеніе автора; здѣсь представляются явленія языка въ пестрой смѣнѣ и неприспособленными къ цѣлямъ преподаванія. Въ статьѣ «Verbindung von Lektüre und Grammatik», помѣщенной въ хроникѣ «Общества научной педагогики» за текущій годъ, я подробно изложилъ и на опытѣ показалъ, какъ нужно вести это дѣло. Напередъ намѣчаются группы

главъ съ той точки зрѣнія, для какихъ грамматическихъ правилъ даютъ онѣ пригодные случаи; эти явленія дѣлаются затѣмъ предметомъ изученія на урокахъ грамматики. Выходя изъ того явленія, которое уже нѣсколько разъ встрѣчалось при чтеніи, сравниваются найденные случаи, переводятся подобные въ грамматикѣ, изучаются и, наконецъ, на примѣрахъ и предложеніяхъ, свободно составленныхъ, усваиваются. Для нѣкоторыхъ правилъ заучиваются предложенія въ качествѣ руководящаго примѣра. Иначе я поступаю при изученіи греческаго синтаксиса въ старшихъ классахъ. При чтеніи *Memorabilia* Ксенофонта я предлагаю лучшимъ ученикамъ собирать примѣры на извѣстныя правила, напр. на *πρίν, ὅτε, ὅταν*, на условныя предложенія, на неопредѣленное наклоненіе въ смыслѣ существительнаго, затѣмъ назначается нѣсколько уроковъ грамматическихъ и при участіи отдѣльныхъ учениковъ рассматриваются собранные ими примѣры въ такомъ количествѣ, какое необходимо для выводимаго правила, далѣе правила эти отыскиваются въ грамматикѣ, прочитываются и заучиваются. Грамматическое преподаваніе вступаетъ такимъ путемъ въ связь съ чтеніемъ и оказывается болѣе плодотворнымъ. «Грамматическая нетвердость учениковъ, на которую такъ часто жалуются, говоритъ Шрадеръ въ «Гимн. и р. уч.», является слѣдствіемъ слишкомъ распространеннаго, стоящаго внѣ связи съ чтеніемъ, а потому бесплоднаго преподаванія грамматики. Такое изолированіе преподаванія не ведетъ къ пріобрѣтенію цѣльнаго знанія, препятствуетъ ученикамъ проникаться живымъ чувствомъ языка, безъ котораго они не могутъ пріобрѣсть твердости и навыка ни въ устныхъ, ни въ письменныхъ переводахъ». Шрадеръ выступаетъ настойчивымъ защитникомъ индуктивнаго метода.

б) Не останавливайся на отдѣльныхъ правилахъ, но стремись, насколько это возможно, подводить ихъ подъ высшія точки зрѣнія. Я постараюсь представить дѣло нагляднѣе на примѣрѣ и возьму для этого ученіе о временахъ въ латинскомъ языкѣ. Недостаточно заучить, съ какими временами могутъ сочиняться извѣстные союзы, но уже въ V классѣ и во вся-

комъ случаѣ въ VI, ученикъ долженъ обращать вниманіе на то, въ какомъ временномъ отношеніи находятся другъ въ другу два дѣйствія, поставленныя въ рѣчи во взаимную связь. Слѣдуетъ совершенно отрѣшиться отъ главнаго свойства нѣм. языка*), въ которомъ временныя отношенія дѣйствій не выражаются временами глаголовъ, а требуется другое средство. Потому должно быть постоянно обращено особенное вниманіе на тѣ признаки, которыми въ нѣмецкомъ языкѣ обозначается временное отношеніе дѣйствій. Приведу два примѣра: «Черезъ четыре года, послѣ того какъ онъ побѣдилъ непріятеля, онъ соорудилъ памятникъ на полѣ битвы». «Когда онъ побѣдилъ непріятелей, онъ вступилъ въ ихъ страну и опустошалъ ее». Для того, чтобы правильно перевести оба придаточныя предложенія, необходимо знать, что второстепенныя дѣйствія (α) въ томъ случаѣ будутъ переведены чрезъ *prf.*, если они съ главными дѣйствіями (β) образуютъ по времени одну непрерывную линію (а). Если, напротивъ, второстепенною дѣйствіе окончилось раньше на- ступленія главнаго дѣйствія, то второстепенное дѣйствіе стоитъ въ *plqprf.* (b). Чрезъ *imprf.* переводится въ томъ случаѣ, если оно при наступленіи главнаго дѣйствія продолжалось (c).

a) α ——— | ——— β

b) α ——— β ———

c) α ——— β ———

Для ясности сравнимъ еще два предложенія: «Когда хлѣбные запасы приходили къ концу, они просили сосѣднія государства пригнать скоть». «Когда хлѣбные запасы пришли къ концу, они питались мясомъ». Въ первомъ случаѣ необходимо поставить въ латинскомъ языкѣ *imprf.*, такъ къ просьба послѣдовала не тогда, когда запасы уже вышли: иначе имъ пришлось бы сидѣть нѣсколько дней голодными. Только во второмъ случаѣ слѣдуетъ поставить *prf.* Сказанное мной объ отношеніи дѣйствія предшествующаго въ дѣйствию одновременному относится и къ дѣйствию послѣдующему въ отношеніи къ одновременному. Нѣмецкій языкъ не можетъ обозначать

*) Авторъ говоритъ о нѣмецкомъ языкѣ; но указанія его могутъ быть полезны и для русскихъ учителей. Ред.

посредствомъ флексированныхъ временныхъ формъ взаимное отношеніе дѣйствій главнаго и второстепеннаго. Предложеніе «*ich begrabe dich, wenn du stirbst*» имѣеть въ нѣмецкомъ языкѣ въ обоихъ предложеніяхъ *praesens*. Что дѣло касается будущаго, можно вывести изъ того, что человекъ, къ которому обращена рѣчь, очевидно еще не умеръ. Понятно и то, что смерть должна наступить и совершиться раньше, чѣмъ будетъ совершенно погребеніе, а потому слѣдуетъ въ придаточномъ предложеніи въ латинскомъ языкѣ поставить *fut. II*, а въ главномъ *futurum I*. Такъ же дѣло обстоитъ, хотя въ иномъ видѣ, и въ греческомъ языкѣ. Кто правильно усвоилъ теорію времени, тотъ можетъ и забыть частныя правила, подобно тому какъ отбрасывается назадъ лѣстница по достиженіи желаемой высоты. Цѣлый рядъ такихъ правилъ имѣется въ школьныхъ грамматикахъ, но не въ концѣ отдѣльныхъ статей, а въ началѣ, когда они еще не могутъ быть понятными.

е) Не распространяй механизма въ преподаваніи далѣе необходимыхъ границъ, но старайся возможно скорѣе пробудить сознательное пониманіе языка, которое гораздо лучше гарантируетъ отъ ошибокъ, чѣмъ отдѣльныя правила, которыя притомъ никогда не могутъ быть исчерпаны. Перевелъ ученикъ VI класса, который хорошо знаетъ грамматическія правила, предложеніе: «ты убѣдилъ меня, что душа безсмертна» такъ: «*Persuasisti mihi, ut animus immortalis sit*» и хотѣлъ мнѣ доказать, на основаніе грамматики, что именно такъ слѣдуетъ перевести. Однако въ грамматикѣ Ellendt-Seyffert'a § 203, 3 — стоитъ совершенно правильно: «Придаточныя предложенія изъяснительныя, ставятся въ *accusativ. cum infinitivo*, а придаточныя предложенія требованія переводятся чрезъ *ut* или *ne* съ сослагательнымъ наклоненіемъ». Ученикъ старшаго класса долженъ уже дойти до пониманія, что примѣненіе грамматическаго правила въ предложеніи зависитъ не отъ словеснаго выраженія предыдущаго предложенія, но отъ его смысла. Такимъ образомъ взрослый ученикъ не долженъ,

напр., заучивать, что въ предложеніяхъ уступительныхъ *licet* сочиняется съ сослагательнымъ наклоненіемъ настоящаго времени, а, наоборотъ, что при потенциальныхъ уступительныхъ предложеніяхъ можетъ стоять также *licet*. Если языкъ будетъ изучаемъ въ такомъ видѣ, то сами собой объяснятся такія явленія, какъ *metuo, ne* (что) и *non dubito, quin* (что). Мы имѣемъ дѣло въ первомъ случаѣ съ отрицательнымъ предложеніемъ желанія, а во второмъ съ отрицательнымъ вопросительнымъ предложеніемъ. Предъ предложеніемъ желанія *veniat* ставится глаголь *metuo* для выраженія того, что желаніе находится подъ страхомъ. Въ нѣмецкомъ, какъ и въ русскомъ языкѣ отношеніе обоихъ предложеній совершенно иное: союзъ «что», которымъ субстантивируется придаточное предложеніе, непосредственно представляетъ содержаніе придаточнаго предложенія какъ предметъ страха. Въ латинскомъ языкѣ вопросительному предложенію «*quin veniat?* почему бы ему не прійти?» предшествуетъ замѣчаніе «я не сомнѣваюсь». Такимъ объясненіемъ не исчерпывается ученіе о *quin*, однако правило, усвоенное раньше механически, получаетъ осмысленное и правильное объясненіе.

d) Если я предостерегалъ отъ механизациі въ преподаваніи, то я имѣлъ въ виду также и то, что ученики должны быть заранѣе приучены распознавать извѣстныя грамматическія отношенія, если они и не всегда встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же словахъ. Часто случается, что нажимаютъ постоянно одинъ извѣстный клавишъ, пока не получатъ извѣстный тонъ, между тѣмъ какъ духъ человѣческой долженъ быть образованъ такимъ образомъ, чтобы возможно было изъ различныхъ клавишей извлекать одинъ и тотъ же тонъ, и при нажиманіи одного клавиша, приходили въ колебаніе и нѣкоторыя другія струны, кромѣ той, которая подверглась непосредственному удару. Если я диктую: «Онъ не оставилъ ничего, чтобы и т. д.», то получается увѣренный отвѣтъ: *nihil praetermisit, quin*; но если я позволю себѣ продиктовать: «Онъ сдѣлалъ все возможное, онъ не оставилъ ничего неиспытаннымъ, онъ всякими способами старался», то отъ многихъ не получаю отвѣта. Предложеніе

«тѣмъ, что молчать, они громко заявляютъ о своемъ требованіи» переводится безъ затрудненія; но если я предлагаю перевести: «Выборомъ тебя въ полководцы народъ далъ доказательство своего довѣрія къ тебѣ», то очень многіе не понимаютъ, что здѣсь требуется *cum identicum*; еще меньше бываетъ понятнымъ, если я продиктую: «Выборъ тебя въ полководцы служить доказательствомъ того довѣрія, которое возлагаетъ на тебя народъ.» Учениками должна быть усвоена привычка за случайно выбранными оборотами рѣчи видѣть самое дѣло и, независимо онѣ внѣшняго выраженія, понимать, какими средствами одного языка можно возмѣстить способы выраженія другого, кратко сказать, привычка предложенный текстъ мыслить на другомъ языкѣ.

е) Вообще грамматика должна быть совершенно окончена къ VII-му классу. Однако предписаніе учебныхъ плановъ, которымъ воспрещается задерживать чтеніе авторовъ введеніемъ грамматическихъ толкованій, слѣдуетъ понимать не такимъ образомъ, что грамматическій элементъ при объясненіи авторовъ долженъ быть совершенно устраненъ. Не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія добавленія, имѣющагося также въ учебныхъ планахъ, гдѣ говорится: «(задерживать чтеніе введеніемъ грамматическихъ объясненій), которыя не неизбѣжно необходимы для пониманія авторовъ». Между тѣмъ нѣкоторыя грамматическія объясненія для пониманія авторовъ неизбѣжно необходимы. Такимъ образомъ, я не оставляю, при преподаваніи греческаго языка, безъ вниманія ни одной словесной формы, относительно которой я предполагаю, что она не вполнѣ понятна ученикамъ. Если предположеніе было не основательнымъ, то оно быстро исчезаетъ, въ противномъ случаѣ формы должны быть подвергнуты анализу, и снова должны быть восстановлены въ памяти законы образованія слова. Нѣтъ основанія опасаться, что такимъ объясненіемъ можетъ быть задержанъ ходъ преподаванія. Какъ только ученики будутъ призваны отвѣчать относительно образованія формъ, то они дома будутъ готовиться къ отвѣтамъ. Но какъ скоро учитель будетъ пренебрегать такими вопросами, то не-

вѣроятно быстро распространится большое невѣжество въ этой области. Въ наиболѣе частыхъ объясненіяхъ нуждаются необычныя конструкціи. Я представлю здѣсь примѣръ не изъ Тацита, а изъ *Bellum gallicum* Цезаря. Такъ, напр. В. G. 1, 4, 4 *Orgetorix mortuus est neque abest suspicio.... quin ipse sibi mortem consciverit.* Это «quin» должно быть, гдѣ только возможно, объяснено. Одна механическая передача можетъ быть допущена только въ крайнихъ случаяхъ. Если встрѣчавшееся въ предыдущихъ главахъ *non dubium est*, *quin* уже было предметомъ грамматической обработки, то въ указанномъ случаѣ не можетъ быть затрудненія. Легко видѣть, что *non abest suspicio* есть только болѣе слабое выраженіе, чѣмъ *non est dubium.* «Нѣтъ никакого сомнѣнія» и «существуетъ твердое убѣжденіе» между собою родственны по смыслу. вмѣстѣ съ тѣмъ это явленіе должно быть основательно обработано на урокахъ чтенія. Само сомою разумѣется, что и на ближайшихъ урокахъ грамматики, если пойдетъ рѣчь о союзѣ *quin*, слѣдуетъ обратить вниманіе на этотъ случай. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ отнестись и къ другому предложенію въ той же главѣ Цезаря. Въ § 1 говорится: *Damnatum roenam sequi oportebat, ut igni cremaretur.* Какъ объяснить это *ut*? На одномъ изъ предшествующихъ уроковъ грамматики уже было сообщено, что *ut consecutivum* ставится послѣ глаголовъ «случается, бываетъ происходить». Такой именно случай въ данномъ предложеніи; только здѣсь вмѣсто общихъ выраженій «должно было случиться, должно было произойти, стоитъ болѣе точное выраженіе «должно было совершиться, случиться, въ видѣ наказанія, чтобы онъ былъ сожженъ». (Наказаніе посредствомъ сожженія).

Что было сказано относительно латинскаго языка, то имѣетъ одинаковое значеніе и для греческаго.

f) При преподаваніи греческаго языка не слѣдуетъ пренебрегать и не пользоваться тѣми выгодами, какія связаны съ приобретеніемъ учениками достаточныхъ познаній въ латинскомъ языкѣ. Гораздо легче изучить второй языкъ, чѣмъ первый, въ особенности, если оба они родственны между собой,

каковы языки латинскій и греческій. Нѣкоторую пользу можно извлечь уже при изученіи этимологій, но гораздо большую при прохожденіи синтаксиса. Стоитъ только повнимательнѣе заглянуть въ греческую грамматику Вальдека. Здѣсь, напр., правила о родительномъ падежѣ, соотвѣтствующія латинскимъ, изложены на $\frac{1}{4}$ стр., между тѣмъ какъ въ грамматикѣ Коха они занимаютъ двѣ страницы. Еще больше разницы въ ученіи о временахъ и залогахъ. Вообще такая разница: у Вальдека синтаксисъ изложенъ на 38 страницахъ, между тѣмъ у Коха на 140. Я не преподавалъ по Вальдеку и не могу сказать, удовлетворяетъ ли его учебникъ потребностямъ школы, но и при признаніи того, что онъ долженъ быть нѣсколько расширенъ, очевидно однако, что многое можетъ быть изложено кратко, благодаря именно сходству съ латинскимъ языкомъ. Безспорно, каждый преподаватель тѣ или другія правила греческой грамматики ставитъ въ связь съ соотвѣтствующими правилами латинскаго языка, но результатъ получается совершенно иной, если дѣло поставлено на вѣрномъ основаніи. Въ этомъ случаѣ ученики будутъ не только быстро усваивать и легче удерживать усвоенное, но и при сравненіи будутъ глубже вникать въ сущность языковъ и употребляемыхъ ими средствъ. Такимъ образомъ я рекомендовалъ бы обратить на грамматику Вальдека серьезное вниманіе. Знаю, что она не свободна отъ недостатковъ. Спрашивается только, покрываются ли эти недостатки достоинствами и какого рода эти недостатки: существенные, заключающіеся въ самомъ методѣ, или несущественные и легко могутъ быть, какъ неизбѣжные при первомъ опытѣ, устранены при второмъ изданіи. Во всякомъ случаѣ, при приготовленіяхъ къ урокамъ по греческому языку постоянно слѣдуетъ пользоваться грамматикою Вальдека, чтобы вести дѣло по имѣющимся тамъ указаніямъ.

г) Въ извѣстномъ отношеніи, при изученіи греческихъ и латинскихъ формъ, слѣдуетъ проводить рѣзкую границу между ними. По образованіи формъ латинскій языкъ значительно старше греческаго языка, такъ что въ греческомъ языкѣ легче воспринять правила образованія формъ, между тѣмъ какъ въ

латинскомъ языкѣ правила эти доступны только, за немногими исключеніями, ученымъ филологамъ. Такимъ образомъ, формы латинскаго языка должны быть заучиваемы какъ уже опредѣленные данныя, по отношенію же къ греческому языку не слѣдуетъ пренебрегать тою выгодой, какую даетъ знаніе законовъ языка. Такимъ путемъ ученикъ не только приобрѣтетъ способность къ правильному образованію неизвѣстныхъ ему словесныхъ формъ, но также найдетъ поддержку при заповинаніи этихъ формъ и кромѣ того возможность глубоко всмотрѣться въ процессъ образованія величайшаго изъ созданій человѣческаго творчества—языка. Только не слѣдуетъ думать, что не долженъ твердо заучивать *verba anomala* тотъ, кто усвоилъ правила образованія словъ. Я смотрю на дѣло иначе. Чѣмъ понятнѣе ученику, при такомъ способѣ изученія, образованіе формъ, тѣмъ настойчивѣе я могу требовать, чтобы онѣ твердо были усвоены. Для повторенія я рекомендую въ особенности «*Verba anomala*» Вейска, потому что книга эта предлагаетъ не только формы, но и содержитъ *in pise* грамматику и стилистику.

3. *Стилистика.*

а) Если важно и поучительно знаніе законовъ образованія формъ въ языкѣ, то еще важнѣе то духовное приобрѣтеніе, которое получается отъ изученія средствъ языка, которыя употребляются для выраженія мыслей. Если мы узнаемъ внутреннія представленія двухъ народовъ и сравнимъ ихъ усилія выразить однѣ и тѣ же мысли въ словахъ, которыя со стороны содержанія не покрываютъ въ двухъ языкахъ другъ друга, то мы проникаемъ въ душу этихъ народовъ и вообще въ духъ человѣчества. Во всякомъ случаѣ мы можемъ имѣть здѣсь наилучшее средство для достиженія того, что учебные планы признаютъ введеніемъ въ духовную и культурную жизнь народовъ. «Знаніе языка—знаніе народа», говоритъ Вильманъ, *Didaktik* II, 99. Само собой разумѣется, что такія «народно-психологическія» наблюденія могутъ имѣть мѣсто только во высшихъ классахъ и въ элементарномъ видѣ. Въ этомъ отно-

шеніи полезно, чтобы ученики глубже изучали Гомера и могли составить себѣ понятіе, какъ своеобразный міръ выражается въ своеобразномъ языкѣ. Но для глубокихъ и научныхъ наблюдений надъ явленіемъ языка мы не располагаемъ временемъ, а потому излишне и говорить о цѣнности тѣхъ результатовъ, стремиться къ достиженію которыхъ, если не запрещено, то во всякомъ случаѣ невозможно.

b) Въ прусскихъ учебныхъ планахъ сказано: «Особенности въ употребленіи частей рѣчи, стилистическія и синонимическія уклоненія должны быть изучаемы индуктивно, причѣмъ необходимо ограничиваться усвоеніемъ того, что несомнѣнно вѣрно.» Естественно, не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ впадать въ крайность. И если, начиная съ низшихъ классовъ, строго слѣдовать этому указанію, то ученики могутъ приобрѣсти такія знанія, благодаря которымъ они достигнутъ существенныхъ успѣховъ въ знаніи языка и искусство языка. Уже въ IV классѣ возможно разучить съ учениками нѣкоторое количество правилъ для перевода. Еще большее число такихъ правилъ я помѣстилъ въ указанія для перевода, которыя предпосланы моему школьному изданію «Bellum Gallicum» Цезаря, и которыя нашли многихъ подражателей. Но этихъ правилъ недостаточно. Другія правила должны быть собраны при чтеніи и должны быть внесены въ тетрадь для замѣтокъ. Я приведу примѣры Bellum Gall. 1, 1, 3 «minime saepe» слѣдуетъ перевести «очень рѣдко», «соріа frumenti suppetit» — «нѣтъ недостатка въ хлѣбѣ». Отсюда получается правило: если буквальный переводъ не годится, то слѣдуетъ перевести съ помощію отрицанія противоположнаго понятія. Къ 1, 1, 5 Sequani, Helvetii и т. д. нужно прибавить замѣчаніе: римлянинъ располагалъ небольшимъ количествомъ названій земель; онъ замѣняетъ эти названія или такъ, какъ это сдѣлало въ данномъ мѣстѣ, или такъ, какъ 1, 8, 1: fines Sequanorum. 1, 1, 5 стоит flumen Rhenum; 1, 8, 1 mons Iura; отсюда слѣдуетъ: во избѣжаніе недоразумѣнія римлянинъ ставитъ при именахъ горъ и рѣкъ родовыя понятія и т. д.

Въ изданіи Цезаря «Bellum Civile» я собралъ значительное

количество правил латинской стилистики, которыя легко получаютъ при чтеніи. Другіе образцы я представилъ въ сочиненіи: «Über die Notlage des lateinischen Unterrichts» (Lehrproben. Heft. 41, стр. 7) изъ рѣчи Цицерона pro Archia poëta. Если все необходимое будетъ такимъ путемъ наблюдаемо, вносимо въ тетрадь и примѣняемо въ дѣлу; то ученики постепенно достигнуть при помощи индуктивнаго метода достаточнаго знанія латинской стилистики. Такой путь вполне примѣнимъ и къ переводамъ съ греческаго языка, но и здѣсь учитель долженъ рекомендовать ученикамъ сборники примѣровъ, если онъ желаетъ дать имъ методическое руководство для переводовъ и достигнуть того, чтобы ученики гимназій могли изящно переводить классическихъ писателей. Составленные подъ руководствомъ учителя сборники, при переходѣ учениковъ къ другому преподавателю, должны быть передаваемы ему для пользованія и дальнѣйшаго распространенія. Въ заключеніе главы «Запасъ словъ, грамматика, стилистика» повторяю еще разъ совѣтъ: ограничивайся необходимымъ, несомнѣнно вѣрнымъ, типичнымъ и не трать время на частности.

4. Чтеніе.

По поводу чтенія я коснусь лишь того, что имѣетъ значеніе для нашей темы.

а) Прежде всего я скажу о такъ называемомъ статарномъ чтеніи, къ которому ученики то приготавливаются на дому, то не приготавливаются.

α) При статарномъ чтеніи безъ приготовленія дѣло идетъ о томъ, чтобы, съ одной стороны, путемъ вывода переноснаго значенія словъ изъ ихъ основнаго значенія, а съ другой, посредствомъ, уже извѣстныхъ ученикамъ правилъ освѣтить шагъ за шагомъ читаемый текстъ и проникнуть въ истинный смыслъ его (Lehrproben, Heft 34, стр. 13 и слѣд.). Но если ученики такъ далеко ушли, что быстро оканчиваютъ эту работу, то въ этомъ случаѣ нѣтъ надобности наскучивать имъ педантизмомъ. «На урокахъ слѣдуетъ постоянно останавливаться на указанной въ учебныхъ планахъ подготовкѣ къ но-

вымъ или труднѣйшимъ авторамъ». Достаточно 10 или 12 уроковъ для общей подготовки учениковъ къ чтенію Гомера. Послѣ этого они въ состояніи будутъ вполне удовлетворительно готовиться сами при помощи спеціальнаго словаря. Какъ я читаю Гомера, чтобы довести учениковъ съ помощію индуктивнаго метода до удовлетворительнаго пониманія Гомеровскаго языка, объ этомъ подробно сказано въ 29 книжкѣ *Lehrproben*, стр. 70 и слѣд. По отношенію же къ чтенію Овидія и Вергилія я не располагаю достаточнымъ запасомъ собственныхъ наблюденій, а потому и не могу ничего сказать по этому вопросу.

β) Что касается старнаго чтенія послѣ домашней подготовки, то оно послѣдовательно, начиная съ низшихъ классовъ, можетъ быть въ классѣ съ успѣхомъ исполняемо такъ, какъ я веду его въ старшихъ классахъ. Прежде чѣмъ приступить къ переводу даннаго для домашней подготовки отрывка, — всегда слѣдуетъ назначать для домашняго перевода опредѣленный урокъ, — я спрашиваю: какія явленія языка встрѣтились вамъ въ этой главѣ? Явленія эти объясняются, насколько то необходимо для пониманія текста, и отмѣчаются, если необходимымъ признается обратить на нихъ вниманіе на послѣдующихъ урокахъ грамматики, для того, чтобы имѣть ихъ постоянно въ распоряженіи. Если нѣкоторые надѣются посредствомъ буквальнаго перевода оказать противодѣйствіе «поверхностному пониманію», то не слѣдуетъ забывать, что такими переводами притупляется чувство роднаго языка. Ученикъ долженъ знать значеніе отдѣльныхъ словъ, но онъ долженъ также избѣгать плохого перевода на родной языкъ. Послѣ предварительнаго, образцоваго и повторительнаго перевода, слѣдуетъ, въ особенности въ среднихъ классахъ, спрашивать: какія правила для перевода можно извлечь изъ этой главы? Или при случаѣ: какими правилами для перевода мы руководствовались? Такими вопросами слѣдуетъ ограничиваться на урокахъ чтенія. Объединеніе такихъ правилъ въ болѣе сплошную систему, напр., относительно употребленія мѣстоимѣній въ латинскомъ языкѣ, я отнесъ бы на уроки грамматики

β) Если для того, чтобы близко ознакомиться съ древними писателями и ихъ языкомъ, необходимо читать не только основательно, но и возможно больше, то однако не слѣдуетъ уклоняться въ сторону въ силу нижеслѣдующаго требованія учебныхъ плановъ: «Цѣлесообразное (стр. 21) пользованіе наглядными средствами въ видѣ снимковъ съ произведеній античнаго искусства и въ видѣ разныхъ другихъ изобрѣтеній изъ жизни древнихъ должно быть рекомендуемо постоянно и настойчиво». Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе на слово «цѣлесообразное». Такое пользованіе будетъ цѣлесообразнымъ въ томъ только случаѣ, если оно имѣетъ важность для пониманія существеннаго или для общаго образованія. Въ противномъ случаѣ внутреннее созерцаніе изображенныхъ въ литературныхъ произведеніяхъ событій имѣетъ большую цѣну, чѣмъ разсматриваніе этихъ событій на картинахъ. Если я являюсь усерднымъ защитникомъ цѣлесообразнаго пользованія наглядными средствами, то вмѣстѣ съ тѣмъ настойчиво предостерегаю и отъ излишняго или слишкомъ обширнаго пользованія ими. По этому вопросу у меня подробно сказано въ статьѣ «Наглядное преподаваніе искусствъ» въ 38 вып. «Lehrproben» стр. 71 и слѣд. Точно также слѣдуетъ воздерживаться отъ слишкомъ просторныхъ и слишкомъ частыхъ и, во всякомъ случаѣ, отъ излишнихъ уклоненій въ область древностей (Ср. Шрадеръ «Гимн. и р. уч.»), а въ особенности отъ подробныхъ введеній къ читаемому автору и сообщеній относительно лицъ, которыя названы по именамъ въ извѣстномъ мѣстѣ, ничего не прибавляя для пониманія этого мѣста. Я имѣю въ виду въ особенности многія имена у Горация и въ цитатахъ изъ поэтовъ у Цицерона и т. д. Напротивъ, личности, имѣющія значеніе для пониманія текста, должны являться въ представленіи учениковъ не въ видѣ неясныхъ фигуръ, а въ видѣ отчетливыхъ образовъ. Должно быть наглядно представленнымъ все, что читается. Такимъ путемъ возвышается интересъ къ чтенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ языку.

γ) Но если требуется твердое усвоеніе языка, то нельзя

читать и слишкомъ мало. Какимъ же образомъ основательность и наглядность чтенія соединить съ большимъ объемомъ чтенія? Очень просто: не слѣдуетъ слишкомъ часто мѣнять писателей. Если ученики сживаются съ образомъ и кругомъ мыслей писателя, то чтеніе подвигается впередъ гораздо быстрѣе и во-очію возрастаетъ знакомство съ языкомъ. Если же ихъ послѣшно перемѣститъ въ иную область, то они должны за-ново до нѣкоторой степени учиться плавать. Такой приѣмъ не можетъ быть устраненъ въ интересахъ другихъ цѣлей преподаванія, но возможно въ этомъ отношеніи нѣкоторое ограниченіе. Я вполне согласенъ съ требованіемъ прусскихъ учебныхъ плановъ: «вообще не рекомендуется параллельно читать прозаиковъ и поэтовъ». Но не рекомендуется вообще и чтеніе въ одномъ и томъ же классѣ болѣе одного и въ крайнемъ случаѣ болѣе двухъ прозаиковъ. Можно надѣяться, что предписаніе учебныхъ плановъ, чтобы въ высшемъ отдѣленіи II класса (VІІ кл.) были читаемы 4 различныхъ латинскихъ писателя, не обязательно. Изъ 190 годичныхъ уроковъ, назначенныхъ на чтеніе, падаетъ на каждого писателя по 47 уроковъ. Въ теченіе этого времени едва-ли возможно прочесть болѣе 35 страницъ по изданію Тейбнера. Такъ же и въ низшемъ отдѣленіи II класса, гдѣ, при 150 урокахъ чтенія, должны быть читаемы три писателя, приходится на каждого только по 50 уроковъ. Въ такомъ случаѣ ученики не могутъ въ достаточной мѣрѣ вчитаться въ писателей и сжитья съ ними. Въ хозяйствѣ заботы направлены не на то, чтобы поле принесло возможно больше растительности, но чтобы посѣянные сѣмена дали зрѣлые плоды. Такъ должно быть и при образованіи духа. Но зрѣлость дается временемъ. Чтобы сберечь время, я рекомендовалъ бы читать въ низшемъ отдѣленіи II класса, кромѣ поэта, только Цицерона, въ старшемъ отдѣленіи этого класса, кромѣ поэта, Тита Ливія. Нисколько не удивительно, что въ низшемъ отдѣленіи II класса, гдѣ заканчивается изученіе латинской грамматики, ученикъ одновременно читаетъ автора, въ которомъ заключается много уклоненій отъ грамматическихъ правилъ. Точно также и по-

гречески я рекомендовалъ бы читать въ старшемъ отдѣленіи II класса, наряду съ Одиссеей, одного только прозаика. Вообще разница большая между читаемыми въ этомъ классѣ *Memorabilia* Ксенофонта и Геродотомъ. Во всякомъ случаѣ, не могу до сихъ поръ присоединиться къ отрицательному мнѣнію Шрадера («Гимн. и р. уч.») относительно *Memorabilia*.

в) И курсорное чтеніе бываетъ то съ подготовкой, то безъ подготовки. Последнее имѣетъ мѣсто тогда, когда читаются болѣе легкіе отрывки, которые не требуютъ продолжительныхъ остановокъ ни въ отношеніи грамматико-стилистическихъ явленій, ни въ отношеніи содержанія. Переменная въ ходѣ занятій освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ на учениковъ. Сознаніе, что они могутъ быстро овладѣвать значительными по объему отрывками, окрыляетъ ихъ, что способствуетъ успѣшному изученію предмета. Кромѣ того, чтеніе безъ подготовки является пробнымъ камнемъ для убѣжденія въ томъ, какъ далеко ученики ушли въ способности быстро схватывать смыслъ неизвѣстнаго имъ текста и умѣнья изящно его переводить. На прочитанныхъ мѣстахъ я останавливаюсь затѣмъ при статарномъ чтеніи и такимъ образомъ они не остаются для преподаванія потерянными. Такое чтеніе можетъ указывать на имѣющіяся въ познаніяхъ учениковъ пробѣлы, которые учитель долженъ пополнить. Курсорное чтеніе съ подготовкой должно имѣть мѣсто въ особенности въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о томъ, чтобы быстро овладѣть не слишкомъ трудными отрывками. Кромѣ того, такое чтеніе имѣетъ значеніе въ качествѣ

с) такъ называемаго приватнаго (домашняго) чтенія. Не слѣдуетъ низко цѣнить правильно исполняемое домашнее чтеніе въ интересахъ также грамматико-стилистическаго преподаванія. Я держусь другого мнѣнія, чѣмъ Е. Wolf, который въ *Wochenschrift f. kl. Philol.* 1894, стр. 871 говоритъ, что то дополнительное приватное чтеніе въ качествѣ нововведенія новѣйшаго времени имѣетъ не большее значеніе, чѣмъ похвальное желаніе или красивая декорация. Я полагаю, что

приватное чтеніе можетъ быть весьма плодотворнымъ, и желалъ бы видѣть его практикуемымъ въ ограниченныхъ размѣрахъ въ низшемъ отдѣленіи II класса. При этомъ я имѣю въ виду такое приватное чтеніе, которое исполняется всѣмъ классомъ, и въ школѣ подвергается правильному контролю. Можетъ быть еще другого рода приватное чтеніе, практикуемое учениками по собственной охотѣ, по рекомендаціи учителя. Но изъ такого чтенія нельзя извлечь пользы для преподаванія. Наблюденію за правильнымъ чтеніемъ я посвящаю въ I (вышемъ) классѣ не болѣе 1 часа въ недѣлю. Такое чтеніе я дѣлаю прямо полезнымъ съ нашей точки зрѣнія тѣмъ, что постоянно начинаю вопросомъ: съ какими явленіями языка вы встрѣтились? Такимъ образомъ ученики поставлены въ необходимость обращать вниманіе не только на содержаніе, но и на средства языка. По латинскому языку я назначаю еженедѣльно 45 страницъ по изданію Тейбнера. Это не слишкомъ много, если избирается такой писатель, который не представляетъ особыхъ трудностей. Для низшаго отдѣленія I класса я рекомендую сначала *Bellum civile* Цезаря и Ливія; для высшаго отдѣленія — Ливія и Саллюстія. Можно также обратить вниманіе и на элегиковъ какъ латинскихъ, такъ и греческихъ. Если принять въ соображеніе, что въ I классѣ въ теченіе 80-ми учебныхъ недѣль такимъ способомъ будетъ прочитано до 350 страницъ по-латыни, то нельзя не согласиться, что приватное чтеніе оказывается достойнымъ вниманія средствомъ для твердаго усвоенія учащимися латинскаго языка. По отношенію къ приватному чтенію по-гречески я поступаю иначе. Хотя и здѣсь я назначаю мѣста для домашняго чтенія по-недѣльно, но въ тѣхъ видахъ, чтобы не нарушать цѣльности впечатлѣнія художественнаго произведенія, контролирую прочитанное чрезъ большіе промежутки времени, въ отрывкахъ большаго объема и втеченіе большаго числа уроковъ, причемъ естественно почти исключительно обращается вниманіе на содержаніе и составные части отрывковъ.

d) При чтеніи не слѣдуетъ забывать и чтеніе: имѣю въ виду громкое чтеніе (чтеніе въ слухъ), въ особенности въ

низшихъ классахъ. Здѣсь читаетъ самъ учитель внятно и выразительно, чтобы облегчить пониманіе иностраннаго текста, въ особенности при чтеніи безъ подготовки. Что проходитъ чрезъ ухо, понимается легче того, что только прочитывается, а также глубже западаетъ въ душу. При чтеніи съ подготовкой я считаю чтеніе предъ переводомъ напрасной тратой времени, но не послѣ перевода: разумѣю полное выразительности чтеніе отрывка бѣльшаго объема. Можно иногда выразительнымъ чтеніемъ замѣнить переводъ легкаго отрывка, въ особенности когда дѣло касается приватнаго чтенія. Чтобы текстъ во всякомъ случаѣ прошелъ чрезъ органъ слуха, я употребляю въ I классѣ слѣдующій приемъ: при повторительномъ переводѣ я заставляю учениковъ той или другой скамейки открыть книги. Они по порядку читаютъ по частямъ данный отрывокъ, а всѣ остальные должны переводить по слуху. Если я желаю, чтобы мѣста изъ лучшихъ латинскихъ писателей были лучше усвоены, я поступаю такимъ образомъ: одинъ ученикъ переводитъ писателя по частямъ на родной языкъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные дѣлаютъ обратный переводъ. Естественно, такъ поступать нельзя въ томъ случаѣ, если чувствомъ слуха должна быть воспринята художественная форма писателя. Оды Горация, драматическія сцены и рѣчи Демосоена я приказываю читать безъ перерыва, или предварительно самъ читаю, но такъ, что открытой книгу держатъ только читающіе, а остальные слушаютъ, въ чемъ я удостоверяюсь путемъ разнаго рода вопросовъ. И это средство служить къ тому, чтобы ученики сживались съ языкомъ.

е) Какими изданіями слѣдуетъ пользоваться для чтенія авторовъ? Я вообще стою за должное пользованіе изданіями комментированными, причемъ комментарий долженъ быть помѣщенъ въ особой книжкѣ, такъ, чтобы ученики не носили его въ классъ. Я съ намѣреніемъ говорю не о школьныхъ изданіяхъ, но о школьныхъ комментаріяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли сначала въ Bibliotheca Gothana, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ, о такихъ именно изданіяхъ, которыя прямо были назначены для того или другого класса. Въ та-

комъ случаѣ преподаваніе освобождается отъ многого, что ученикъ заучиваетъ дома, и такимъ путемъ выигрывается значительное количество времени, которое можетъ быть употреблено не только на болѣе основательную обработку содержанія, но и на болѣе обильное чтеніе. И снова учащіеся получаютъ возможность сживаться съ писателемъ и языкомъ. Конечно, если бы классики были написаны для современнаго юношества, съ соблюденіемъ постепенности и съ назначеніемъ для каждаго класса, начиная съ IV, особаго изданія, то можно было бы не пользоваться комментаріями. Но классики написаны для взрослыхъ грековъ и римлянъ, а потому чрезъ ту пропасть, которая зіяетъ между познаніями учащихся касательно языка и реалій, съ одной стороны, и возможностью поверхностнаго или надлежащаго перевода древняго писателя, съ другой стороны, долженъ быть перекинутъ мостъ въ видѣ школьныхъ комментированныхъ изданій. Если воспретить школѣ пользованіе такими пособіями, зиждущимися на методическихъ соображеніяхъ, то очень многіе ученики будутъ прибѣгать къ непозволительнымъ средствамъ, потому что они только въ отдѣльныхъ случаяхъ бываютъ въ состояніи удовлетворить требованіямъ школы. Долженъ сознаться, какъ много времени даже теперь я употребляю на хорошій переводъ нечитанной главы изъ Тацита или Ливія, если приходится переводить безъ всякихъ пособій. Здѣсь не мѣсто двигать этотъ вопросъ. Гораздо легче онъ можетъ быть разрѣшенъ путемъ опыта, а не разсужденій. Собственныя наблюденія убѣждаютъ меня въ справедливости моего утвержденія, что комментированныя изданія цѣлесообразны, но мои наблюденія не могутъ быть признаны достаточно обширными. Однако мнѣ нерѣдко приходилось получать благопріятные отзывы отъ тѣхъ, которые пользовались моимъ изданіемъ Цезаря, равно какъ и успѣхъ по продажѣ книги убѣждаетъ въ томъ, что она находитъ обширное употребленіе. Относительно печатныхъ переводовъ я не могу ничего сказать.

5. Письменные работы.

Съ нашей точки зрѣнія выше всего должны стоять переводы съ родного языка на латинскій, такъ какъ въ нихъ именно обнаруживается знаніе языка, тогда какъ при переводахъ на родной языкъ недостатокъ знанія покрывается изобрѣтательностію. Переводы на латинскій языкъ исполняются частію на дому, частію въ школь. Средствомъ для упражненія преимущественно служатъ домашнія работы, тогда какъ классные переводы, которые должны быть задаваемы только послѣ продолжительнаго упражненія въ употребленіи соотвѣтственныхъ правилъ, являются преимущественно средствомъ для испытанія. При исполненіи тѣхъ и другихъ работъ ученики должны быть съ самаго начала приучены представлять переводы по возможности безъ ошибокъ. Кто сдѣлалъ въ работѣ не больше трехъ ошибокъ, тотъ можетъ извлечь пользу отъ исправленія ея и едва-ли сдѣлаетъ тѣже опибки; но кто сдѣлалъ 15—20 ошибокъ, тотъ ничему не научится отъ исправленія, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ не можетъ запомнить всѣхъ поправокъ. Я скажу прежде всего относительно

а) scriptum. Такъ я называю, согласно обычному употребленію слова, каждую работу, исполненную каждымъ ученикомъ, причемъ текстъ можетъ быть написанъ заранѣе или не написанъ, что обусловливается свойствомъ работы. Такимъ образомъ scripta должны быть, въ особенности въ низшихъ и среднихъ классахъ, такъ подготовлены путемъ устныхъ и письменныхъ упражненій, чтобы преобладающее большинство учениковъ было въ состояніи выполнить ихъ удовлетворительно, т.-е. не сдѣлать болѣе трехъ ошибокъ. Если при исполненіи работъ преподаватель замѣтитъ, что одна и та же ошибка повторяется у многихъ учениковъ, то онъ долженъ указать на эту ошибку: такой приѣмъ гораздо полезнѣе, чѣмъ подчеркиваніе ошибокъ на дому красными чернилами. Обычныя scripta не слѣдуетъ обставлять торжественностію, которая наводитъ страхъ на робкихъ учениковъ и задерживаетъ ихъ производительную способность. Иногда въ подходящіе моменты я по-

зволюю себѣ задавать вопросы, на которые я отвѣчаю, если то представляется необходимымъ, такимъ образомъ, чтобы на отвѣтъ было обращено вниманіе всего класса. Также не слѣдуетъ во всякую минуту тревожить исполняющихъ работу учениковъ вопросами. Важно, чтобы для исполненія scriptum удѣляемо было достаточное время, въ особенности если трудности увеличиваются. Весьма многіе переводы оказываются неудовлетворительными по той причинѣ, что назначаются слишкомъ длинныя работы, такъ что ученики не имѣютъ возможности прилагать въ дѣлу все соображенія, требуемыя переводомъ. Приходится наблюдать, что большинство ошибокъ встрѣчаются на послѣднихъ страницахъ работъ. Мы должны довольствоваться тѣмъ, если намъ удастся довести своихъ учениковъ до умѣнья съ увѣренностію примѣнять къ дѣлу правила. При ограниченномъ количествѣ времени мы не можемъ довести ихъ до такого знанія, чтобы они въ состояніи были безъ обдумыванія, чисто по привычкѣ, переводить безошибочно. Scripta должны быть задаваемы съ первыхъ недѣль ученія, но послѣ надлежащей предварительной подготовки. Съ большою заботливостію долженъ быть составляемъ для переводовъ текстъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы ученики располагали возможно полнымъ запасомъ словъ, грамматическихъ и стилистическихъ правилъ, которыя были предметомъ изученія на послѣднихъ урокахъ. Черезъ извѣстные промежутки времени, по рассмотрѣніи исполненныхъ работъ, слѣдуетъ назначать объединительныя работы. Печатные тексты могутъ быть употребляемы въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ они большею частію не соотвѣтствуютъ цѣлямъ учителя. За всю свою жизнь едва ли болѣе двухъ разъ я назначалъ одни и тѣ же тексты для перевода, потому что каждый годъ преподаваніе въ одномъ и томъ же классѣ совершаетъ иной путь сравнительно съ прежними годами. Предписано, чтобы текстъ каждаго scriptum постоянно находился въ связи съ чтеніемъ. Въ I (вышемъ) классѣ въ то время, когда Цицеронъ не читается, scripta могутъ быть связаны съ приватнымъ чтеніемъ, изъ котораго въ этомъ случаѣ цѣлесообразно обрабатывается извѣстный отрывокъ, какъ сказано въ моей

статьѣ «Über die Notlage», стр. 8. Въ низшихъ классахъ рекомендуется за нѣсколько дней впередъ составлять текстъ для scriptum и на промежуточныхъ урокахъ давать для перевода такія предложенія, которыя подобны предложеннымъ въ scriptum. Кому, вопреки столь умѣренному требованію, какое я ставлю для scriptum, не удастся въ младшихъ классахъ добиться удовлетворительныхъ переводовъ, тотъ долженъ быть безжалостно оставленъ въ томъ же классѣ на повторительный курсъ. Основы при изученіи языка должны быть твердо усвоены. При прохожденіи греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи III класса снисходительность скорѣе умѣстна.

β) Что касается exercitia, исполняемыхъ на дому, то здѣсь отъ учениковъ требуется больше искусства въ переводахъ. Въ то время какъ при исполненіи scripta требуется примѣненіе такихъ только правилъ, которыя уже твердо усвоены учениками, при exercitia затрогиваются также и такія правила, о которыхъ была рѣчь при чтеніи по поводу отдѣльныхъ только явленій языка въ интересахъ общаго развитія. (Срв. Н. Schiller, *Einheitl. Gestalt. d. Gymn.-Unterrichts*, Halle 1890, Стр. 89). Слѣдуетъ отмѣчать, когда то необходимо, наиболѣе трудныя мѣста, указывая или на грамматику или на такіе отрывки въ текстѣ, которымъ слѣдуетъ подражать. Не слѣдуетъ воспрепятствовать ученикамъ переговариваться между собою; иначе у нихъ пропадетъ интересъ къ дѣлу, а между тѣмъ возбужденіе и утвержденіе интереса составляетъ нашу главную задачу. Если ученики заподозрѣны въ отсутствіи прилежанія, то наканунѣ подачи работы они должны показывать черновыя работы. При составленіи текста для exercitia я охотно пользуюсь, въ интересахъ провѣрки самого себя, услугами другихъ. Легко можетъ образоваться любовь къ извѣстнаго характера работамъ, которыя въ этомъ случаѣ и будутъ часто повторяемы, между тѣмъ какъ другія стороны дѣла могутъ оставаться заброшенными. Путемъ пользованія работами другихъ получается возможность, знать какія требованія предъявляются другими по отношенію къ тому или другому классу. Въ случаѣ надобности я обрабатываю печатныя изданія по своему усмотрѣнію. Отно-

сительно исправленія и выдачи работъ я не считаю нужнымъ рекомендовать какіе либо особыя приемы: много дорогъ ведетъ въ Римъ. Во всякомъ случаѣ, исправлять слѣдуетъ такимъ образомъ, чтобы ученикъ могъ понять, въ чемъ заключаются его ошибки, и чтобы родители могли видѣть, насколько работа его удовлетворительна, т. е. должны быть выставяемы на работахъ отмѣтки. При выдачѣ работъ необходимо дѣло вести такимъ образомъ, чтобы всѣ ученики и каждую минуту внимательно слѣдили за объясненіемъ учителя. Я дѣлаю различіе между ошибками грубыми и незначительными. Въ низшихъ классахъ, гдѣ внѣшняя сторона дѣла должна имѣть большое значеніе, такое разграниченіе можетъ быть и неумѣстно, но въ среднихъ и высшихъ классахъ мнѣ постоянно представляется несправедливымъ за пропускъ придыханія или ударенія ставить низшую отмѣтку на работѣ, въ общемъ хорошей. Однако мнѣ пришлось видѣть свободное отъ ошибокъ французское экстемпорале съ отмѣткой «еще удовлетворительно», такъ какъ три раза на концѣ предложеній не поставлена точка. При такомъ отношеніи къ ошибкамъ скоро появляется необходимость ставить хорошую отмѣтку за работу съ большимъ количествомъ ошибокъ и притомъ грубыхъ. За небрежное отношеніе къ внѣшней сторонѣ дѣла можно подвергнуть взысканію другого рода, но отмѣтки должны указывать на познанія ученика: иначе ученикамъ причиняется вредъ, и они дѣлаются равнодушными къ результатамъ работы. Исправленныя *scripta* и *exercitia* по латинскому языку, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ классахъ, должны быть переписаны всѣми учениками: исключенія могутъ быть допущены только въ отдѣльныхъ случаяхъ. Въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ Шрадеромъ. Работа должна быть, въ интересахъ знанія свободной отъ ошибокъ, въ особенности въ отношеніи разстановки словъ, и въ то же время оказывается возможнымъ предлагать плохую латынь. Исправленныя работы въ своемъ родѣ должны представлять безукоризненную латынь, съ тѣмъ, чтобы она могла служить для учениковъ образцомъ. Относительно того,

долженъ ли учитель диктовать исправленный текстъ или нѣтъ, никакихъ указаній не предлагаю.

Во всякомъ случаѣ, въ бѣловомъ должны быть отмѣчены всѣ особенности, на основаніи которыхъ данное предложеніе именно такъ должно быть переведено, съ тѣмъ, чтобы возможно было припомнить при дальнѣйшихъ письменныхъ работахъ всѣ вопросы, бывшіе предметомъ изученія въ течение года. Естественно, долженъ быть частый просмотръ исправленныхъ работъ въ томъ или другомъ видѣ. Рядомъ съ *exercitia* и *scripta*, при усвоеніи правилъ будутъ имѣть мѣсто по печатнымъ изданіямъ многочисленныя письменные переводы, которые не подвергаются корректурѣ.

б) Переводы на родной языкъ, въ качествѣ провѣрочныхъ работъ, должны указывать, какъ ученикъ далеко продвинулся въ самостоятельномъ пониманіи текста и умѣнны собственными силами переводить на родной языкъ. Мы не имѣемъ въ виду предписывать опредѣленный методъ для веденія этихъ работъ, по намѣрены лишь показать, какъ онѣ, соотвѣтственно нашей точкѣ зрѣнія, могутъ сдѣлаться полезными. Здѣсь гораздо труднѣе, чѣмъ для *scripta*, намѣтить вполне цѣлесообразныя приемы, какіе мною уже указаны. Такимъ образомъ я считаю себя обязаннымъ найти другой путь для созданія возможности получить отъ учениковъ удовлетворительныя классныя работы. Прежде всего, я выбираю такого автора, съ которымъ ученики освоились, затѣмъ отыскиваю такой отрывокъ, содержаніе котораго понятно безъ особаго объясненія, или, если такого отрывка не оказывается, я даю краткое поясненіе. Употребленіе лексикона я не допускаю, такъ какъ это лишало бы работу характера провѣрки. Естественно, могутъ имѣть мѣсто до или во время исполненія работы указанія или отвѣты на руководящія вопросы. Не должны быть допускаемы такіе переводы, изъ которыхъ нельзя убѣдиться, извѣстны ли ученику значенія словъ и ихъ грамматическая связь, или по крайней мѣрѣ необходимо требовать, наряду съ такой свободной передачей, и буквальный переводъ. При исправленіи должно различать ошибки противъ пониманія

отъ ошибокъ противъ умѣнья переводить. Послѣднимъ слѣдуетъ придавать такое же значеніе, какъ и ошибкамъ противъ пониманія смысла текста въ томъ только случаѣ, если онѣ касаются извѣстныхъ правилъ для перевода. Типическіе примѣры слѣдуетъ соединять и заучивать. Въ тѣхъ видахъ, чтобы ученики могли обрабатывать до нѣкоторой степени художественно переводимый матеріалъ, необходимо назначать не слишкомъ большіе отрывки. Для свободнаго полета долженъ умъ свободно пользоваться крыльями и не находиться подъ вліяніемъ страха, какой внушается ученикамъ большимъ объемомъ работы. Греческій текстъ при случаѣ слѣдуетъ диктовать въ видахъ подготовки къ работѣ на экзаменѣ зрѣлости. Ошибки, которыя заключаютъ въ себѣ что-либо типичное, объясняются при выдачѣ, чтобы ученики могли избѣгать ихъ при слѣдующей работѣ. Переписываются на-бѣло только совершенно неудовлетворительные переводы; что касается остальныхъ работъ, то болѣе важныя поправки пишутся на поляхъ или внизу работы, съ указаніемъ на нихъ цифрами. На слѣдующемъ урокѣ переводъ снова просматривается, или дѣлается переводъ съ древняго текста, или имѣетъ мѣсто то и другое. Необходимо, во всякомъ случаѣ, пользоваться, при близкомъ знакомствѣ съ тѣмъ или другимъ мѣстомъ въ текстѣ, для того, чтобы соотвѣтственно нашей точкѣ зрѣнія извлечь изъ него всю пользу, т. е. чтобы ученики вполне усвоили заключающееся въ немъ правило.

с) Изложеніе содержанія по-латыни. Къ старшимъ классамъ относится требованіе, стоящее ввѣ всякой связи съ задачею преподаванія въ предшествующихъ классахъ. «При случаѣ передача содержанія, исключительно въ интересахъ обработки прочитаннаго». Передача содержанія—работа особенная и требуетъ, если она ведется въ преподаваніи въ видѣ обязательнаго занятія, особенныхъ упражненій. Двѣ разныя вещи—переводить съ роднаго на латинскій языкъ, въ чемъ ученики упряжняются съ низшихъ классовъ, и свободно писать по-латыни для обработки прочитаннаго. Если позволено будетъ ученикамъ переписывать механически то, что они

раньше выучили наизусть, то это совсѣмъ не «обработка прочитаннаго», и такая работа имѣетъ малую цѣну. Но если пойти дальше механической переписки, то это будетъ противорѣчить учебнымъ планамъ, которые для такихъ упражненій времени совсѣмъ не отводятъ. Такимъ образомъ я не знаю, какъ и приступить къ такимъ работамъ.

Только въ видѣ дополненія укажу еще по одно средство, которое къ преподаванію ничего не прибавляетъ и которое однако я считаю важнымъ. Въ началѣ я высказалъ, что въ самыхъ учебныхъ планахъ кроются причины упадка грамматическихъ и стилистическихъ знаній. Но и безъ измѣненія учебныхъ программъ можно улучшить до нѣкоторой степени положеніе дѣла. Стоитъ только высказать желаніе, чтобы *scripta* не находились въ положеніи умирающаго и чтобы слова (пруссскихъ) учебныхъ плановъ: «не слѣдуетъ односторонне преувеличивать значеніе такъ называемыхъ *extemporalia*» не принимались въ томъ смыслѣ, что *extemporalia* не заслуживаютъ никакого вниманія,—что слова эти на самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ тотъ смыслъ, что успѣхи учениковъ должны быть въ будущемъ оцѣниваемы не по однимъ только *extemporalia*, какъ то бывало нерѣдко прежде. Такое ограниченіе вполне необходимо. Несомнѣнно, *scriptum* въ томъ видѣ, какъ оно выполняется нынѣ въ высшемъ отдѣленіи I класса, въ силу нынѣшнихъ постановленій, представляется несравненно болѣе ненормальнымъ явленіемъ, чѣмъ опредѣленіе зрѣлости ученика въ знаніи латинскаго языка исключительно на основаніи *extemporalia*.

До сихъ поръ я держался въ границахъ темы, но я считаю также своею обязанностію *extra causam* указать на нѣкоторыя правила, которыя должны быть кажется мнѣ, утверждены начальствомъ, если желательно, чтобы изученіе древнихъ языковъ, въ особенности латинскаго, могло приносить пользу нашимъ гимназіямъ, соотвѣтственно присущему имъ достоинству.

а) Начиная отъ старшаго отдѣленія II-го класса до стар-

шаго отдѣленія I класса, должно быть посвящено еженедѣльно по два часа на упражненія въ грамматикѣ и стилистикѣ.

b) Такое грамматико-стилистическое преподаваніе не можетъ довольствоваться тѣмъ, чтобы не забывать только пріобрѣтенныхъ въ среднихъ классахъ знаній: оно должно имѣть цѣлю точное усвоеніе средствъ языковъ родного и латинскаго: только при такомъ условіи возможно достигнуть основательнаго пониманія латинскихъ авторовъ и умѣнья хорошо ихъ переводить.

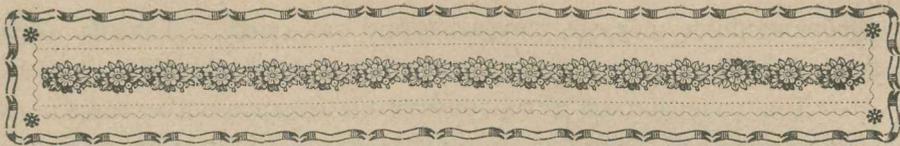
c) Передача содержанія на латинскій языкъ отмѣняется; письменные переводы на родной языкъ должны быть, и въ такомъ количествѣ, какое найдетъ цѣлесообразнымъ самъ учитель; въ теченіе каждыхъ 4-хъ дней должно быть исполнено одно *scriptum* и въ теченіе каждыхъ 4-хъ недѣль одно *exercitium*.

Еще четвертое требованіе, которое не направлено къ увеличенію производительной силы учениковъ, но можетъ создать условія для укрѣпленія этой силы.

d) Исполненію *scriptum* на испытаніи зрѣлости должно быть посвящено три часа. По этому вопросу я обстоятельно изложилъ свой взглядъ въ статьѣ «Über die Notlage des Lateinunterrichts» (*Lehrproben*, Heft 41). Желалъ бы однако къ сказанному прибавить кое-что. Если въ правилахъ объ испытаніяхъ прежняго времени на исполненіе латинскаго *scriptum* на экзаменѣ зрѣлости назначено было только два часа, то для этого имѣлось полное оправданіе. Не говоря уже о томъ, что къ такой работѣ въ прежнее время была болѣе широкая подготовка, эта работа занимала второе мѣсто послѣ латинскихъ сочиненій. Теперь, когда эти сочиненія отмѣнены, желательнымъ было бы, въ интересахъ поддержанія значенія латинскаго преподаванія, чтобы экзаменная работа по этому языку съ внѣшней стороны уравнена была, если не съ еврейскимъ языкамъ, то по крайней мѣрѣ съ другими иностранными языками, т. е. чтобы для латинскаго перевода назначено было на испытаніи три часа. При такомъ только количествѣ времени для исполненія работы возможно убѣдиться, въ ка-

кой мѣрѣ преподаванію удалось избѣжать одной изъ указанныхъ въ темѣ опасностей—грамматической нетвердости. Конечно, никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что въ настоящее время невозможно достигнуть такого основательнаго знанія латинскаго языка, какого я достигалъ со своими учениками, которые въ состояніи были давать отвѣты на латинскомъ языкѣ устно или письменно на каждую подходящую тему, но вполне возможно достигнуть того, чтобы ученики ознакомились съ средствами языка, выучились ихъ различать и употреблять, если только будетъ имъ дано время для соображеній, которыя должны предшествовать выбору этихъ средствъ. Но логическое пониманіе языка доказывается не способностію болтать на томъ или другомъ языкѣ на половину безъ всякаго смысла, а тѣмъ, чтобы понимать различіе между роднымъ и иностраннымъ языками въ отношеніи употребленія средствъ этихъ языковъ.

Такого знанія наши ученики могутъ до извѣстной степени достигнуть даже безъ расширенія преподаванія древнихъ языковъ, если только будутъ выполняемы рекомендованныя мною требованія; они могутъ и доказать такое знаніе на испытаніи, если только имъ будетъ дано время.

Воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ.

К. Ельницкій, Омскъ.

V.

Проявленіе умственной дѣятельности.

Дѣятельность памяти, воображенія и мышленія. Связь между ними. Преобладаніе въ умственной дѣятельности индивидуума той или другой стороны этой дѣятельности. Гармоническое развитіе всѣхъ сторонъ умственной дѣятельности.

Образовавшіяся въ душѣ представленія и понятія сохраняются въ ней и затѣмъ, подъ вліяніемъ такихъ или иныхъ причинъ, возникаютъ въ сознаніи, припоминаются. Это составляетъ дѣятельность памяти.

Изъ образовавшихся въ душѣ представленій и понятій и признаковъ ихъ душа, комбинируя ихъ, создаетъ новые образы, новыя представленія, нерѣдко очень живыя. Это составляетъ дѣятельность воображенія.

Имѣющіяся въ душѣ представленія и понятія мы сочетаемъ по логическимъ законамъ, при чемъ получаютъ сужденія; изъ сочетанія сужденій мы образуемъ группы ихъ, объединенныя общимъ предметомъ. Кромѣ того, изъ сопоставленія сужденій, логически связанныхъ между собою, мы составляемъ выводы, заключенія. Все это составляетъ мышленіе или разсудочную дѣятельность.

Такимъ образомъ, въ умственной дѣятельности различается дѣятельность памяти, воображенія и мышленія.

Память, воображеніе и мышленіе находятся въ тѣсной связи и взаимодѣйствіи между собою.

Воображеніе создаетъ новые образы изъ того матеріала, который хранится въ душѣ и воспроизводится ею. Созданные

воображеніемъ образы сохраняются въ душѣ. Такимъ образомъ очевидна связь между памятью и воображеніемъ.

Для разсудочной дѣятельности мы пользуемся матеріаломъ, хранящимся въ памяти, и результаты этой дѣятельности сохраняются въ памяти. Такимъ образомъ очевидна связь между мышленіемъ и памятью.

При мышленіи мы постоянно пользуемся дѣятельностью воображенія, и нерѣдко первое переходитъ во второе и обратно. Такимъ образомъ очевидна связь между мышленіемъ и воображеніемъ.

Память, воображеніе и мышленіе составляютъ, собственно говоря, одинъ сложный процессъ умственной дѣятельности.

Хотя дѣятельность памяти, воображенія и мышленія находятся въ связи между собою, однако въ умственной дѣятельности индивидуума можетъ преобладать та или другая сторона этой дѣятельности, т. е. или дѣятельность памяти, или дѣятельность воображенія, или же разсудочная дѣятельность. Отсюда и самая умственная дѣятельность его получаетъ такой или иной характеръ. Большая разница, преобладаетъ ли въ человѣкѣ дѣятельность памяти, или дѣятельность воображенія, или же разсудочная дѣятельность.

При воспитаніи и образованіи питомца нужно стараться о гармоническомъ развитіи въ немъ всѣхъ означенныхъ сторонъ умственной дѣятельности.

Хотя между дѣятельностью памяти, воображенія и мышленія существуетъ тѣсная связь, однако разсмотримъ въ отдельности каждую изъ этихъ сторонъ умственной дѣятельности.

П а м я т ь .

Дѣятельность памяти. Храненіе въ душѣ представленій и понятій. Моменты въ дѣятельности памяти. Неодинаковость силы ихъ у различныхъ лицъ. Индивидуальныя различія памяти. Пассивное и активное воспоминаніе; связь между тѣмъ и другимъ. Характеръ дѣтской памяти. Значеніе памяти въ душевной жизни человѣка.

Образовавшіяся въ душѣ представленія и понятія хранятся въ ней и затѣмъ воспроизводятся или вслѣдствіе внѣш-

нихъ причинъ, или вслѣдствіе хода мыслей, или же вслѣдствіе напряженія воли.

Храненіе и воспроизведеніе образовавшихся въ душѣ представленій и понятій составляетъ дѣятельность памяти.

Представленія и понятія, хранящіяся въ нашей душѣ, не сознаются нами до воспроизведенія или воспоминанія ихъ. Такъ, каждый человѣкъ обладаетъ множествомъ представленій и понятій, но въ данный моментъ онъ сознаетъ лишь тѣ, которыя возникаютъ въ сего сознанія. Во время занятія на урокъ, напр., грамматикой въ сознаніи учениковъ возникаютъ лишь грамматическія знанія и не сознаются тѣ историческія, ариѳметическія и другого рода знанія, которыми они обладаютъ, но которыя въ данное время оказываются ненужными.

Возникновеніе въ нашемъ сознаніи не всѣхъ имѣющихся въ душѣ представленій и понятій, а лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ, даетъ намъ возможность сосредоточиться на предметѣ умственной дѣятельности, не отвлекаясь массой другихъ предметовъ.

Въ дѣятельности памяти различаются три момента: запоминаніе или усвоеніе памятью представленій или понятій, храненіе ихъ въ душѣ и затѣмъ воспроизведеніе или припоминаніе ихъ.

Наблюдая за дѣятельностью памяти у различныхъ лицъ, мы замѣчаемъ, что означенные моменты ея не у всѣхъ ихъ проявляются съ одинаковою силой. Такъ, одни быстрѣе осваиваютъ память, а другія медленнѣе; одни точно сохраняютъ воспринятое душой, другія же сбивчиво, т. е. спутываютъ воспринятые представленія и понятія; одни легко и скоро вспоминаютъ, другія же съ трудомъ.

Отъ различнаго сочетанія качествъ указанныхъ моментовъ памяти образуется многообразіе видовъ ея.

Само собою разумѣется, что наиболѣе благопріятной для душевнаго образованія человѣка является такая память, при которой онъ легко и быстро запоминаетъ, точно сохраняетъ воспринятое и быстро припоминаетъ. Наиболѣе же не благопріятной является такая память, при которой онъ вяло, съ тру-

домъ запоминаеть и скоро забываетъ воспринятое; если же что и помнитъ, то сбивчиво.

Кромѣ того, мы замѣчаемъ, что одни лица скорѣе запоминаютъ и тверже сохраняютъ представленія и понятія, относящіяся къ одному кругу предметовъ, другія — къ другому кругу предметовъ. Такъ, у однихъ сильнѣе дѣйствуетъ память въ сферѣ образовъ, у другихъ — въ сферѣ звуковъ, у третьихъ — въ сферѣ движеній и т. д. Отсюда получается, что одни скорѣе усваиваютъ формы предметовъ, другія — слова иностраннаго языка, третьи — механическія движенія и т. д. Впрочемъ, у многихъ лицъ не замѣчается рѣзкаго преобладанія дѣятельности памяти въ одной какой-нибудь сферѣ.

Съ указанными различіями въ дѣятельности памяти необходимо, конечно, сообразоваться при обученіи учениковъ.

Представленія и понятія иногда возникаютъ въ нашемъ сознаніи (вспоминаются) независимо отъ нашей воли и даже вопреки нашему желанію; иногда же для воспроизведенія нужнаго намъ представленія или понятія мы напрягаемъ въ значительной мѣрѣ свою волю, стараемся припомнить забытое. То тѣ, то другое представленіе подвертывается нашему сознанію, и мы находимъ, что это не то, что намъ нужно. Только послѣ извѣстной степени усилія мы иногда припоминаемъ нужнаго намъ представленіе или понятіе.

Воспоминаніе перваго рода называется пассивнымъ, а воспоминаніе втораго рода активнымъ.

Очевидно, что пассивное и активное воспоминаніе находятся въ связи между собою. Иногда, припомнивши посредствомъ нѣкотораго усилія или напряженія нужнаго намъ представленіе или понятіе, мы тѣмъ самымъ даемъ толчекъ возникновенію въ нашемъ сознаніи дальнѣйшихъ представленій и понятій, которыя возникаютъ сами собой, безъ всякаго усилія съ нашей стороны. Иногда же случается, что, желая припомнить нужнаго намъ представленіе или понятіе, мы даемъ ходъ дѣятельности пассивнаго припоминанія, пока, наконецъ, не возникнетъ въ насъ нужнаго представленіе или понятіе. Забывши, напр., какой-нибудь музыкальный аккордъ или мо-

тивъ; мы стараемся брать аккорды или напѣвать до тѣхъ поръ, пока машинально не попадемъ на забытое, пока не напомнимъ намъ о томъ пальцы или голосовые органы.

Память дѣтей имѣетъ по преимуществу пассивный характеръ. Дѣти вспоминаютъ то, что вызывается внѣшними побужденіями.

Память, вообще говоря, имѣетъ большое значеніе для душевной жизни человѣка. Мышленіе совершается надъ тѣмъ матеріаломъ, который дается памятью. Понятно, чѣмъ легче память воспроизводитъ нужныя представленія и понятія, чѣмъ больше хранится ихъ въ душѣ, тѣмъ шире можетъ проявиться мышленіе. Воображеніе создаетъ свои образы тоже изъ матеріала, хранящагося въ душѣ, и чѣмъ разнообразнѣе и обширнѣе можетъ проявиться дѣятельность воображенія. Память имѣетъ огромное значеніе и для практической дѣятельности человѣка. Помнить всегда твердо и ясно все то, что относится къ практической дѣятельности—важное условіе для правильности и успѣшности этой дѣятельности. Вслѣдствіе взаимодѣйствія душевныхъ явленій, сила памяти оказываетъ посредственное вліяніе и на чувствованія и волю человѣка. Чувствованія связаны обыкновенно съ представленіями и понятіями. Воспроизведеніе хранящихся въ душѣ представленій и понятій ведетъ къ возникновенію связанныхъ съ ними чувствованій. По зависимости же нашихъ желаній отъ возникающихъ въ насъ представленій и чувствованій, сила памяти оказываетъ вліяніе и на желанія человѣка.

Кромѣ того, самыя чувствованія и желанія, раньше проявившіяся въ человѣкѣ, могутъ въ душѣ воспроизводиться (вспоминаться); слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи дѣятельности памяти имѣетъ вліяніе на чувствованія и желанія человѣка.

Сочетаніе (ассоціація) представленій и понятій.

Ассоціація представленій и понятій. Значеніе ея. I. Ассоціація по смежности; виды ея: а) ассоціація по единству мѣста и б) ассоціація по единству времени — по современности и по послѣдовательности. Причинная ассоціація. II. Ассоціація по однородности: а) по сходству и б) по противоположности.

Образовавшіяся въ душѣ представленія и понятія воспроизводятся обыкновенно въ извѣстной связи между собою. Такъ, если мы начнемъ излагать прожитую нами жизнь, то факты этой жизни обыкновенно возникаютъ въ нашей памяти въ томъ порядкѣ, въ какомъ они въ дѣйствительности слѣдовали одинъ за другимъ. Если между бесѣдующими зашелъ разговоръ о явленіяхъ въ школьной жизни, то въ памяти каждаго изъ нихъ обыкновенно возникаютъ предметы и явленія, относящіяся къ предмету разговора. Припомнивши начало извѣстнаго намъ стихотворенія, мы невольно припоминаемъ и продолженіе его. При отвѣтѣ урока по исторіи, въ сознаніи отвѣчающаго возникаютъ историческія событія, одно за другимъ, или въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ усвоилъ, или въ томъ, въ какомъ они слѣдовали одно за другимъ, или же въ томъ, въ какомъ они вытекали одно изъ другого, какъ слѣдствіе изъ причины.

То обстоятельство, что всплывающія въ душѣ представленія и понятія находятся въ связи между собою, служитъ причиной, что при умственной дѣятельности человѣкъ не перескакиваетъ быстро и безъ всякаго повода отъ одного предмета къ другому, а сосредоточивается нѣкоторое время на одномъ и томъ же предметѣ, что, какъ извѣстно, имѣетъ большое значеніе для успѣшности самой умственной дѣятельности. Впрочемъ, такой сосредоточенности способствуетъ еще и желаніе наше думать о данномъ предметѣ, а не о другомъ.

Связь воспроизводимыхъ представленій и понятій называется сочетаніемъ или ассоціаціей ихъ.

Главныхъ законовъ ассоціаціи представленій и понятій два: I — ассоціація по смежности и II — ассоціація по однородности.

I. Ассоціація по смежности. Представленія, бу-

дучи восприняты нами въ извѣстной связи по мѣсту или времени, обыкновенно и воспроизводятся въ такой же связи. Такимъ образомъ является ассоціація по смежности, представляющая два вида: а) ассоціація по единству мѣста и б) ассоціація по единству времени.

а) Представленія, воспринятыя нами въ одномъ мѣстѣ, обыкновенно и воспроизводятся въ связи между собою. Такъ, когда мы вспоминаемъ видѣнную нами картину природы, то всѣ предметы, составляющіе эту картину, воспроизводятся нами въ такомъ размѣщеніи, въ какомъ они были восприняты нами. Воспомнивши извѣстную намъ мѣстность, мы вспоминаемъ и событіе, совершившееся въ этой мѣстности. Ассоціація по единству мѣста имѣетъ отношеніе къ чувству зрѣнія и сила ея зависитъ отъ развитія этого чувства. Ассоціаціей по единству мѣста приходится особенно часто пользоваться при обученіи. Такъ, пользуясь при изученіи географіи картой, ученикъ связываетъ географическіе предметы ассоціаціей мѣста. Отвѣчая урокъ по этому предмету, ученикъ умственно представляетъ образъ карты. Изученіе исторіи значительно облегчается, если оно ведется при пособіи историческихъ картъ. При обученіи зоологіи, ботаникѣ и вообще всѣмъ такъ называемымъ описательнымъ наукамъ приходится пользоваться преимущественно ассоціаціей по единству мѣста. Изучая, напр., верблюда, ученикъ ознакамливается съ устройствомъ его головы, туловища, ногъ и т. п., и затѣмъ всѣ отдѣльно разсмотрѣнныя части соединяетъ въ одинъ образъ. Иногда случается, что, заучивая по книгѣ урокъ, ученикъ приурочиваетъ содержаніе заучиваемаго къ мѣсту страницы учебника. Для облегченія заучиванія, печатаютъ иногда крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ то, что должно быть твердо усвоено памятью. Такъ крупнымъ шрифтомъ печатаются грамматическія правила, окончанія склоненій и спряженій и т. п.

б) Воспринятыя нами представленія о предметахъ и явленіяхъ, существовавшихъ въ одно время или слѣдовавшихъ непосредственно одно за другимъ, воспроизводятся нами въ такой же связи и порядкѣ. Отсюда являются ассоціаціи —

по единству времени и по послѣдовательности. Вспомнивши какое-нибудь событіе, мы обыкновенно вспоминаемъ и одновременно совершившееся съ нимъ событіе. Точно также, при изложеніи какого-нибудь происшествія, въ памяти нашей воспроизводятся послѣдовательно начало, продолженіе и окончаніе излагаемаго происшествія. Ассоціаціей по единству времени слѣдуетъ пользоваться при обученіи исторіи. Излагая урокъ по исторіи, учитель связываетъ событія или по порядку ихъ слѣдованія, или по одновременности. Усвоивши стихотвореніе или рассказъ въ извѣстномъ порядкѣ, ученикъ для измѣненія порядка изложенія долженъ произвести нѣкоторое умственное напряженіе, которое лучше всего можетъ быть вызвано удачно поставленнымъ вопросомъ учителя.

Если явленія слѣдуютъ неизмѣнно одно за другимъ, и мы сознаемъ, что одно изъ нихъ (предшествующее) служитъ причиной другого (послѣдующаго), то получается причинная ассоціація. Такъ, если заронить искру въ порошокъ, то послѣдній неминуемо воспламенится. Мы знаемъ, что первое явленіе служитъ причиной второго и связываемъ эти явленія причинной ассоціаціей.

Нѣкоторыя явленія хотя и слѣдуютъ постоянно одно за другимъ, однако они не могутъ быть разсматриваемы, какъ причина и слѣдствіе, если такая послѣдовательность обусловлена посредствующимъ обстоятельствомъ, служащимъ причиной соединенія явленій. Такъ, послѣ ночи хотя и наступаетъ неизмѣнно день, но мы не признаемъ, что ночь является причиной дня, ибо знаемъ, что ночь смѣняется днемъ и день ночью вслѣдствіе вращенія земли вокругъ оси, восхода и заката солнца.

Если явленія, не находящіяся между собою въ причинной связи, а лишь случайно слѣдующія одно за другимъ, связываются нами, какъ причина и слѣдствіе, то образуются предразсудки и заблужденія. Такъ, замѣтивши, что послѣ просыпки соли случилась ссора, лица, не привыкшія доискиваться истинныхъ причинъ явленій, связали два явленія — просыпку соли

и ссору въ причинную связь, и такимъ образомъ получился предразсудокъ: за просыпкой соли слѣдуетъ ссора.

Въ дѣтскомъ возрастѣ, при свойственной дѣтямъ любознательности и недостаточномъ знакомствѣ съ внѣшнимъ міромъ и законами природы, легко образуются заблужденія и предразсудки вслѣдствіе связыванія причинной ассоціаціей такихъ явленій, которыя въ дѣйствительности не соединены между собою какъ причина и слѣдствіе.

При воспитаніи нужно стараться предупреждать образованіе въ питомцахъ предразсудковъ и заблужденій, такъ какъ, образовавшись въ юные годы, они нерѣдко остаются на всю жизнь и служатъ тормазомъ умственного и нравственного развитія человѣка.

Но, съ другой стороны, слѣдуетъ стараться связывать въ сознаніи питомца въ причинную связь такія явленія, которыя относятся одно къ другому, какъ причина къ слѣдствію. Указаніе причинной связи явленій составляетъ одну изъ необходимыхъ сторонъ обученія многимъ учебнымъ предметамъ. Указаніемъ такой связи самое обученіе теряетъ чисто механическій характеръ и становится болѣе осмысленнымъ. Къ тому же причинная ассоціація является наиболѣе прочной ассоціацей. Вспомнивши причину извѣстныхъ явленій, мы вспоминаемъ и слѣдствія, вытекающія изъ этой причины, и наоборотъ: вспомнивши слѣдствіе, мы легко вспоминаемъ и причину его.

II. Ассоціаціей по однородности соединяются представленія и понятія, имѣющія признаки сходные или противоположные. Отсюда ассоціація по однородности представляетъ два вида: а) ассоціація по сходству и б) ассоціація по противоположности.

Ассоціаціей по однородности, т. е. по сходству или противоположности, соединяются представленія или понятія независимо отъ мѣста или времени. Представленія, напр., о событіяхъ, отдѣленныхъ огромнымъ промежуткомъ времени, могутъ воспроизводиться одно за другимъ ассоціаціей по однородности. Этимъ ассоціація по однородности существенно отличается отъ ассоціаціи по смежности, по которой предста-

вления о предметах воспроизводятся такъ, какъ они были восприняты въ связи по мѣсту или времени.

а) Если представленіе или понятіе объ одномъ предметѣ вызываетъ, на основаніи сходнаго признака, представленіе или понятіе о другомъ предметѣ, то получается ассоціація по сходству. Такъ, увидѣвши человѣка, похожаго на нашего знакомаго, мы вспоминаемъ этого послѣдняго. Читая повѣсть, содержаніе которой похоже на раньше читанную нами повѣсть, мы вспоминаемъ объ этой послѣдней. Даже сходство въ названіяхъ предметовъ можетъ служить связью при воспоминаніи о нихъ. Такъ, напр., фамилія незнакомаго намъ лица, похожая на фамилію нашего друга, вызываетъ воспоминаніе о послѣднемъ.

Ассоціація по сходству имѣетъ большое значеніе въ нашей умственной дѣятельности. Сходные признаки вспоминаемыхъ представлений даютъ намъ возможность образовать понятія, а сходные признаки, понятій ведутъ къ образованію высшихъ понятій. Метафоры, сравненія и другія средства образнаго выраженія представлений основываются на ассоціаціи по сходству. На этой же ассоціаціи основывается такъ называемое концентрическое расположеніе учебнаго матеріала, при чемъ послѣдующій курсъ въ основѣ своей содержитъ тѣ-же свѣдѣнія, какія заключаются въ предшествующемъ курсѣ, но съ расширеніемъ ихъ по объему и съ большею подробностью по содержанію.

б) Представленія и понятія, относящіяся къ одному и тому же роду, но противоположныя другъ другу, воспроизводятся одно за другимъ ассоціаціей по противоположности. Такъ представленіе о карликѣ можетъ вызвать воспоминаніе о видѣнномъ нами человѣкѣ очень большого роста; представленіе о холодѣ вызываетъ въ насъ представленіе о теплѣ; голодъ вызываетъ мысль о насыщеніи и т. п.

Ассоціаціей по противоположности приходится нерѣдко пользоваться при обученіи для выясненія противоположныхъ понятій или представлений. Сознаніе противоположныхъ чертъ въ однородныхъ представленіяхъ ведетъ къ ясности этихъ

представленій. Сопоставленіємъ картины крайняго сѣвера съ картиной юга яснѣе вырисовываются въ сознаніи черты того и другого. Самыя отвлеченныя понятія отлично уясняются чрезъ сопоставленіе противоположныхъ признаковъ ихъ. Значеніе, напр., плодотворнаго труда тогда представляется яснѣе, когда въ параллель съ нимъ изображаются печальныя послѣдствія лѣни и бездѣятельности. Особенности быта цивилизованнаго человѣка рельефнѣе выясняются чрезъ сопоставленіе ихъ съ бытомъ дикаря.

Условія прочности запоминанія.

Условія прочности сохраненія въ душѣ представленій и понятій: а) ясность и отчетливость представленій и понятій, б) сознание отличія ихъ отъ однородныхъ съ ними, в) достаточность силы впечатлѣнія, г) участіе нѣсколькихъ виѣшнихъ чувствъ въ воспріятіи впечатлѣнія, д) сосредоточеніе вниманія на предметъ усвоенія, е) интересъ къ предмету, ж) связь представленій и понятій; замѣчаніе о мнемоническихъ средствахъ, з) повтореніе, и) здоровое состояніе организма.

Не всѣ представленія и понятія одинаково прочно сохраняются въ нашей душѣ: одни изъ нихъ мы легко и скоро припоминаемъ, другія—съ большимъ трудомъ, а третьи — не въ состояніи вспомнить, не смотря на усиліе нашей воли. Укажемъ условія, способствующія болѣе прочному сохраненію въ душѣ представленій и понятій. Условія эти слѣдующія:

а) Ясность, отчетливость образовавшихся въ душѣ представленій и понятій. Ясно, отчетливо созннное остается прочнымъ достояніемъ души; то же, что не ясно создано, обыкновенно скоро забывается. Изъ этого вытекаетъ, что полезнѣе для душевнаго образованія учащихся сообщать имъ сравнительно меньшее количество знаній, прочно ими усваиваемыхъ и отчетливо сознаваемыхъ, чѣмъ большое количество знаній, неясно сознаваемыхъ и потому нетвердо усваиваемыхъ. Все то, что способствуетъ ясности, отчетливости образующихся въ душѣ представленій и понятій, содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе прочному сохраненію ихъ въ памяти.

б) Сознаніе отличія образовавшихся въ душѣ представлений и понятій отъ однородныхъ съ ними. Если ученикъ при

ознакомленіи, напр., съ видами хвойныхъ деревьевъ не сознаетъ отличія ихъ одного отъ другого, то онъ станеть смѣшивать ихъ и скоро забудеть воспринятое. Точно также, если при изученіи грамоты онъ не сознаетъ отличія звуковъ или буквъ, похожихъ одна на другую, то скоро станеть смѣшивать сообщенные ему звуки или буквы и тоже скоро забудеть ихъ.

в) Достаточность силы впечатлѣнія. Представленія о предметахъ, произведшихъ на насъ болѣе глубокое впечатлѣніе, обыкновенно ясно сознаются нами и прочно сохраняются въ нашей памяти. Выдающіяся явленія природы, пожаръ, характерныя фізіономіи и вообще все то, что производитъ на насъ болѣе сильное впечатлѣніе, сохраняется въ нашей памяти нерѣдко на всю жизнь. Вслѣдствіе такого значенія силы впечатлѣнія, необходимо вести обученіе такъ, чтобы предметы, съ которыми ученикамъ необходимо познакомиться, производили на нихъ надлежащее впечатлѣніе. Предметъ, подлежащій разсмотрѣнію учениковъ, необходимо показывать имъ такъ, чтобы всѣ ученики ясно, отчетливо различали его признаки. При разсказѣ ученикамъ необходимо говорить раздѣльно, ясно и достаточно громко, такъ чтобы каждая мысль отчетливо запечатлѣвалась въ ихъ сознаніи.

г) Воспріятіе впечатлѣнія отъ предмета посредствомъ нѣсколькихъ внѣшнихъ чувствъ. Наблюденія показываютъ, что представленія, образовавшіяся вслѣдствіе воспріятія посредствомъ нѣсколькихъ внѣшнихъ чувствъ, яснѣе сознаются нами и тверже сохраняются въ нашей памяти, чѣмъ представленія, образовавшіяся вслѣдствіе воспріятія однимъ внѣшнимъ чувствомъ. Представленіе, напр., объ апельсинѣ яснѣе, полнѣе и тверже сохраняется въ нашей памяти, если мы не только видѣли его, но и держали въ рукѣ, узнали его вкусъ, запахъ. Ученикъ скорѣе и болѣе прочно заучиваетъ иностранныя слова, если не только произноситъ ихъ, но и вглядывается въ ихъ написаніе и самъ пишетъ ихъ на доскѣ или въ тетради. Для приученія учениковъ къ орографически правильному письму, учитель не только сообщаетъ имъ орографическія

правила, но и упражняетъ ихъ въ правильномъ письмѣ и привлекаетъ ихъ вглядываться въ правильное написаніе словъ.

д) Сосредоточеніе вниманія на предметъ усвоенія. Извѣстно, что чѣмъ сосредоточеннѣе наше вниманіе на предметъ, тѣмъ основательнѣе съ нимъ ознакамливаемся, а такое ознакомленіе способствуетъ болѣе прочному сохраненію въ памяти усвоеннаго. Изъ массы предметовъ, производящихъ на насъ впечатлѣніе, мы обыкновенно помнимъ только тѣ, на которые обратили особое вниманіе. Изъ этого вытекаетъ, что при обученіи учениковъ нужно по возможности привлекать ихъ вниманіе къ предмету обученія и устранять все то, что препятствуетъ ихъ внимательности.

е) То, къ чему возбужденъ въ насъ интересъ, что вызвало въ насъ такое или иное чувство, что совпадаетъ съ нашими наклонностями и стремленіями, обыкновенно болѣе прочно сохраняется въ нашей памяти, чѣмъ то, къ чему мы относимся безучастно. Стихотвореніе, намъ понравившееся или нашедшее отголосокъ въ нашемъ чувствѣ, скорѣе нами усваивается и тверже сохраняется въ нашей памяти, чѣмъ стихотвореніе, къ содержанію котораго мы отнеслись безучастно. Библейскій или историческій рассказъ, вызвавшій въ насъ такое или иное чувство, обыкновенно прочно сохраняется въ памяти. Чувство, вызванное въ насъ предметомъ занятія, усиливаетъ вниманіе къ этому предмету, что, въ свою очередь, способствуетъ болѣе отчетливому ознакомленію съ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе прочному сохраненію въ памяти представленія или понятія о немъ. Изъ сказаннаго видно, что при обученіи необходимо возбуждать въ учащихся интересъ къ предмету обученія. Интересъ этотъ можетъ быть возбуждаемъ какъ содержаніемъ учебнаго предмета, такъ и методомъ обученія. Правильно веденное обученіе обыкновенно и вызываетъ въ ученикахъ интересъ къ ученію, что и способствуетъ болѣе прочному воспріятію и сохраненію сообщаемыхъ имъ представленій и понятій.

ж) Связываніе вновь сообщаемыхъ ученикамъ свѣдѣній

съ раньше усвоенными ими свѣдѣніями. Если новое свѣдѣніе образуетъ прочную ассоціацію съ раньше усвоенными свѣдѣніями, то оно легко и скоро запоминается и прочно удерживается въ памяти. Очевидно, чѣмъ болѣе въ душѣ человѣка заложено представленій и понятій, съ которыми новыя представленія или понятія могутъ быть связаны, тѣмъ скорѣе эти послѣднія усваиваются и прочнѣе удерживаются въ памяти. Специалисты очень скоро запоминаютъ и прочно удерживаютъ въ памяти представленія и понятія, относящіяся къ предмету ихъ спеціальности, и съ трудомъ усваиваютъ и скоро забываютъ представленія и понятія, не относящіяся къ предмету ихъ спеціальности. Ученикъ, приступившій къ изученію какого-нибудь новаго учебнаго предмета, на первыхъ порахъ обыкновенно съ трудомъ усваиваетъ сообщаемыя ему свѣдѣнія изъ этого предмета, но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ расширяется кругъ его познаній изъ этого предмета, новыя свѣдѣнія запоминаются съ меньшимъ трудомъ и удерживаются въ памяти тверже. Изъ этого вытекаетъ, что при началѣ обученія учениковъ какому-нибудь предмету нужно итти медленно и предлагать ученикамъ для усвоенія памятью понемногу; но затѣмъ по мѣрѣ того, какъ расширяется запасъ ихъ свѣдѣній изъ этого предмета, можно послѣдовательно увеличивать и количество учебнаго матеріала предлагаемаго имъ для усвоенія. Кромѣ того, такъ какъ вновь сообщаемыя свѣдѣнія должны примыкать къ раньше усвоеннымъ свѣдѣніямъ и образовывать съ ними прочную связь, то потому необходимо вести обученіе послѣдовательно и опредѣленной системѣ. Свѣдѣнія, не связанныя съ другими свѣдѣніями, обыкновенно скоро забываются.

Нерѣдко ученики для болѣе скорого запоминанія и легкаго припоминанія новыхъ представленій и понятій прибѣгаютъ не къ внутренней, а къ чисто внѣшней связи ихъ съ другими представленіями и понятіями. Такъ, напр., для болѣе скорого запоминанія и легкаго припоминанія географическихъ, техническихъ или другихъ трудно запоминаемыхъ названій или словъ иностраннаго языка, они связываютъ эти названія и слова съ похожими по звуковой сторонѣ словами

отечественнаго языка. Хотя такое связываніе и облегчаетъ запоминая, однако оно ведетъ къ загроможденію памяти ненужными и даже вредными связями представленій, мѣшающими иногда пониманію ихъ разумной, реальной связи между собою, а потому оно не должно быть поддерживаемо воспитателемъ.

Впрочемъ, связываніе представленій, относящихся къ области, легко и скоро запоминаемой, можетъ служить полезнымъ мнемоническимъ средствомъ. Такъ, напр., если питомецъ скоро и прочно запоминаетъ представленія, воспринимаемая чувствомъ зрѣнія, и съ трудомъ запоминаетъ представленія, воспринимаемая слухомъ, то связываніе этихъ послѣднихъ представленій съ первыми можетъ облегчить запоминая ихъ. Ученикъ, связавшій названіе предмета съ образомъ этого предмета, вспоминая послѣдній, легко вспомнить и первое.

з) Повтореніе знаний въ значительной мѣрѣ способствуетъ прочности сохраненія ихъ въ памяти. «Повтореніе есть мать ученія», говорили еще древніе народы. При правильномъ веденіи обученія ученики не только постепенно усваиваютъ новыя свѣдѣнія, но и постоянно повторяютъ раньше воспринятія. Повторенія это совершается или при сообщеніи ученикамъ новыхъ свѣдѣній, при чемъ послѣднія примыкаютъ къ раньше усвоеннымъ, которыя, такимъ образомъ, повторяются, — или при различнаго рода упражненіяхъ, при чемъ ученикамъ приходится пользоваться раньше усвоенными свѣдѣніями, — или же при обобщеніи, и систематическомъ повтореніи пройденныхъ отдѣловъ учебнаго предмета.

Наконецъ, и) здоровое, бодрое состояніе организма служитъ важнымъ условіемъ прочности сохраненія въ душѣ представленій и понятій. Всякій можетъ замѣтить, что утромъ, послѣ ночнаго сна, когда органическія силы свѣжи, память дѣйствуетъ живѣе, чѣмъ вечеромъ, когда силы организма утомлены. Повтореніе утромъ того, что усвоено наканунѣ вечеромъ, признается хорошимъ средствомъ къ укрѣпленію въ памяти знаний. Этимъ средствомъ ученики обыкновенно и пользуются для болѣе прочнаго усвоенія знаний.

Причины непрочности сохраненія въ душѣ представленій и понятій.

Противоположность причинъ непрочности сохраненія въ душѣ представленій и понятій причинамъ прочности сохраненія ихъ. Неясность представленій, спутанность ихъ, слабость вниманія, отсутствіе связи, разрывъ ассоціацій, усиленная дѣятельность воображенія, неповторяемость, отсутствіе упражненія памяти, ослабленіе организма, какъ причины непрочности сохраненія въ душѣ представленій и понятій,

Причины непрочности сохраненія въ душѣ представленій и понятій противоположны причинамъ прочности сохраненія ихъ въ душѣ. Такимъ образомъ, недостаточно ясныя и отчетливыя представленія и понятія обыкновенно скоро забываются. Точно также сходныя представленія и понятія скоро спутываются и забываются нами, если мы не выяснили себѣ отличія ихъ одного отъ другого. Названія, похожія одно на другое по звуковой сторонѣ, обыкновенно скоро забываются, если мы не обратили вниманіе на звуковое отличіе ихъ. Образы, сходные между собою, обыкновенно тоже скоро смѣшиваются и забываются нами, если мы не замѣтили ихъ отличительныхъ признаковъ.

То, къ чему мы отнеслись безъ должнаго вниманія, не оставляетъ въ насъ прочнаго слѣда, а потому скоро забывается. Обыденныя явленія въ нашей жизни обыкновенно скоро забываются, именно вслѣдствіе недостаточной внимательности къ нимъ.

Отсутствіе прочной связи представленій и понятій служитъ тоже причиной скорого забвенія ихъ. Заученныя нами слова или фразы на совершенно незнакомомъ намъ языкѣ обыкновенно скоро забываются. Отрывочныя свѣдѣнія изъ какого-нибудь предмета тоже не долго удерживаются въ нашей памяти.

Разрывъ ассоціацій представленій и понятій обыкновенно ведетъ къ забвенію этихъ представленій или понятій. Такимъ образомъ сильная дѣятельность воображенія, при чемъ разрывается связь представленій и понятій для образованія новыхъ сочетаній ихъ, ослабляетъ дѣятельность памяти. Точно также ослабляетъ дѣятельность памяти постоянное чтеніе повѣстей и романовъ, питающихъ лишь воображеніе. Во время чтенія

создаются новые образы, новыя сочетанія представленій, которыя затѣмъ не припоминаются, а это и ведетъ къ ослабленію памяти.

Неповторяемость представленій и понятій обыкновенно тоже ведетъ къ забвенію ихъ. Нерѣдко случается, что ученикъ, хорошо заучившій и отвѣтившій урокъ, спустя нѣсколько времени, вслѣдствіе неповторенія его, очень мало можетъ вспомнить изъ заученнаго. Для предупрежденія забвенія слѣдуетъ возможно чаще привлекать учениковъ къ воспроизведенію усвоеннаго.

Недостаточность упражненія дѣятельности памяти ведетъ къ ослабленію ея. Если мы не напрягаемъ своего усилія для воспроизведенія нужныхъ намъ представленій и понятій, то дѣятельность активнаго припоминанія ослабѣваетъ. Наконецъ, къ ослабленію памяти ведетъ истощеніе организма и въ особенности нервной системы. Извѣстно, что нѣкоторыя болѣзни влекутъ за собою ослабленіе памяти. Нервные потрясенія, ушибы въ голову, проявленіе сильныхъ страстей, умственное переутомленіе, обыкновенно ведутъ къ тому же. Недостаточность питанія организма (голодь) сопровождается тоже ослабленіемъ дѣятельности памяти.

Состояніе памяти въ различные возрасты человѣка.

Память въ младенческомъ, дѣтскомъ, отроческомъ, юношескомъ, возмужаломъ и старческомъ возрастахъ. Выводъ изъ дѣятельности памяти въ различные возрасты человѣка.

Не во всѣ возрасты человѣка память дѣйствуетъ съ одинаковой силой.

Младенецъ медленно усваиваетъ новыя представленія и скоро ихъ забываетъ. Нужно, напр., нѣсколько недѣль, чтобы младенецъ запечатлѣлъ образъ матери или кормилицы и отличалъ ихъ отъ другихъ женщинъ. Причиной такой слабой дѣятельности памяти младенцевъ служатъ, съ одной стороны, неясность ощущеній и медленность образованія представленій, а съ другой, отсутствіе слѣдовъ, къ которымъ новыя впечатлѣнія могли бы примкнуть.

Лишь послѣ неоднократнаго впечатлѣнія, произведеннаго предметомъ на воспринимающіе органы младенца, послѣдній запоминаетъ представленіе о предметѣ. «Память младенца подобна нѣжной живописи, по которой кисть должна пройти много разъ для того, чтобы поддерживать непрочныя и готовые исчезнуть краски». Впечатлѣніе, бѣгло промелькнувшее въ сознаніи младенца, минутное ощущеніе, случайный фактъ, не запечатлѣваются въ умѣ ребенка.

По мѣрѣ увеличенія у ребенка представленій, дѣятельность его памяти усиливается. Въ періодъ образованія языка память дѣтей дѣйствуетъ уже энергично. Ребенокъ воспринимаетъ массу представленій. Онъ ознакамливается съ предметами окружающаго міра и усвоиваетъ рѣчь окружающихъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ замѣтилъ еще Гербартъ, составляется несравненно большій запасъ простыхъ, элементарныхъ чувственныхъ представленій, чѣмъ во всю послѣдующую жизнь, дѣло которой состоитъ уже въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ этого запаса. Для правильнаго развитія челоуѣка очень важно, чтобы въ дѣтскомъ возрастѣ онъ обогатился отъ окружающей дѣйствительности достаточнымъ количествомъ точныхъ и ясныхъ представленій. Въ этомъ возрастѣ каждое впечатлѣніе оставляетъ слѣдъ, и сумма этихъ слѣдовъ оказываетъ вліяніе на образованіе личности питомца. Даже впечатлѣнія отъ такихъ предметовъ и явленій, значенія которыхъ онъ въ данное время не понимаетъ, не остаются безслѣдными для образованія его личности. Впечатлѣнія эти, оставаясь въ памяти, будутъ освѣщены впоследствии, когда ребенокъ достигнетъ до пониманія ихъ, и такимъ образомъ окажутъ соотвѣтственное дѣйствіе на душевный строй питомца. Отсюда видно, насколько нужно быть бдительнымъ, чтобы ограждать ребенка отъ такихъ впечатлѣній, которыя могутъ оказывать вредное вліяніе на образованіе личности питомца.

Въ отроческомъ возрастѣ, отъ 7 до 14 лѣтъ, память дѣйствуетъ такъ же сильно, какъ и въ предшествовавшей возрастѣ. Къ тому же обладаніе значительнымъ количествомъ представленій и понятій способствуетъ усилению дѣятельности

памяти отроковъ. Отроки легко и скоро заучиваютъ стихотворенія, географическія, историческія и т. п. названія, слова иностраннаго явyka, таблицу умноженія и т. п. Этотъ возрастъ наиболѣе соотвѣтствуетъ школьному обученію. Иностраннѣй языкъ, если ему обучаютъ практически, скорѣе усваивается отрокомъ, чѣмъ юношей.

Въ юношескомъ возрастѣ замѣтно преобладаетъ разсудочная дѣятельность: юноши охотнѣе разсуждаютъ, чѣмъ заучиваютъ наизусть. Память дѣйствуетъ еще съ значительной силой, при чемъ разсудочныя ассоціаціи преобладаютъ надъ механическими. Этотъ возрастъ наиболѣе благоприятенъ для усвоенія научныхъ идей.

Въ концѣ юношескаго и въ возмужаломъ возрастѣ человѣкъ обыкновенно сосредоточиваетъ свою умственную дѣятельность на одномъ опредѣленномъ кругѣ предметовъ. Понятно, что представленія и понятія, относящіяся къ этому кругу предметовъ, особенно легко усваиваются памятью уже потому, что они находятъ въ душѣ значительную массу представленій и понятій, съ которыми могутъ образовать прочныя ассоціаціи. Къ тому же лицо, сосредоточившее свою умственную дѣятельность на опредѣленномъ кругѣ предметовъ, съ большимъ интересомъ относится къ представленіямъ и понятіямъ, относящимся къ этому кругу предметовъ, что въ свою очередь содѣйствуетъ болѣе скорому запоминанію и прочному удержанію въ памяти этихъ представленій и понятій. Получается такъ называемая спеціальная память, при чемъ представленія и понятія, относящіяся къ предмету спеціальныхъ занятій, быстро усваиваются и прочно удерживаются памятью; представленія же, не относящіяся къ кругу спеціальныхъ занятій лица, обыкновенно труднѣе запоминаются и скорѣе забываются.

Въ старческомъ возрастѣ память человѣка значительно слабѣетъ. Она не отличается уже такою живостью, какою отличается въ болѣе ранніе возрасты. Старики съ трудомъ могутъ запомнить что-нибудь новое и скоро забываютъ усвоенное. Они легче и яснѣе вспоминаютъ то, что воспринято ими въ юные годы ихъ жизни и охотнѣе рассказываютъ о событіяхъ, случившихся въ эти годы, чѣмъ о событіяхъ со-

временной имъ жизни. Ослабленіе памяти стариковъ находится въ связи съ ослабленіемъ ихъ органической дѣятельности.

Изъ изложеннаго о дѣятельности памяти въ различные періоды жизни человѣка вытекаетъ, что въ дѣтскій возрастъ, до 7 лѣтъ, должно быть обращено вниманіе на обогащеніе питомца представленіями и понятіями, воспринимаемыми изъ дѣйствительности, и, совмѣстно съ этимъ, на развитіе его языка; отроческій возрастъ соотвѣтствуетъ обученію въ начальной и средней школѣ, при чемъ память должна обогатиться основами знаній; юношескій же возрастъ соотвѣтствуетъ прохожденію курса наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Воспитаніе памяти.

Возможность развитія памяти. Возрастъ, благоприятный къ развитію ея. Развитіе памяти въ дѣтствѣ; развитіе ея въ отроческомъ возрастѣ при обученіи: упражненіе въ припоминаніи, заучиваніе наизусть, повтореніе, обогащеніе знаніями, воспитаніе вниманія. Изошреніе спеціальной памяти въ юношескомъ возрастѣ. Здоровье организма, какъ условіе развитія памяти.

Подъ воспитаніемъ памяти разумѣется укрѣпленіе и развитіе ея. Память можетъ быть укрѣпляема, въ чемъ убѣждаетъ насъ наблюденіе надъ учащимися. При благоприятныхъ условіяхъ для развитія памяти она обыкновенно укрѣпляется и развивается, т.е. легче и скорѣе воспринимаетъ свѣдѣнія, прочнѣе и точнѣе сохраняетъ ихъ и легче и скорѣе воспроизводитъ ихъ; при неблагоприятныхъ же условіяхъ для ея развитія она ослабѣваетъ.

Изъ изложеннаго выше объ условіяхъ прочности сохраненія въ душѣ представленій и понятій и о причинахъ непрочности сохраненія ихъ видно уже, какія средства способствуютъ укрѣпленію памяти и какія причины ведутъ къ ослабленію ея. Но въ виду важнаго педагогическаго значенія вопроса о воспитаніи памяти, скажемъ особо о средствахъ къ развитію ея.

Наиболѣе соотвѣтственнымъ періодомъ для развитія памяти служатъ тѣ возрасты человѣка, въ которые вообще раз-

виваются его душевныя и физическія силы, т. е. дѣтскій, отроческій и юношескій возрасты.

Въ дѣтскомъ возрастѣ, до начала обученія, память ребенка изоцряется запоминаніемъ и воспроизведеніемъ представленій и понятій, воспринятыхъ изъ дѣйствительности. Воспитатель можетъ содѣйствовать укрѣпленію памяти ребенка, привлекая его къ воспроизведенію того, что онъ видѣлъ, слышалъ и вообще воспринялъ своимъ сознаніемъ. При этомъ, конечно, необходимо требовать точности и вѣрности воспроизведенія воспринятаго, такъ какъ отъ такого воспроизведенія самая память пріобрѣтаетъ привычку къ точности и вѣрности воспроизведенія.

Это же средство можетъ служить для укрѣпленія памяти воспитанника и въ отроческій возрастъ его. Но такъ какъ въ этотъ возрастъ совершается обученіе, то потому присоединяются еще и слѣдующія средства, связанныя съ обученіемъ:

а) Упражненіе въ активномъ припоминаніи. Память, какъ и всякая другая душевная сила, развивается посредствомъ соотвѣтственной дѣятельности. Если воспитанникъ почаще напрягаетъ свои силы для воспроизведенія хранящихся въ его памяти представленій и понятій, то онъ пріобрѣтаетъ привычку къ активному припоминанію, и процессъ припоминанія совершается все легче и легче, т. е. развивается память его. Изъ этого видно, что полезнѣе, при забвеніи ученикомъ чего-нибудь, предоставить ему возможность самому вспомнить забытое, чѣмъ безъ надобности подсказывать ему забытое имъ.

б) Заучиваніе наизусть стихотвореній, текстовъ, правилъ, собственныхъ названій и т. п. тоже способствуетъ укрѣпленію памяти, если только заучиваемое ясно понято воспитанникомъ и находится въ связи съ другими его знаніями. Заучиваніе непонятнаго или того, что не имѣетъ никакой связи съ другими знаніями воспитанника, не только не укрѣпляетъ, но даже притупляетъ память.

в) Повтореніе усвоеннаго памятью способствуетъ тоже укрѣпленію ея, Повтореніе раньше усвоеннаго служитъ упра-

женіемъ памяти, упражненіе же памяти ведетъ, какъ сказано, къ укрѣпленію ея.

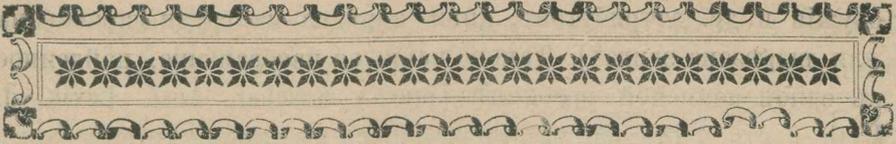
г) Обогащеніе прочными и приведенными въ систему знаніями способствуетъ тоже укрѣпленію памяти, такъ какъ свѣдѣнія, однородныя съ имѣющимися уже въ душѣ представленіями и понятіями, скорѣе запоминаются и тверже удерживаются въ памяти.

Такъ какъ память изощряется по отношенію къ предметамъ, однороднымъ съ имѣющимися уже въ душѣ представленіями и понятіями, то потому, между прочимъ, полезно, если въ общеобразовательный курсъ обученія входятъ предметы, относящіеся къ главнымъ отраслямъ знанія. Такіе предметы обыкновенно и составляютъ курсъ правильно организованныхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

д) Воспитаніе вниманія, по взаимодѣйствию душевныхъ силъ, оказываетъ тоже вліяніе на укрѣпленіе памяти, такъ какъ то, что воспринимается при сосредоточенномъ вниманіи, тверже запоминается и легче можетъ быть воспроизведено.

Въ юношескомъ возрастѣ, когда лицо сосредоточиваетъ свои силы на изученіи одной какой-нибудь отрасли знаній (въ высшемъ учебномъ заведеніи), память изощряется въ сферѣ этой отрасли знаній. Такимъ образомъ память математиковъ изощряется въ сферѣ чиселъ и величинъ, память естественниковъ — въ сферѣ естественно-историческихъ предметовъ и т. п.

Такъ какъ дѣятельность памяти, какъ выше было сказано, находится въ связи съ состояніемъ организма и особенно нервной системы лица, то потому для укрѣпленія памяти важнымъ условіемъ служитъ укрѣпленіе его организма и особенно нервной системы. Все то, что способствуетъ бодрому, здоровому состоянію организма питомца и особенно его нервной системы, какъ, напр., правильная смѣна труда отдыхомъ, правильный образъ жизни, правильное питаніе, — благотворно вліяетъ на память воспитанника; все же, что ослабляетъ его организмъ и нервную систему, ослабляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность его памяти.

Афина въ мѣологии и искусствѣ.

[Оконч. См. «Г.» CI—CIII.]

Вл. Ансельротъ, Москва.

II.

Какъ двойственно было самое значеніе Афины въ мѣологии, такъ же противоположны и типы идущихъ уже изъ глубокой древности ея изображеній: съ одной стороны — богиня невооруженная, спокойно сидящая на тронѣ, съ другой — въ оружіи, стоящая или шагающая. Древнѣйшее, извѣстное намъ изъ Ил. VI, 92 и 303, изображеніе богини въ Илионѣ было сидящее, такъ какъ троянская жрица кладетъ *πέπλος* къ ней на колѣни (*ἔθηκεν Ἀθηναίης ἐπι γούνασιν ἠΐκομοιο*). И другія древнія изображенія Афины, упоминаемая въ позднѣйшихъ источникахъ, особенно у Павсанія, носятъ подобный же характеръ, т.-е. представляютъ богиню сидящую на тронѣ: таково ея изображеніе въ Афинахъ, работы Эндоя, ученика Дедала (*καθήμενὸν ἔστιν Ἀθηῶν ἀγάλμα* Paus. I, 26, 5), или большой деревянный *ξόανον* въ Эриѳрахъ, представляющій Афину Палладу сидящую на тронѣ съ полосомъ на головѣ и съ веретеномъ въ каждой рукѣ (Paus. VII, 5, 4). Такое изображеніе Афины *Πολιάς* находимъ во многихъ мѣстахъ; подобное же было и древнѣйшее ея изображеніе въ Афинахъ, какъ ясно изъ находимыхъ въ большомъ числѣ терракотовыхъ статуэтокъ на акрополѣ, которыя отчасти играли роль обѣтныхъ изображеній, отчасти — клались съ мертвыми въ могилу: онѣ всѣ представляютъ сидящую богиню съ полосомъ на головѣ, безъ

оружія и др. атрибутовъ, лишь изрѣдка на груди нарисована или вырѣзана эгида*). Таково напр. ея изображеніе, найденное въ одной аѣинской гробницѣ (рис. у Roscher, *Ausf. Lexik. d. Myth.*, I стр. 788): фигура очень близка къ самому архаическому типу, даже руки не обозначены, но ноги уже раздѣлены. Аѣина въ полосѣ и архаической прическѣ съ ниспадающимъ съ головы покрываломъ, въ пеплосѣ, съ горгоной по срединѣ груди, сидитъ на рѣзномъ тронѣ, опирая обутыя въ сандалиі ноги на особую скамью, какъ верховная богиня.

Совершенно отличный отъ гомеровскаго образа, этотъ типъ идетъ въ болѣе глубокую древность, которая въ указанной выше VI-ой рапсодіи Иліады нашла себѣ отголосокъ и у Гомера: этотъ типъ и можно относить къ Аѣинѣ, какъ милостивой богинѣ яснаго неба, какъ къ богинѣ - матери. Это было истинно-религіозное изображеніе, строгое и спокойное, назначенное исключительно для храмоваго поклоненія.

Такова же была первоначально въ Аѣинахъ и Аѣина-Ника, *ξόανον* которой, съ гранатой въ правой и шлемомъ въ лѣвой рукѣ, упоминаетъ Геліодоръ (у Гарпократіона); одна гидрія съ черными фигурами представляетъ идолъ Аѣины, передъ которымъ приносятъ жертвы, — сидящій, безъ эгиды, въ іоническомъ хитонѣ, со шлемомъ въ лѣвой и чашей въ правой рукѣ: въ этомъ изображеніи О. Бенндорфъ (*Kultbilder der Ath. Nike*, стр. 22) видѣлъ Аѣину-Побѣду съ чашей вмѣсто гранаты.

Но на ряду съ этимъ типомъ также изъ глубокой древности извѣстны и вооруженныя изображенія Аѣины, которыя впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, подъ вліяніемъ Гомера и Фидія вытѣснили первоначальныя спокойно-сидящія ея изображенія. И прежде всего этотъ типъ представляютъ палладіумы, типъ, который Фуртвенглеръ считаетъ также болѣе древнимъ, нежели поэмы Гомера, хотя послѣднія ничего неговорятъ о палладіумахъ, извѣстныхъ намъ изъ позднѣйшихъ сказаній.

*) См. примѣры въ *Κατάλογος τοῦ Μουσείου τῆς Ἀκροπόλεως, ὑπὸ Π. Καστριώτου* (1895), на стр. 16 слл.

Среди нихъ надо различать два типа: 1) одинъ съ плотно сжатыми вмѣстѣ, 2) другой—съ раздѣленными одна отъ другой ногами. Первый, безъ сомнѣнія, должно признать древнѣйшими. Въ остальномъ эти изображенія сходятся: въ обоихъ случаяхъ въ правой поднятой рукѣ — копье, въ согнутой лѣвой — небольшой круглый щитъ, на головѣ обыкновенно шлемъ, эгиды иногда нѣтъ. Первый типъ можно видѣть у Müller-Wieseler, I, 5, 6 — на глиняной лампѣ и на камѣ, изображающей Диомеда съ палладіумомъ Трои, или напр. *ib.* I, 202 *) — рисунокъ на вазѣ изъ Нолы, хранящейся въ Неаполѣ, представляющій главныя сцены изъ взятія Иліона: здѣсь на лѣвой сторонѣ изображена почти обнаженная Кассандра, обнимающая палладіумъ для защиты отъ нападающаго на нее Оилеева Аякса **). Сюда же можемъ отнести изображеніе Афины на бронзовой монетѣ Мелоса (Μηλίωv) у M. W. II, 213***), замѣчательное тѣмъ, что вся нижняя половина туловища, плотно окутанная въ одежду, а равно и щитъ — обвиты змѣями (ср. мѣсъ объ Эрехтоніи).

Чаще встрѣчается въ рельефахъ и рисункахъ изображеніе второго типа, и прежде всего находимъ его на т. наз. Панаѳинейскихъ амфорахъ, гдѣ изображеніе Афины, ставшее уже маркой, навсегда съ древнихъ временъ сохранило свою стереотипную форму. Въ различныхъ музеяхъ имѣются такія амфоры VI — IV вв. Образцы ихъ можно найти у MW. I, 91 a. b. c: на передней сторонѣ сосуда нарисована Паллада въ позѣ нападающей, и передъ ней надпись ΤΟΝ ΑΘΕΝΕΘΕΝ ΑΘΔΟΝ: ΕΜΙ (τῶν Ἀθήνηθεν ἄθλων или ἄθλόν εἶμι); на Афинѣ пеплосъ и со змѣями эгида, въ поднятой правой рукѣ копье, въ лѣвой — круглый щитъ съ изображеніемъ дельфина, на головѣ — шлемъ съ высокимъ гребнемъ, изъ подъ котораго выбиваются длинные волосы на спину. На обратной сторонѣ

*) Тоже см. у Ваumeister, I, табл. XIV, 795.

***) Ср. рельефъ въ Виллѣ Боргезе, Nibbi, Monument Salti della Villa Borgese, табл. 16 и стр. 61. — Таковъ и палладіумъ на вазѣ изъ Vulci, представляющей сцену возвращенія Елены къ Менелая, см. у Ваumeister, I, 746.

***) Въ таблицѣ опечатка: 215.

вазы — возница на парѣ коней; ваза эта, съ черными фигурами по красножелтому полю, найдена въ Аѣинахъ и нынѣ хранится въ Британскомъ музеѣ (ср. *Baumeister*, II, 1152). Подобное же изображеніе на другой амфорѣ, найденной въ одной гробницѣ въ *Volci* въ Этруріи (*M. W.* I, 92 а, в): Аѣина, въ такой же позѣ, какъ на предыдущей вазѣ, но въ болѣе роскошной одеждѣ и лучшей работы, со щитомъ, на коемъ изображенъ барсъ, пожирающій лань, стоитъ между двумя дорическими колоннами, на верху которыхъ сидитъ по пѣтуху, какъ символы поединка, и та же надпись слѣва: τὸν Ἀθήνηθεν ἄθλων*). Весьма часто встрѣчается этотъ же типъ на монетахъ изъ Тегеи, Θεσσαλίи, Аѣинъ (Ε), Сиракузъ при Пиррѣ и др. Ср. монету изъ Фокиды, *MW.* II, 214 в.**).

И древніе рисунки на вазахъ представляютъ именно этотъ типъ изображеній, напр. на амфорѣ съ черными фигурами, гдѣ нарисовано жертвоприношеніе Аѣинѣ въ Малыя Панаѣи-ней, какъ утверждаетъ О. Янъ (*Baumeister*, I, стр 210): за алтаремъ стоитъ Аѣина въ пестромъ нарядѣ, съ аттическимъ шлемомъ, круглымъ щитомъ въ лѣвой и копьемъ въ поднятой правой рукѣ.

Такой же палладіумъ видимъ на прекрасномъ этрусскомъ зеркалѣ (*Baumeister*, I, 747): по срединѣ — изображеніе Аѣины въ хитонѣ и сандаляхъ, въ шлемѣ, съ эгидой и головой Медузы, съ ожерельемъ на шеѣ, съ серьгами въ ушахъ, съ копьемъ и щитомъ въ лѣвой рукѣ (движеніе правой руки не видно). Къ ней прибѣгаетъ полуобнаженная Елена, которую схватилъ за волосы юный Менелай, держащій въ рукѣ обнаженный мечъ; около нихъ Афродита и Тетида, удерживающая за руку Менелая. Эта сцена напоминаетъ стихъ изъ Еврипидовой «Елены», 116: *Μενέλαος αὐτῆν ἤγ' ἐπισπᾶς κόρης*. Справа — Аяксъ Оилеевъ (*Aias*) и Поликсена (*Phulphsna*). Сверху — Эось на запряженной въ четверню колесницѣ: видны лишь головы коней; внизу, около ручки зеркала, юный Гераклъ съ

*) См. *Baumeister*, II, 1153; ср. рисунокъ у *Roscher*, *Lexikon*, I, стр. 679.

**) Въ табл. опечатка: 215.

лукомъ и палицей; за нимъ растянута въ видѣ палатки львиная шкура*).

Нѣкоторое видоизмѣненіе этого типа представляетъ Афина на Македонскихъ монетахъ времени Антигона Гоната: вмѣсто копья богиня держитъ здѣсь молнію, и эгида вмѣстѣ съ горгонейономъ прикрѣплена на кругломъ щитѣ; а иногда эгида вмѣсто щита надѣта на руку, напр. MW. II, 214 с.: бронзовая монета Афинъ (ΑΘΕ), представляющая шагающую Аэину въ длинномъ безрукавномъ хитонѣ, въ шлемѣ, съ копьемъ на перевѣсѣ въ правой и съ эгидой въ щита на протянутой лѣвой рукѣ: ее сопровождаютъ двѣ змѣи, можетъ быть, указывающія на αἰχουρὸς ὄφις, на двухъ змѣй въ храмѣ Афины Полиады въ Афинахъ (по Гесихію)**). Змѣи вообще имѣютъ отношеніе къ Афинѣ; Эрехтоній имѣлъ видъ змѣи; по Еврипиду, Іонъ 21 сл., Афина назначила двухъ драконовъ для охраны Эрехтонія:

... κείνῳ (т. е. Ἐρεχθονίῳ) γὰρ ἡ Διὸς κόρη
 φρουρὴν παραζεύξασα φύλακε σώματος
 δις σὼ δράκοντε, παρθένους Ἀγλαυρίσαι
 δίδωσι σφίσειν.

Двѣ же змѣи огромной величины, по Вергилію, Aeneid. II, 225 сл., посланы были Афиной, чтобы наказать Лаокоона и его сыновей за святотатство жреца, — сцена, увѣковѣченная въ знаменитой группѣ родосскихъ художниковъ, Агесандра, Аэенодора и Полидора, прежде стоявшей во дворцѣ императора Тита, а теперь служащей украшеніемъ Ватикана.

Этотъ же типъ находимъ мы и на нѣкоторыхъ рельефахъ, напр. на архаическихъ рельефахъ съ акрополя***). Сюда же относятся небольшія бронзы, найденныя на акрополѣ†) и статуя Афины съ фронтона Эгинскаго храма, гдѣ изображенъ бой Ахейанъ и Троянъ надъ трупомъ, можетъ быть, Патрокла. Афина является центральной фигурой этой группы: она стоитъ

*) См. Baumeister, II, 1143 слд., v. Palladion, Palladienraub.

**) Ср. изображение Афины со змѣями на геммѣ у MW. II, 116 а.

***) Schöne, Griech. Relief, N 84; см. Цвѣтаева, Атласъ, I, табл. 47, 4.

†) См. А. Murray. A history of greek sculpture, vol. II, табл. X, I. Предстзпя статуя Афины въ залѣ шедевровъ въ Неаполитанскомъ музеѣ, архаистическаго стиля, въ повѣ нападающей, несомнѣнно относится къ этому же типу.

въ спокойной позѣ чисто-архаическаго характера, явно изображая собою священный идолъ, передъ которымъ преклонялись древніе греки. Обѣ ноги ея обращены влѣво, какъ у Аѳины на древней Селинунтской метопѣ, а туловище прямо (en face) обращено къ зрителю; богиня съ шлемомъ на головѣ, одѣта въ іоническій хитонъ съ рукавами и въ верхнее платье (πέπλος), съ эгидой по срединѣ груди. Въ правой рукѣ она держитъ копье, а въ лѣвой — щитъ *). — Въ архаическомъ торсо (безъ головы и рукъ) Аѳины въ Дрезденѣ **), кромѣ отчетливо сдѣланной эгиды и горгонеяона, слѣдуетъ обратить вниманіе на роскошный пеплосъ, богато украшенный спереди сценами изъ гигантомахіи, въ которой, по аттическимъ сказаніямъ, принимала дѣятельное участіе Аѳина. Этотъ пеплосъ даетъ хотя нѣкоторое понятіе о томъ роскошномъ нарядѣ, который работали аѳинскія дѣвушки для Аѳины — Дѣвы къ Панаѳинеямъ ***).

Переходя отъ архаической эпохи къ предшествующей непосредственно Фидію, мы видимъ, что и въ этотъ періодъ господствующимъ типомъ является шагающая богиня въ оружіи, но мѣсто архаической одежды замѣняетъ теперь длинный дорическій хитонъ съ короткой неподпоясанной накидкой. Такова прекрасная бронза съ акрополя въ Берлинѣ (Arch. Zeitung, 1873, табл. X), двѣ бронзы въ Луврѣ и Британскомъ музеѣ съ коринѣскимъ шлемомъ и пр. Но въ это же время возникаетъ и отвоевываетъ себѣ все большее и большее мѣсто типъ спокойно стоящей Аѳины, когда оружіе служитъ только атрибутомъ, щитъ стоитъ на землѣ или же совсѣмъ отсутствуетъ, копье служитъ опорой для лѣвой руки вмѣсто скиптра, а въ свободной правой богиня держитъ другой ат-

*) См. подробно у Н. Вгипп, Beschreibung der Glyptothek (Aegineten—Saal). Рисунки во всякой исторіи древняго искусства, очень порядочные у Collignon. Histoire de la sculpture grecque т. I, а также см. Ваумеистер, I, 334 сл., М. W. I, табл. VIII В., Roscher, Ausf. Lexik., I, стр. 692; Цвѣтаевъ, Атласъ, I, 21—23;

**) М. W. I, 36; Roscher, I, стр. 694; Ваумеистер, I, 318; Цвѣтаевъ, т. 43, 1.

***) Лучшая голова Аѳины архаич. эпохи — съ акрополя (Ваумеистер, I, 338); подобныя же изображенія на монетахъ (Roscher, I, стр. 693).

трибуть, или чашу, или сову, или, наконецъ, Побѣду. Это начало выработки чисто-религiознаго художественнаго образа, величiе и спокойствiе котораго должно было вселять въ сердца молящихся увѣренность, что могучая богиня можетъ исполнить ихъ просьбы, и мирное спокойствiе, утишенiе всѣхъ скорбей и горестей жизни.

Здѣсь слѣдуетъ указать прежде всего на два изображенiя: 1) мраморная статуя съ акрополя въ дорическомъ хитонѣ съ подпоясанной накидкой, съ поднятой (вѣроятно, для копья) правой и протянутой въ сторону лѣвой рукой; по строгости стиля эту статую Зибель и Фуртвенглеръ относятъ приблизительно къ 460 г. до Р. X. Но, впрочемъ, твердыхъ основанiй для признанiя этой статуи именно за Аѣину я не нахожу: упомянутая въ каталогѣ Зибеля подъ № 5003, она совершенно отсутствуетъ въ обстоятельномъ описанiи Національнаго Аѣинскаго музея, начатаго Каввадiей, и не напоминаетъ мнѣ также и среди статуй акропольскаго музея, а въ имѣющихся у меня подъ руками пособiяхъ описанiе ея слишкомъ кратко. — 2) Другое главное произведенiе этого типа есть статуя Аѣины въ Villa Albani въ Римѣ*), представляющая, какъ полагаютъ, копию съ бронзы весьма строгаго стиля, который хотѣли было считать пелопоннесскимъ, но притомъ копию, сдѣланную подъ влiянiемъ позднѣйшихъ произведенiй и поэтому представляющую нѣкоторое смѣшенiе идеаловъ V в. и позднѣйшаго времени; голова богини вмѣсто шлема покрыта львиной мордой, изъ-подъ которой выбиваются волнистые, раздѣленные по-поламъ по срединѣ лба волосы; Аѣина, въ позѣ предыдущей статуи, одѣта въ длинный хитонъ съ накидкой безъ пояса, оставляющей правую сторону открытой; на груди, окаймленная змѣями, обычная эгида съ головой Горгоны по срединѣ. Красивое лицо ея строго-спокойно.*)

*) См. рис. у Claparac, Musée d. sculpture, 472, 898 B; Roscher, стр. 696 Вагнмейстер, I, стр. 215 и отдѣльно голова на стр. 216. Гипсовые слѣпки съ нея въ Римѣ имѣются въ Villa Medici.

***) Безъ сомнѣнiя, къ тому же типу надо отнести превосходную мраморную статую Аѣины въ Неаполитанскомъ музеѣ (№ 6024) съ богато украшеннымъ шле-

То же одѣяніе господствуетъ и на аттическихъ вазахъ строгаго стиля съ красными фигурами, при чемъ, какъ и въ статуяхъ, шлемъ на головѣ богини — аттической. Замѣна шлема львиною мордой на Албанской статуѣ является единственнымъ примѣромъ этого рода, можетъ быть, намекая на близость Аѣины къ Гераклу, помощницей котораго является она и въ сказаніяхъ, и напр. на цѣломъ рядѣ метопъ, украшавшихъ храмъ Олимпійскаго Зевса и изображавшихъ подвиги этого героя.

Въ атласѣ Мюллера - Визелера II, 219 можно видѣть и небольшую бронзовую статуэтку Аѣины, найденную въ Геркуланумѣ, съ совой въ лѣвой рукѣ. Ее называютъ Аѣиной *'Αρχηγέτις*, каковымъ эпитетомъ означалась Аѣнна какъ основательница Аѣинъ, прародительница Аѣинянь и ихъ владычица; на нее указываетъ схолиастъ къ Аристофановымъ «Птицамъ», 515: τῆς 'Αρχηγέτιδος 'Αθηναῖς τὸ ἀγάλμα γλαυκὰ εἶχε ἐν τῇ χειρὶ. Съ этимъ изображеніемъ можно сравнить Аѣину на аѣинской монетѣ съ совой въ лѣвой и неотчетливо сохранившимся предметомъ въ правой рукѣ; на богинѣ аттической шлемъ, пеплосъ и длинный хитонъ.

Что касается сидящихъ изображеній, то они въ этотъ періодъ встрѣчаются изрѣдка только въ рисункахъ на вазахъ и на нѣкоторыхъ монетахъ, какъ воспоминаніе о прежнихъ статуарныхъ изображеніяхъ. — Наконецъ, въ этотъ же періодъ начинаютъ встрѣчаться изображенія Аѣины съ коринѣскимъ шлемомъ на головѣ («дыроокій», по Гнѣдичу) и прежде всего, конечно, на цѣломъ рядѣ коринѣскихъ монетъ весьма строгаго, близкаго къ архаическому стилю, особенно рѣзко отличающаго типъ лица на этихъ монетахъ отъ аттическаго. См. Roscher, стр. 697.

Вторая половина V в., время художественной дѣятельности Фидія, оказала рѣшительное вліяніе на всѣ позднѣйшія

момъ на головѣ. Весьма близко сюда подходит реставрированная А. Фуртвенглеромъ Аѣнна Дрезденскаго музея (см. его Meisterwerke d. gr. Plastik, табл. I—III) о значеніи этой реставраціи см. замѣчанія проф. Шварца и мои въ «Филологич. Обзорѣніи», т. VIII, отд. II, стр. 32 сл. и 42 сл.

изображенія Аѳины, установивъ опредѣленный типъ богини для статуй религіозныхъ, т. е. назначенныхъ служить предметами поклоненія въ храмахъ или, по крайней мѣрѣ, бывшихъ священными *ἀγνίσματα* (обѣтными дарами) вѣрующихъ; изображенія этой строгой воинственной Дѣвы едва ли служили для украшенія тѣхъ или другихъ божествъ, болѣе очеловѣченныхъ въ смыслѣ приобщенія ихъ къ міру земныхъ слабостей, каковъ напр. Аполлонъ или Вакхъ. Лишь изрѣдка нарушается строгая величавость этого типа, напоминая дрезнія воинствующие ея изображенія, напр. въ Аѳинѣ Капитолійской, но это были статуи, не назначенныя для поклоненія, а служившія, вѣроятно, памятникомъ того или другого событія, гдѣ богиня эта явилась помощницей, какъ воинственная Паллада.

Фидій создалъ два типа Аѳины: Аѳину — Дѣву, *Παρθένος*, и Воительницу, *Πρόμαχος*, указавъ тѣмъ на двѣ основныя черты ея характера; изъ нихъ, впрочемъ, первая статуя была особенно знаменита. Воздвигнутая въ 458 г. до Р. Х., она служила храмовымъ изображеніемъ вновь отстроеннаго Парѳенона и исполнена была изъ золота и слоновой кости. Особенно подробно описывающій эту статую Павсаний говоритъ въ I, 24, 5—7 слѣдующее: «Сама статуя сдѣлана изъ слоновой кости и золота. По срединѣ ея шлема изображенъ лежащій Сфинксъ, а по обѣимъ сторонамъ шлема сдѣланы въ рельефъ грифы. Эти грифы, говоритъ въ своей поэмѣ Аристей Проконнескій,*) сражаются за золото съ живущими выше Исседоновъ Аримаспами, а золото, которое стерегутъ грифы, даетъ земля; Аримасы же — люди, всѣ отъ рожденія одноглазые, а грифы — животныя, подобныя львамъ, но съ крыльями и мордой орла. Этого о грифахъ довольно. Статуя Аѳины стоитъ прямо (*ὀρθόν*) въ длинномъ хитонѣ (*χιτῶν ποδῆρης*), и на груди у нея сдѣлана выпуклая голова Медузы изъ слоновой кости; на одной рукѣ она держитъ Нику около 4 локтей вышиной, а въ другой — копьё; около ногъ ея ле-

*) Въ поэмѣ 'Αριστέα; см. о немъ Геродота, кн. IV, гл. 13—15.

жить щить, а около копья — змѣй: можетъ быть этотъ змѣй Эрихѳоній. На базисѣ (*βαθρον*) статуи въ рельефѣ представлено рожденіе Пандоры, а Гесіодомъ и другими повѣствуется, будто Пандора эта была первою женщиной и женщинъ еще не было до ея рожденія и т. д. Ср. Плинія *Natur. hist.* XXXVI, 18. — Долгое время эта статуя была извѣстна намъ только по литературнымъ показаніямъ, довольно, правда, обширнымъ, какъ можно усмотрѣть изъ свода ихъ у Овербека въ *Die antiken Schriftquellen zur Geschichte der bildenden Künste*, №№ 645—690, но въ 1859 г. К. Ленорманъ нашелъ въ Аѳинахъ небольшую грубой работы мраморную статуэтку, очевидно представляющую собой копию знаменитой Парѳеносъ Фидія (см. рис. у Overbeck, *Geschichte d. gr. Pl.* I (4 Aufl.), стр. 351, Fig. 93, или Baumeister, III, стр. 1313). Съ тѣхъ поръ получилась возможность съ бѣльшею точностью судить о послѣдней; Аѳина въ длинномъ дорическомъ хитонѣ и подпоясанномъ пеплосѣ стоитъ прямо, въ спокойной позѣ; ея правая рука протянута впередъ и на ней, конечно, была Ника, въ этой статуэткѣ не сохранившаяся; слѣва отъ богини — щить съ изображеніемъ битвы съ Амазонками снаружи (и Гигантомахіи внутри), подъ выпуклостью щита извивается змѣя; лѣвая рука богини оперлась о край щита; на головѣ ея шлемъ, изъ-подъ котораго симметричными прядями падаютъ волосы на спину и оба плеча; на серединѣ груди — эгида и голова Горгоны, въ статуѣ не сохранившаяся. Копье, очевидно, было въ лѣвой рукѣ, но его нѣтъ ни въ этой, ни въ слѣдующей копии. Вся фигура исполнена съ необычайной симметричностью, особенно сказывающейся въ распредѣленіи волосъ и эгиды, въ складкахъ одежды и въ равномъ отклоненіи рукъ отъ плечъ. Съ открытіемъ этой статуэткі, казалось, общій видъ статуи Фидія былъ восстановленъ, но позднѣе, въ концѣ 1879 г., найденная въ Аѳинахъ близъ гимназіи Варвакіона статуэтка*), въ общемъ сходная съ Ле-

*) См. рис. у Th. Schreiber, *Die Athena Parthenos des Phidias* (1882), табл. I; также Baumeister, III, 1315, Roscher, I, стр. 698; Overbeck *Gesch. d. gr. Pl.* (4 изд.), I, Fig. 84 a, b и др.

нормановской, но разработанная съ болѣею детальною (особенно шлемъ и Эгида съ Медузою), создала новое затрудненіе: въ ней протянутая съ сохранившейся (хотя и безъ головы) крылатой Никой съ тѣніей правая рука опирается на колонну, которой не имѣетъ ни Ленормановская статуэтка, ни другія позднѣйшія копии, но которая дается въ нѣсколькихъ, приведенныхъ у Михаэлиса (*Der Parthenon, Atlas*), рельефахъ. Теодоръ Шрейберъ въ своей превосходной монографіи *Die Athena Parthenos des Phidias* приводитъ доказательства противъ существованія этой колонны, какъ крайне нехудожественной прибавки, но въ виду тяжести Ники многіе, полагая, что протянутая рука не могла выдержать ея, допускаютъ подобную опору (напр. Фуртвенглеръ). И то обстоятельство, что колонна имѣется на рельефныхъ изображеніяхъ, гдѣ появленіе ея не вызвано необходимостью, и указаніе Плутарха въ біографіи Перикла, гл. 13, что художникъ обозначилъ свое имя ἐν τῇ στήλῃ, каковою и должна быть признана колонна Варвакійской копии, заставляютъ насъ признать справедливость второго мнѣнія о существованіи съ самаго начала этой необходимой опоры подъ правой рукою Афины*).

Вся статуя въ цѣломъ проникнута идеей мирной Πολιάς, дарующей побѣду богини, охраняющей городъ. Вглядѣвшись въ окружающіе богиню атрибуты, увидимъ, что въ этомъ созданіи художникъ старался воспроизвести полный образъ богини-дѣвы, обладающей, какъ уже извѣстно, столь разнообразными свойствами. И старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: вмѣстѣ съ Зевсомъ Олимпійскимъ, эта Парѣносъ Фидія остается на-всегда недостижимымъ образцомъ истинно-религіознаго творчества, до котораго возвысилось греческое ваяніе V вѣка.**)

Этотъ образъ оказалъ необычайное вліяніе на все послѣдующее искусство, какъ ясно видно изъ множества изобра-

*) На текстъ Плутарха впервые обратилъ должное вниманіе Г. Гейдеманъ въ *Rhein. Museum f. Phil., Neue Folge*, томъ 38, стр. 811.

***) Реставрацію Парѣносъ до находки Варвакійской статуэтки можно найти напр., на послѣдней страницѣ живо написанной біографіи Фидія — *Phidias par Ant. Etex* (1875, стр. 14).

женій Аѳины особенно IV в., въ которыхъ во всѣхъ, при ничтожныхъ видоизмѣненіяхъ, безъ труда можно узнать этотъ оригиналъ.

Отдѣльно голова Аѳины-Дѣвы встрѣчается на многихъ монетахъ греческихъ государствъ, и особенно Аѳинъ, и даже многія золотыя вещи, находимыя въ Крыму и относящіяся къ IV в., сдѣланныя подъ несомнѣннымъ аттическимъ влияніемъ, даютъ изображеніе головы Аѳины въ большемъ или меньшемъ сходствѣ съ Парѳеносъ*). Но лучше всего, можетъ быть, передана голова Аѳины, съ необыкновенно детально разработаннымъ шлемомъ, въ чудной Вѣнской геммѣ Аспасія (Vau-meister, III, 1311).

Полное изображеніе ея имѣемъ, наприм., на серебряной монетѣ изъ Антиохіи времени Антиоха VII Еввергета (M.W. II, 203), какъ гласитъ надпись: Ника держитъ въ рукахъ вѣнокъ съ лентами и обращена лицомъ къ зрителю, какъ и въ статуэткѣ изъ Варвакіона; копье въ лѣвой рукѣ, которая въ то-же время опирается на щитъ, украшенный по срединѣ просто головой Медузы, какъ даетъ и большинство копій, включая и Варвакійскую. Греческіе кописты никогда не гнались за мелочнымъ воспроизведеніемъ въ копіи всѣхъ подробностей оригинала.

Чтобы покончить съ произведеніями самого Фидія, надо упомянуть, что имъ же сдѣлана была колоссальная бронзовая статуя Паллады на Акрополѣ, конецъ копья и верхушка шлема которой, по преувеличеннымъ рассказамъ древнихъ (Paus. I, 28, 2), были видны уже плывущимъ отъ мыса Сунія; но объ имени и внѣшнемъ видѣ этой статуи мы почти ничего не знаемъ: ходячее названіе ея *Πρόμαχος* основано только на словахъ схолиаста къ Демосѳеновской рѣчи противъ Андротіона (13, р. 597; Overbeck, Antike Schriftquellen, № 642), который, не упоминая имени художника, называетъ три статуи Аѳины на Акрополѣ: *δεύτερον δὲ τὸ ἀπὸ χαλκοῦ μόνου, ὑπερ ἑποίησαν νικῆσαντες οἱ ἐν Μαραθῶνι, ἐκαλεῖτο δὲ τοῦτο Πρόμα-*

*) См. гр. Толстого и Кондакова, Русскія древности, II, стр. 86.

ἄρου Ἀθηνᾶς. Вѣроятно, она изображена на нѣкоторыхъ монетахъ афинскихъ, представляющихъ видъ Акрополя: Афина возвышается между Эрехоономъ и Пропилеями, съ копьемъ въ правой рукѣ; остальные детали неизвѣстны, но, повидимому, поза богини была совершенно спокойная (ср. MW. I, 104; Baumeister, III, 1311)*).

Изъ сидящихъ изображеній этого времени отмѣтимъ здѣсь только Аэину на Парѣнонскомъ фризѣ, сидящую среди другихъ боговъ, въ неподпоясанной одеждѣ, съ короткими волосами**), и на нѣкоторыхъ аттическихъ рельефахъ, опубликованныхъ у Schöne, Griech. Reliefs, №№ 51, 52, 91, 92.

Около 400 г., вѣроятно, возникло изображеніе Афины, первоначально вылитое изъ бронзы и нынѣ сохранившееся въ копіяхъ, восходящее къ Парѣнонь Фидія, но нѣсколько отличающееся отъ нея позой, именно движеніемъ лѣвой руки, и одеждой, въ идеѣ же вполне ей соответствующее. Такова, напр., мраморная статуя изъ собранія Гоупъ (Норе) въ Лондонѣ (MW. II, 202), найденная въ Остіи. Уже Браунъ высказалъ мнѣніе, что эта статуя стоитъ весьма близко къ Фидіевой; тотъ же шлемъ, украшенный сфинксомъ и грифами, то же симметричное расположеніе волосъ, та же эгида и горгона среди груди, сандалии на ногахъ и Ника на правой рукѣ. Но щита и змѣя нѣтъ, а копье въ лѣвой рукѣ въ этой и во всѣхъ, подобныхъ ей, статуяхъ служитъ лишь опорой, какъ скипетръ. На богинѣ хитонъ и такъ наз. диплоидій; верхняя одежда застегнута на правомъ плечѣ. Типъ лица нѣсколько овальный, высокій лобъ закрытъ волосами, остающимися свободный треугольникъ, столь характерный для младшей аттической школы IV в.; самая поза, благодаря движенію лѣвой, нѣсколько согнутой, ноги, нѣсколько живѣе,

*) О прочихъ статуяхъ Афины работы Фидія, особенно о его Лемнии, см. Overbeck, Ant. Schriftquell., № 634—644.

**) См. напр. у MW. I, 115, или у Alb. Kuhn, Allgemeine Kunstgeschichte, 8 Lieferung (1896), стр. 171. Отмѣчаю, кстати, послѣднее изданіе, какъ необычайно роскошное, съ множествомъ иллюстрацій и превосходныхъ таблицъ, и въ то же время не дорогое (2 марки выпускъ, всего будетъ ихъ 25 — полный обзоръ всѣхъ искусствъ до нашихъ дней).

чѣмъ у Фидіевой статуи. Весьма вѣроятно предположеніе Фуртвенглера, что оригиналь этой статуи принадлежитъ Кефисодоту Старшему, отцу Праксителя, процвѣтавшему по Плинію въ 102 олимпиаду; именно, тотъ же Плиній (*Nat. hist.* 34, 74) говоритъ, что *Cephisdotus (fecit) Minervam mirabilem in porta Atheniensium et aram ad templum Jovis Servatoris in eodem portu, cui pauca comparantur*; Павсаній (I, 1, 3) добавляетъ, говоря, очевидно, объ этой статуѣ, что она была изъ бронзы и держала копье*).

Особенно близка къ Фидію по строгости стиля и симметріи, по отдѣлкѣ шлема, превосходная статуя Аѳины въ Луврѣ, т. наз. *Minerve au collier*, съ ожерельемъ на шеѣ, которое даютъ и многія изображенія на монетахъ (*MW.* II, 211). Въ правой рукѣ ея копье, служащее ей скипетромъ, въ вытянутой лѣвой — щитъ. На ней дорическій хитонъ и диплоидій, богатыми складками падающій внизъ**). — Укажемъ здѣсь и большую статую Аѳины въ Мюнхенѣ (*Baumeister*, I, стр. 214), по мнѣнію Брунна весьма поздняго происхожденія и все же относящуюся къ этому классу Фидіевыхъ изображеній: Аѳина въ аттическомъ шлемѣ, съ эгидой на груди, въ дорическомъ подпоясанномъ хитонѣ и плащѣ, накинутомъ на лѣвое плечо, въ который завернута ея опертая въ бедро лѣвая рука, стоитъ, опираясь правой рукой на копье, согнувъ немного въ колѣнѣ правую ногу.

Всеъ указанные выше типы, восходящіе къ Пареносъ Фидія, имѣютъ круглый овалъ лица и аттическій шлемъ на головѣ. Таковы и отдѣльные головы богини, напр. бюстъ Аѳины въ *Museo Chiaramonti* хорошей римской работы, по Буркгардту (*MW.* II, 199 b); шлемъ, украшенный гиппокампамъ, и эгида принадлежатъ реставратору; бѣлки глазъ были изъ слоновой

*) П. Вольтерсъ призналъ Аѳину Кефисодота въ мрам. бюстѣ изъ Геркуланума, хранящемся за № 6322 въ Неаполитанскомъ музеѣ (см. *Jahrbuch d. K. D. Arch. Inst.* 1893, № 3, стр. 173—180 и табл. III). Мнѣніе это однако едва-ли можно считать вполне доказаннымъ.

*) См. *Frühner*, *Sculpture antique du Louvre*, № 112; рис. у *Schreiber* *Athena Parthenos*, III F (плохой и безъ реставраціи) и превосходное изображеніе у *Langl*, *Götter und Heldengestalten* табл. V.

кости, а зрѣчки — изъ драгоцѣнныхъ камней; голова эта, по видимому, представляющая часть цѣлой статуи, отличается большими глазами (*γλαυχῶπις*) и имѣетъ воинственное выраженіе, по мнѣнію Карла Мюллера, противъ чего Визелеръ возражаетъ, что въ ней, напротивъ, выставлено на видъ величіе богини, съ чѣмъ, кажется, скорѣе и надо согласиться. Другой бюстъ Неаполитанскаго Музея (MW. II, 199) представляетъ Аэину съ необычайнымъ спокойствіемъ на лицѣ, выраженіемъ, которое наиболѣе придается ей и въ статуяхъ; шлемъ украшенъ спереди головой Медузы; волосы падаютъ локонами на спину и плечи, подобно Парѣеносъ: этотъ-то бюстъ Вольтерсъ и призналъ за Аэину-Спасительницу Кефисодота. Любопытно, что именно этотъ типъ Аэины римляне перенесли на свою богиню Рома, олицетвореніе вѣчнаго города. — Тотъ же типъ лица можно видѣть и на многихъ монетахъ V и IV вв., напр. на монетѣ Гераклеи (Roscher, I, 701) — въ аттическомъ шлемѣ съ изображеніемъ Скиллы и съ ожерельемъ, или на монетѣ Молоссовъ (MW. II, 198 f) — въ аттическомъ же шлемѣ съ гиппокампами, и др.

Но на ряду съ этимъ развивается и тотъ типъ, который мы видѣли на коринескихъ монетахъ строгаго стиля, отличающійся прежде всего высокимъ коринескимъ шлемомъ на головѣ вмѣсто круглаго аттическаго. Здѣсь вмѣсто юной и мужественной Паллады является передъ нами важная и мудрая богиня. Лицо дѣлается уже и длиннѣе, глаза вдумчивые, волосы въ строгой простотѣ зачесаны назадъ. Древнѣйшая исторія этого типа не извѣстна, не извѣстенъ и его творецъ, но коринескій шлемъ уже появляется на одномъ аттическомъ рельефѣ 375 г. до Р. X. Что касается самаго Коринѳа, то на монетахъ этого города этотъ типъ уже къ концу V в. и въ IV в. былъ доведенъ до совершенства красоты; затѣмъ онъ появляется и на монетахъ другихъ городовъ (см. M. W. II, 198 c, d, e, h).

Главнымъ экземпляромъ статуй этого класса, оригиналь котораго можно отнести еще къ V в., служить т. наз. Паллада Джустиніани (Giustiniani, MW. II, 205; Langl, Götter u.

Heldengestalten, табл. VI), нынѣ находящаяся въ Ватиканѣ. Богиня кромѣ хитона одѣта въ гиматій, который она поддерживаетъ лѣвой рукой, согнутой въ локтѣ; правая рука опирается на копье, внизу котораго извивается змѣй, придавшій ей въ итальянскихъ указателяхъ эпитетъ *Medica*, такъ какъ змѣй обвивалъ обыкновенно палицу Асклепія. На головѣ ея коринтскій шлемъ, украшенный сверху изображеніемъ сфинкса, а по бокамъ—рельефами двухъ бараньихъ головъ, имѣвшихъ значеніе въ позднѣйшее время какъ амулеты, а съ другой стороны указывавшихъ на воинственный характеръ богини, такъ какъ баранья голова (*aries*) была на концѣ стѣнобитной машины (тарана). Выраженіе лица богини, обрамленнаго скромно зачесанными волосами, необычайно спокойно; она какъ-бы углублена въ самое себя; и въ этомъ спокойствіи сказывается величіе богини! Поэтому въ этомъ типѣ и видятъ преимущественно богиню Совѣта и Мудрости (*πολύβουλος*, по Гомеру): воинственная сторона ея характера значительно ступевывается здѣсь, что выражено и уменьшеніемъ эгиды, и спокойно-задумчивымъ выраженіемъ лица. Лучшимъ считается Ватиканскій экземпляръ, но хороши и другія копія, напр. въ Капитолійскомъ музеѣ и въ «Залѣ Зевса» СПетербургскаго Эрмитажа (каталогъ Геденова, № 150 *). Статуя эта до-того хороша въ своемъ недосыгаемомъ величіи и покоѣ, такой чистотой вѣетъ отъ прелестнаго лица этой строгой богини—дѣвы, что трудно зрителю оторваться отъ нея. Нѣкоторая сухость работы обличаетъ копюиста: оригиналъ былъ, конечно, выше этихъ копій, и передъ нимъ, дѣйствительно, каждый грекъ долженъ былъ возноситься мыслями выше земного міра.

Другимъ превосходнымъ образцомъ этого типа является знаменитая Афина Веллетри (*Velletri*) въ Луврѣ **): богиня одѣта въ длинный дорическій хитонъ съ гиматіемъ, перекинутымъ черезъ лѣвое плечо и образующимъ спереди такой же треугольникъ, какой можно видѣть на многихъ статуяхъ Зевса

*) Размѣръ эрмитажной статуи 3 арш 2 в. она изъ Кампанскаго собранія.

***) Fröhner, *Sculpture antique du Louvre*, № 114. Рисунки у MW. II, 204; Roscher, I, 702; Baumeister, I, 213.

и Асклепія; она подпоясана змѣвиднымъ поясомъ; перевившіяся змѣи образуютъ небольшую эгиду, скрѣпленную по срединѣ головой Медузы. На головѣ Афины коринтскій шлемъ, изъ-подъ котораго на спину падаютъ скрученные въ одну косу волосы. Въ величественной позѣ стоитъ богиня, слегка согнувъ въ колѣнѣ правую ногу: ея правая рука съ выразительнымъ жестомъ поднята нѣсколько кверху, а опущенная протянутая впередъ лѣвая, вѣроятно, держала изображеніе Побѣды или, какъ думаютъ нѣкоторые (К. Мюллеръ, Фуртвенглеръ и др.), — чашу. Едва-ли, какъ полагаетъ большинство ученыхъ, она опиралась правой рукой на копье. Она очень выразительна съ этимъ, приданнымъ ей реставраторомъ, жестомъ, который, по мнѣнію Е. Брауна, соответствуетъ и мускуламъ верхней части руки. Ея величіе дополняется и высокими сандаліями, увеличивающими ея и безъ того колоссальный ростъ и тѣмъ усиливающими впечатлѣніе *). Эта статуя, оригиналъ которой принадлежитъ хорошему аттическому художнику, дошла во множествѣ копій. Во многихъ музеяхъ, въ томъ числѣ и въ СПетербургскомъ Эрмитажѣ (Гедеоновъ, № 176), имѣются колоссальные мраморные бюсты Афины, принадлежащіе именно этой статуѣ; лучшимъ экземпляромъ считается Албанскій бюстъ, нынѣ хранящійся въ Мюнхенской Глиптотекѣ (MW. II, 198; Baumeister, I, 212) и, судя по сухости работы, принадлежащій римской эпохѣ **).

Школа Праксителя въ IV в. на типъ Афины оказала мало вліянія; ея любимый мотивъ — облокотившіяся фигуры — почти не встрѣчается въ отношеніи къ Афинѣ: она всегда стоитъ величественно и прямо. Уклоненія лишь весьма рѣдко

*) По замѣчанію Фрэнера, *les yeux et la bouche portent des traces de couleur rouge*, но въ настоящее время слѣды окраски, кажется, исчезли: а, по крайней мѣрѣ, не могъ замѣтить ихъ.

**) Другія статуи приблизительно того же типа: въ Касселѣ (MW. II, 210) съ эгидой черезъ плечо, въ Луврѣ (MW. II, 217) — съ ораторскимъ жестомъ лѣвой руки (м. б. *Ἀγοραία*), бронзовая статуэтка во владѣніи Westmacot (MW. II, 207) съ такимъ же жестомъ правой руки, и др. См. также Афины въ спорѣ съ Посейдономъ на знаменитой вазѣ изъ Керчи въ Эрмитажѣ (Baumeister, III, 1395; Конодаковъ и гр. Толстой, Русск. древн., I, стр. 75).

встрѣчаются на монетахъ и геммахъ, напр. паста Берлинскаго музея (MW. II, 208): Афина въ шлемѣ, хитонѣ и пеплосѣ стоитъ, скрестивъ ноги, опираясь правой рукой на мечъ, а лѣвой на копьё.

Вѣроятно, къ I же вѣку надо отнести и тотъ типъ Афины, представителемъ котораго является мрам. статуя въ Casino Rospi:liosi въ Римѣ (MW. II, 233), другая копия которой, также римскаго времени, хранится, хотя безъ головы, въ нашемъ Эрмитажѣ (№ 24^a): богиня стоитъ въ величественной позѣ, въ коринѣскомъ шлемѣ, съ длинными волосами, въ гиматіи, красиво облекающемъ ее и придерживаемомъ закутанной въ него лѣвой рукой, опирающейся въ бокъ (ср. Мюнхенскую статую, Baumeister, I, 214); правая рука свободна и опущена внизъ; можетъ быть, въ ней было копьё, но реставраторъ придалъ ей чашу. Изъ-за гиматіона на груди видна часть звѣздной эгиды съ головою Горгоны. Около богини справа тритонида, слѣва на скалѣ — сова. По однимъ объясненіямъ, это Афина, какъ *Τριτογένεια*, рожденная въ морѣ, по другимъ, къ которымъ примыкаетъ и Визелеръ, это Афина, какъ сознающая свою власть повелительница; первое толкованіе естественнѣе и проще. Для меня совершенно непонятно, какъ Фуртвенглеръ могъ признать въ этой статуѣ «воинственное воодушевленіе» — *Athene in kriegerischer Begeisterung*; по крайней мѣрѣ, насколько я припоминаю эту статую, со слегка приподнятой головой, лицо ея имѣетъ скорѣе сантиментально-задумчивое выраженіе. Голова Афины изъ собранія принца Карла Прусскаго (MW. II, 198^a; Roscher, I, стр. 703), приводимая въ параллель съ этой статуей не только Фуртвенглеромъ, но и Визелеромъ, кажется мнѣ мало относящейся къ ней; это юное лицо дѣйствительно обнаруживаетъ патетическое настроеніе: голова слегка склонена влѣво, ротъ полуоткрытъ и глаза мечтательно подняты кверху и устремлены вдаль. И здѣсь я вижу воодушевленіе, но почему оно воинственное, — этого понять не могу.

Какъ исключительно воинственная Паллада, Афина изображена лишь въ одной статуѣ, которая имѣется въ нѣсколь-

кихъ копійхъ и подражаніяхъ; приписывать этотъ оригиналь Мирону, къ чему, повидимому склоненъ Гельбигъ, нѣтъ никакого основанія, такъ какъ во всей статуѣ нельзя усмотрѣть ничего мироновскаго, кромѣ рѣзкаго движенія, въ которомъ она представлена: но развѣ это особенность одного Мирона? Статуя эта, лучшая мрам. копія которой стоитъ въ главной залѣ Капитолійскаго музея (№ 36), несомнѣнно, не предназначалась для храма: это былъ или какой-нибудь памятникъ, или принесенный въ храмъ по какому-либо случаю, намъ неизвѣстному, обѣтнй даръ (ἀνάθημα). Близость этой Капитолійской Аѳины и по стилю, и по замыслу къ Аполлону Бельведерскому и Артемидѣ Версальской, на которую уже давно указалъ Овербекъ, бросается въ глаза каждому непредубѣжденному зрителю, и потому противники Овербека приводятъ доводы слабѣе его, хотя и его предположеніе о соединеніи нѣкогда оригиналовъ этихъ трехъ статуй въ одну группу, воздвигнутую богамъ-спасителямъ въ память избавленія Дельфъ отъ Галловъ въ 278 г. до Р. Х., не можетъ, конечно, почтаться вполнѣ доказаннымъ при отсутствіи свидѣтельствъ о подобной группѣ.*) Нарушающая сходство, этихъ трехъ фигуръ голова Аѳины — принадлежитъ реставратору и, можетъ быть, была нѣсколько иного типа и болѣе en face, какъ въ маленькой статуэткѣ въ «Залѣ Фавна» (№ 10) въ томъ же музеѣ, гдѣ она, впрочемъ, тоже реставрирована.**)

Богиня представлена въ позѣ стремительно шагающей впередъ правой ногой, въ длинномъ хитонѣ, съ эгидой на груди; въ правой рукѣ ея, несомнѣнно, было копье, а въ лѣвой приданный ей реставраторомъ щитъ: въ такомъ видѣ и представлена Паллада на одномъ вотивномъ аттическомъ рельефѣ, изображенномъ у Гельбига.***)

Кромѣ маленькой статуэтки Капитолійскаго же музея, два весьма похожихъ изображенія Аѳины, найденныхъ въ Эпидаврскомъ святилищѣ Асклепія, сохраня-

*) См. Overbeck, Geschichte d. griech. Pl. (4 изд.), II, стр. 380, рис. 213

***) Nuova descrizione del Museo Capitolino (1888), стр. 339, № 10

****) W. Helbig, Führer durch die öffentlichen Sammlungen klass. Alterthümer in Rom, томъ I, № 497, съ рис. 10.

ются теперь въ «залѣ косметовъ» Национальнаго Аѳинскаго музея, но оба они, при незначительныхъ размѣрахъ, отличаются довольно грубой работой и принадлежать къ позднимъ римскимъ временамъ.*) Существованіе этихъ обѣтныхъ статутокъ въ позѣ Капиталійской статуи можетъ, до нѣкоторой степени, указывать на обѣтный же оригиналь ея, но лишь до нѣкоторой степени, потому что, во время изготовленія ихъ, первоначальная Дельфійская группа могла уже не существовать, какъ цѣлое, чтобы служить для подражателей оригиналомъ въ этомъ цѣломъ.

Римскую Минерву, въ общемъ сходную съ греческой Аѳиной, мы находимъ, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ памятниковъ, на фронтонѣ Капитолійскаго храма, отъ котораго сохранилось рельефное изображеніе (Baumeister, I, 765): Минерва въ коринѳскомъ шлемѣ, съ эгидой, въ хитонѣ и черезъ плечо перекинутомъ гиматіи, съ копьемъ или жезломъ въ лѣвой рукѣ, сидитъ, схватившись за голову, какъ бы въ раздумьи, правой рукой; около нея Юпитерь и Юнона. Ту же тройцу, чтимую въ этомъ храмѣ, видимъ и на монетахъ императоровъ, напр. Траяна (въ Берлинскомъ музеѣ, Baumeister, I, 766): Минерва стоитъ по правую руку отъ Юпитера въ обычномъ одѣяніи Аѳины, опираясь правой рукой о копье, а лѣвой о щитъ; около копья на землѣ сидитъ сова. Всѣ три статуи исполнены въ строгомъ стилѣ религіозномъ, но мало оригинальны.

Чтобы покончить съ отдѣльными изображеніями Аѳины и перейти къ ней въ связи съ различными о ней сказаніями, упомяну еще изображенія богини архаистическаго, т. е. подражающаго древнему стилю: на ага 12 боговъ въ парижскомъ Луврѣ (M.W. I, 45), гдѣ, впрочемъ, отъ Аѳины сохранилось мало слѣдовъ, и почти вся ея фигура реставрирована, богиня (въ шлемѣ) стоитъ прямо, опираясь правой рукой о копье, а лѣвой — о щитъ; на ней короткій хитонъ. Второе изобра-

*) См. Γλοπτά τοῦ Ἐθνικοῦ Μουσείου, ὑπὸ Π. Καββαδία. Τόμος πρῶτος. Ἐν Ἀθήναις, 1890—92, №№ 274 и 275.

женіе — на Капитолійскомъ puteal (оградѣ колодца круглой формы, MW. II, 197), гдѣ Аѳина идетъ впереди Геракла: она несетъ аттичскій шлемъ въ правой рукѣ, а волосы ея убраны на архаическій ладъ; въ лѣвой рукѣ ея — копьѣ; на ней хитонъ и пеплосъ, на груди эгида съ головой Медузы. Весьма похожа на нее и Аѳина на рельефѣ Коринскаго puteal (MW. I, 42), представляющемъ, по мнѣнію К. Мюллера, примиреніе Геракла съ Олимпійцами. Аѳина идетъ впереди Геракла, также съ шлемомъ въ правой и копьемъ въ лѣвой рукѣ; она въ іоническомъ хитонѣ и пеплосѣ; на груди ея эгида со змѣями. Изъ отдѣльныхъ статуй этого стиля, кромѣ вышеупомянутаго Дрезденскаго торсо, слѣдуетъ упомянуть превосходную мраморную Палладу изъ Геркуланума, въ позѣ нападающей, отчасти похожую на рисунки панаѳинейскихъ амфоръ (MW. I, 37), о чемъ уже было замѣчено нами въ одномъ изъ примѣчаній къ настоящей статьѣ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію мифовъ объ Аѳинѣ и съ ними многочисленныхъ изображеній, изъ которыхъ мы остановимся лишь на главнѣйшихъ и наиболѣе интересныхъ. Уже изъ весьма глубокой древности доходятъ до насъ изображенія Аѳины въ сценахъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются ея любимые герои. Изображенія эти часто любопытны тѣмъ, что даютъ намъ представленіе объ Аѳинѣ невооруженной, которая и должна быть признана, по мнѣнію Фуртвенглера, древнѣйшимъ пелазгическо-іоническимъ типомъ. Такова Аѳина на метотѣ Селинунтскаго храма (MW. I, 25; Baumeister, I, стр. 330; ср. Цвѣтаевъ, Атласъ, т. I, табл. XI, 1), представляющей убіеніе Медузы Персеемъ: Аѳина съ длинными волосами (*ἰχθυόσος*) стоитъ сзади героя, который спокойно отрѣзываетъ голову чудовища, держа ее лѣвою рукою за волосы; около Медузы скачетъ возникшій изъ ея крови Пегасъ. Безоружной является Аѳина и на т. н. François-Vase во Флоренціи (Baumister, III, стр. 1799), гдѣ она въ іоническомъ хитонѣ и накидкѣ представлена въ позѣ идущей.

Но затѣмъ и въ этихъ случаяхъ мы видимъ ее уже вооруженной.

Любимымъ сюжетомъ было изображеніе рожденія Аѳины изъ головы Зевса. Кромѣ знаменитаго восточнаго фронтона Парѳенона, работы Фидія, гдѣ былъ представленъ γένεσις Ἀθηναῖς*) и отъ среднихъ фигуръ котораго не сохранилось ничего, кромѣ обломковъ, этотъ сюжетъ разрабатывался часто на вазахъ, напр. у MW. II, 227: на вазѣ изъ Volci, въ мюнхенской пинакотекаѣ, представлено рожденіе Аѳины въ черныхъ фигурахъ, но съ бѣлой и фіолетовой окраской по мѣстамъ. Зевсъ сидитъ на тронѣ, украшенномъ львиными головами, поставивъ ноги на скамью; жестъ его выражаетъ еще муки рожденія. Аѳина въ шлемѣ, со щитомъ и копьемъ, какъ сказано въ гомеровскомъ гимнѣ, выпрыгиваетъ изъ его головы; сзади Зевса Аполлонъ игрою на цитрѣ старается заглушить крики владыки боговъ или же успокоить его, спереди — Илиѳея (Εἰλειθυία) помогаетъ Аѳинѣ явиться на свѣтъ; за нею вооруженный гоплитомъ Арей смотритъ на рожденіе своей будущей соперницы. На лѣвой рукѣ Зевса изображена и сова, священная птица Аѳины. Находящаяся подъ кресломъ фигурка мужчины въ хитонѣ и гиматіи служить или для опоры трона, или для его украшения, что было въ обычаѣ у Ассирійцевъ. Ту же фигуру находимъ и на другомъ рисункѣ подобной же вазы изъ Волчи (MW. II, 228), гдѣ представленъ моментъ, непосредственно слѣдующій за рожденіемъ богини: Зевсъ сидитъ съ молніей въ десницѣ, поднявъ какъ-бы въ удивленіи лѣвую руку при видѣ идущей по его колѣнамъ вооруженной Аѳины, нѣсколько бѣльшихъ размѣровъ, нежели на предыдущемъ рисункѣ; изъ окружающихъ боговъ видны сзади Аполлонъ съ лирой и Гермесъ, спереди Илиѳея и др. Весьма близокъ къ этимъ и рисунокъ на черно-фигурной вазѣ, изданной Гергардомъ (Baumeister, I, стр. 218); разница лишь въ

*) Paus. I, 24, 5; ἐς δὲ τὸν καθὼν ἐσιοῦσιν, ὅποσα ἐν τοῖς καλοῦμένοις ἀετοῖς κεῖται, πάντα ἐς τὴν Ἀθηναῖς ἔχει γένεσιν. — См. рис. фронтона у MW. I, 120; Baumeister, II, табл. 32 и др.

томъ, что Афина безъ шлема, въ правой рукѣ Зевса молнія, а за Аполлономъ, какъ во второй изъ вышеописанныхъ вазъ, ясно сохранилось изображеніе Гермеса. Надъ трономъ Зевса какая-то крылатая фигурка. Во всѣхъ этихъ рисункахъ нѣтъ Гефеста или Промедея, разбивающаго черепъ Зевса, но онъ самъ, безъ посторонней помощи, порождаетъ Афину, согласно со словами Илиады V, 880: *αὐτὸς ἐγένεαο παῖδ' αἰθήλων*.

Тотъ же сюжетъ представляетъ высокій мраморный рельефъ на кругломъ жертвенникѣ (м. б., puteal) въ Мадридѣ (Baumeister, I, 219): Зевсъ сидитъ на тронѣ, съ молніей въ опущенной правой рукѣ, лѣвой опираясь на скипетръ. Онъ смотритъ на Афину, которая, въ шлемѣ, съ эгидой и со щитомъ, въ длинномъ хитонѣ, направляется отъ него, обернувъ къ Зевсу лицо; къ ней подлетаетъ Ника съ побѣднымъ вѣнкомъ въ рукахъ. За трономъ Зевса отступаетъ въ удивленіи нагой юноша, съ хламидой на лѣвой рукѣ и съ молотомъ въ ней же — это или Гефестъ, или Промедей. А на другой сторонѣ — три Мэры (Парки) прядутъ нить жизни. Шнейдеръ видитъ здѣсь воспроизведеніе восточной фронтонной группы Пароенона, гдѣ три женскія фигуры, тѣсно соединенныя вмѣстѣ, также принимаются обыкновенно за богинь судьбы.

Далѣе, и аттическое сказаніе объ участіи Афины въ гигантомахіи, откуда она получила даже эпитетъ *γίγαντολέτειρα*, *γίγαντολέτις*, *γίγαντοφόντις*, нашло себѣ выраженіе въ памятникахъ искусства. Такъ, атласъ Мюллера-Визелера даетъ образцы живописи, рельефа и отдѣльныя статуи, относящіяся къ этому сюжету. На рисунокѣ амфоры изъ Volci (MW. II, 229; Baumeister, I, 220) представленъ бой Афины съ гигантомъ Энкеладомъ, который въ древнѣйшую эпоху еще изображался, какъ голпить, тогда какъ позднѣе гиганты получили видъ полу-человѣка, полу-змѣя. Надписи надъ каждой фигурой (ἈΘΕΝΑΙΑ и ἘΝΚΕΛΑΔΟΣ) дѣлаютъ вполне яснымъ сюжетъ изображенія, а поза наступающей Афины и упавшаго уже на лѣвое колѣно гиганта дѣлаютъ несомнѣннымъ исходъ борьбы. На Афинѣ аттическій шлемъ съ высокимъ гребнемъ, іоническій

хитонъ и пеплосъ; эгида безъ Медузы (которая, какъ показъ Гергардъ, всегда отсутствуетъ на подобныхъ древнихъ изображеніяхъ на вазахъ) накинута на лѣвую руку вмѣсто щита*), и всѣ змѣи, ее окаймляющія, угрожаютъ поверженному противнику, котораго богиня готова поразить копьемъ. Энкеладъ одѣтъ воиномъ въ коринѣскомъ шлемѣ. Вмѣстѣ съ ними сражаются и эмблемы ихъ, сова и соколъ (*χίρως*); летящая сова, помимо того, знаменуетъ побѣду Аѣины.

Ту же сцену представляетъ и одна изъ Селинунтскихъ метопъ (MW. II, 230; Цвѣтаевъ, XIII, 1, 2), гдѣ въ поверженномъ гигантѣ К. Мюллеръ справедливо видитъ того же Энкелада. Аѣина имѣетъ эгиду на груди, и по срединѣ ея, очевидно, былъ горгонейонъ, для котораго нынѣ осталось только мѣсто; точно также и отъ щита на лѣвой рукѣ ея, прежде исполненнаго, вѣроятно, краской, сохранилось лишь слабое обозначеніе нижняго обода. Поза Аѣины та же, что и на только что указанномъ рисункѣ; но метопа сохранилась не въ полной сохранности: головы и правой руки богини, а также и значительной части обѣихъ рукъ гиганта въ ней не хватаетъ. Самъ Энкеладъ въ шлемѣ и пножахъ; хламида, вѣроятно, застегнута была пряжкой на груди; онъ представленъ съ длинной бородой, склоняющимся передъ побѣдительницей на правое колѣно**).

Наконецъ, мраморная статуэтка въ Луврѣ (MW. II, 231) представляетъ Аѣину *Γιγαντομαχος*, лѣвой рукой опирающуюся на щитъ, который давитъ плечо на-половину виднаго изъ земли гиганта, человѣческое туловище котораго оканчивается змѣинымъ хвостомъ. Овербекъ принималъ его за Эрихонія, но, по справедливому замѣчанію Визелера, трудно было-бы объяснить тогда змѣю, бывшую справа отъ богини и часть которой еще уцѣлѣла. Очевидно, и змѣя, какъ образъ Эрих-

*) Ср. архаическую статую изъ Геркуланума въ Неаполѣ и ей подобныя.

**) См. у В. Мальмберга, Метопы древне-греческихъ храмовъ. Дерптъ, 1892, стр. 6.; ср. у него табл. I, рис. 3.—Изображеніе Аѣины въ гигантомахіи, еще въ архаич. стилѣ, встрѣчается на недавно найденномъ и еще не опубликованномъ фризѣ сокровищницы Сифнійцевъ въ Дельфахъ; см. Th., Homolle, Découvertes de Delphes въ Gaz. des Beaux-Arts, 1895 (глава IV).

ѳонія, и то обстоятельство, что половина туловища гиганта находится въ землѣ, указываютъ на отношеніе къ послѣдней и самой богини, о чемъ мы говорили въ мѣологической части этого этюда. Афина въ спокойной позѣ стоитъ прямо, опираясь правой рукой на копье, въ коринѣскомъ шлемѣ, съ эгидой и Медузой на груди. Ноги богини, какъ и на селинунтской метопѣ, обуты въ сандали. Съ этимъ изображеніемъ близокъ рельефъ на бронзовой монетѣ Магнесіи времени Марка Аврелія (МВ. II, 232), отличающійся только фигурой самого гиганта, подъ которой нѣкоторые хотятъ понимать Тифона: онъ виденъ весь и обѣими руками держитъ надъ головой, какъ думаютъ, щитъ, хотя точно опредѣлить этотъ предметъ невозможно.

Чудное по силѣ и экспрессіи изображеніе гигантомахіи даетъ алтарь Пергама, исполненіе котораго относится, вѣроятно, къ IV в.: Тутъ Афина, лицо которой, къ несчастью, совершенно отбито, грозно шагаетъ, подобно Зевсу на томъ же рельефѣ: на ней шлемъ, длинный безрукавый хитонъ и эгида; въ лѣвой рукѣ ея круглый маленькій щитъ; другого оружія нѣтъ, но враги падаютъ передъ ней, и сильной правой рукой она держитъ за волосы падающаго гиганта, вокругъ котораго обвилась, рившись въ бокъ его, священная змѣя богини. Гигантъ этотъ представленъ вполне человѣкомъ, но съ широкими крыльями; полное страданія лицо его, закинутое назадъ, чрезвычайно похоже на лицо Лаокоона въ знаменитой группѣ (Baumeister, II, табл. 38).

На цѣломъ рядѣ вазовыхъ рисунковъ Афина фигурируетъ въ качествѣ помощницы своимъ любимымъ героямъ — Ахиллу, Персею, Гераклу, Ясону, Кадму, Ѳесею и др. Изъ множества рисунковъ, приведенныхъ въ сборникѣ Баумейстера, я укажу здѣсь на нѣкоторые. Baumeiser, I, табл. I, 10: архаическая ваза изъ Вулчи (Vulci), гдѣ изображенъ бой надъ трупомъ Ахилла; архаическое изображеніе Афины, напоминающее древніе палладіумы, стоитъ на сторонѣ Грековъ, между Діомедомъ и Аянтомъ; змѣи отъ ея эгиды съ разинутыми пастьями и высунутыми жалами также готовы поразить врага;

богиня безъ шлема, только съ повязкой на головѣ но съ копьемъ въ правой рукѣ. Ср. Baumeister, III, 1966. — Аѣина въ богатомъ шлемѣ, съ змѣистой эгидой и Горгоной, опираясь на копьѣ правой рукой и держа въ лѣвой сову, въ іоническомъ хитонѣ и пеплосѣ, стоитъ, склонивъ голову и пристально смотря въ глаза дракону, изъ пасти котораго до половины виденъ проглоченный имъ Ясонъ: замѣняя волшебницу Медею, Аѣина дѣйствуетъ здѣсь на дракона силою взгляда, а не оружіемъ. Около, на деревѣ виситъ золотое руно. Таковъ рисунокъ на одной вазѣ, по Baumeister, I стр. 124. — Она помогаетъ Ахиллу въ сценѣ единоборства его съ Гекторомъ, согласно съ описаніемъ Илиады; см. Baumeister, I, 734: съ эгидой вмѣсто щита, въ шлемѣ и съ копьемъ она стоитъ на сторонѣ Ахилла, а отъ падающаго Гектора удаляется Аполлонъ. — Особенно же часто является Аѣина помощницей Геракла въ его подвигахъ; въ борьбѣ Геракла съ Аполлономъ за дельфійскій треножникъ Аѣина, въ шлемѣ и эгидѣ, вмѣстѣ съ Гефестомъ помогаетъ своему любимцу, а за Аполлона стоитъ Гермесъ: таковъ рисунокъ на одной архаической гидрии съ черными фигурами, Ваум. I, 464. Вообще же Гермесъ и Аѣина, по Гомеру, помогали вмѣстѣ Гераклу (ср. *Odyss.* XI, 626: *Ἑρμείας δὲ μ' ἔπεμψεν ἰδὲ γλαυκῶπις Ἀθήνη*); рядомъ являются они и на рисункахъ вазъ, напр. при борьбѣ Геракла съ немейскимъ львомъ (Ваум. I, 655), съ эриманскимъ вепремъ (*ib.* I, 658), съ Керберомъ, котораго герой выводитъ изъ ада (*ib.* I, 662), при чемъ оба божества изображаются всюду одинаково, различны лишь украшенія на щитѣ Аѣины: то видимъ на немъ корабельный носъ, то извивающуюся змѣю, то летящую птицу и т. д.; иногда она совсѣмъ безъ щита, но всегда въ аттическомъ шлемѣ съ высокимъ гребнемъ и большею частью съ копьемъ и эгидой *). Съ Аѣиною же рядомъ возносится Гераклъ на небо въ запряженной четверней колесницѣ (*ib.* I, 669 **). На метопахъ олимпійскаго храма

*) Одну Аѣину безъ Гермеса см. у Baumeist. I, стр. 656 сл. (борьба съ гидрой).

***) См. также рисунки, изображающіе бой съ Кикномъ (*ib.* II, 806), бой Кадма съ дракономъ (*ib.* II, 770), помощь Тесею (*ib.* III, 1789) и др.

Зевса, гдѣ представлены были подвиги Геракла, мы также встрѣчаемъ Аэину въ большинствѣ сохранившихся фрагментовъ, находящихся въ настоящее время въ музеѣ Олимпіи и въ Луврѣ.

Аэина съ младенцемъ Эрехономъ на рукахъ, какъ *Μήτις*, изображена въ одной мрам. статуѣ въ Берлинѣ (MW. II, 236), гдѣ ея поза весьма напоминаетъ Ирену съ Плутосомъ Кефисодота: она стоитъ въ дорическомъ хитонѣ и плащѣ, съ весьма небольшой эгидой на груди, чѣмъ характеризуется она, какъ богиня мира (*Minerva Pacifera*, Ваиш. III, 1305), въ коринтскомъ шлемѣ, опираясь поднятой правой рукой на копье, а лѣвой поддерживая складки верхней одежды, гдѣ сидитъ младенецъ Эрехоній въ человѣческомъ образѣ; правая нога ея нѣсколько согнута въ колѣнѣ и отставлена въ сторону; главный устой — на лѣвой ногѣ. Самое рожденіе Эрехонія изображено на прекрасной вазѣ изъ Volci (нынѣ въ Мюнхенѣ, MW. I, 211 a): Аэина съ тѣмъ же материнскимъ выраженіемъ лица, которое видимъ въ вышеуказанной статуѣ, бережно принимаетъ въ свою змѣистую эгиду младенца Эрехонія изъ рукъ богини Земли, видной только по поясъ *). Аэина въ этомъ случаѣ является безъ оружія: ея волосы только повязаны лентой, концы которой падаютъ на спину. Передъ ними стоитъ, опираясь на посохъ, Гефестъ, близкій къ мирной Аэинѣ, какъ богъ ремесль, и потому иногда фигурирующий рядомъ съ ней: напр., на одной геммѣ (MW. II, 235) представлена стоящая Аэина въ шлемѣ, съ эгидой, копьемъ, опирающаяся на щитъ, и сидящій на пнѣ дерева съ молоткомъ и въ войлочной шапкѣ на головѣ хромоногій Гефестъ; они помѣщены рядомъ, какъ *θεοὶ σύντεχνοι* **).

Какъ *Ἐργάνη*, Аэина является въ мифологіи и строительницей корабля Арго. Этотъ сюжетъ уже Винкельманъ призналъ на

*) Сцену же рожденія Эрехонія представляетъ и найденный въ Афинской гробницѣ терракотовый рельефъ (Ваиш. I, 492), относящійся къ половинѣ V в., гдѣ вмѣсто Гефеста изображенъ Кекропсъ, тѣло коего кончается змѣинымъ хвостомъ. Ср. рис. на вазѣ (ib., 493).

**) Таковы Аэина и Гефестъ, поди сящій оружіе Пелею, на рельефѣ въ Villa Albani (Ваиш. I, 701).

одномъ терракотовомъ рельефѣ въ Британскомъ музеѣ (M.W. II, 238; Ваиш. I, стр. 122). Возникшіе послѣ Винкельмана споры о сюжетѣ этого рельефа я не считаю существенно важными и обхожу ихъ молчаніемъ (см. текстъ у M.W.); главное здѣсь то, что Афина представлена какъ Ἐργάνη и какъ имѣющая при томъ близкое отношеніе къ морскому дѣлу, такъ что и дельфины, украшающіе ея стулъ, сдѣланы не безъ цѣли, а именно для указанія на связь богини съ моремъ. Афина сидитъ передъ зданьемъ, въ которомъ одни видятъ городскую стѣну, другіе—ея святилище на берегу моря. Она въ хитонѣ и гиматіи, съ шлемомъ на головѣ и обычной прической волосъ; щитъ, вѣроятно, съ головой Горгоны, облокоченъ сзади ея стула; тутъ же на колоннѣ сидитъ сова. Афина занята прикрѣпленіемъ паруса къ мачтѣ, въ чемъ ей помогаетъ мужчина, одѣтый, какъ простой рабочій, въ т. наз. ἐξορῆς (рубашку, оставляющую открытой правую часть груди и, слѣдовательно, представляющую просторъ для движеній правой руки). Другой мужчина въ такой же одеждѣ, съ шляпой на головѣ, занявъ отдѣлкой корабельной кормы, на которой онъ сидитъ. Выраженіе лица Афины необыкновенно сосредоточенно и серьезно*).

Сцена Афины съ Марсіемъ, гдѣ богиня является какъ изобрѣтательница флейты, представлена на одной вазѣ съ красными фигурами, найденной въ Атикѣ и хранящейся нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ (M.W. II, 239 a; Ваиш. II, 1001): Афина въ своемъ обычномъ одѣяніи, съ эгидой на груди, обозначенной, какъ это часто бываетъ на вазахъ подобнаго рода, только точками,**) въ аттическомъ шлемѣ съ высокимъ гребнемъ, съ кошемъ въ лѣвой рукѣ идетъ, протянувъ правую руку, украшенную запястьемъ, по направленію къ Марсію. Послѣдній своей позой выражаетъ и удивленіе передъ появленіемъ богини, и сдерживаемое страхомъ желаніе поднять флейту, находящуюся между нимъ и Афиной; и складъ лица, и

*) Какъ Ἐργάνη, онъ является на рисункѣ одного сосуда въ мастерской столяра (Ваиш. III, 1820): стоя у стола, она жестомъ правой руки какъ-бы даетъ указанія сидящему противъ нея молодому работнику.

**) Ср. пишущую Афины на вазѣ у Ваишеист. III, 1584.

волосы, и хвостъ вполне характеризуютъ полудикую природу сатира. Этотъ рисунокъ напоминаетъ, съ одной стороны, слова Плинія, *Nat. hist.* 34, 57: *fecit (Myron)... et satyrum admirantem tibias et Minervam*, а съ другой — Павсанія I, 24, 1: ἐνταῦθα (на афинскомъ акрополѣ) Ἀθηνᾶ πεποιήται τὸν Σιληγὸν Μαρσύαν παίουσα (или πύουσα, ἐπιούσα), ὅτ' δὴ τοὺς αὐλοὺς ἀνέλοιτο, ἐρρίφθαι σφᾶς τῆς θεοῦ βουλομένης. Я, согласно съ Кекуле, долженъ признать, что Марсій сперва держалъ флейту въ рукахъ, но выпустилъ ее въ страхѣ передъ Афиной: иначе для меня не ясно положеніе самой флейты. Слова же Павсанія не даютъ намъ права, подобно Визелеру, заключать, что Марсій въ группѣ «держалъ» въ рукахъ флейту: онъ только «поднялъ» (ἀνέλοιτο) ее, какъ говорить періэгетъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ рисунокъ, повидимому, воспроизводитъ именно эту группу Мирона, художника первой половины V в., непосредственнаго предшественника Фидія.

Отношеніе Афины къ Арэопагу выступаетъ въ рисунокѣ на вазѣ (Вауш. II, 1118), представляющемъ судъ на Орестомъ, стоящемъ на колѣняхъ у омфалоса: Афина говоритъ ему, опираясь правой ногой о жертвенникъ; въ лѣвой рукѣ ея копье, на головѣ шлемъ, на груди большая эгида со змѣями и Медузой; на ней шитый хитонъ, пеллосъ и плащъ; на рукахъ ея запястья, на шеѣ ожерелье (ср. *Minerve au collier* въ Луврѣ). Эта ваза вообще отличается роскошной отдѣлкой.—Надо отмѣтить и ея участіе въ спорѣ за красоту, рѣшенномъ Парисомъ: судъ Париса изображенъ на многихъ вазахъ и картинахъ, причѣмъ Афина является или невооруженной ничѣмъ, кромѣ эгиды, съ повязкой и ожерельемъ на шеѣ (*ib.* II, 1163), или со шлемомъ на головѣ и со щитомъ, какъ на помпейской картинѣ (*ib.* II, 1167). Ср. *ib.* II, 1166.

Какъ Ἀθηνᾶ Ἰππία, Афина изображена, напр., на одномъ серебряномъ сосудѣ (MW. II, 240): пара коней мчитъ колесницу, на которую богиня, на подобіе апобата, стала одной ногой, подобно тому какъ на недавно найденномъ фризѣ сокровищницы Сифнійцевъ въ Дельфахъ. Колесница украшена по краю изображеніемъ извивающейся змѣи; на прикрѣплен-

номъ къ ней копьё сидитъ сова. На противоположной сторонѣ сосуда представленъ почти въ такой же позѣ мужчина; повидимому, это Эрихоній, котораго Аэина воспитывала, по одному сказанію, въ колесницѣ; на него же, можетъ быть, указываетъ и изображеніе змѣи на краѣ колесницы.—Бдущей на колесницѣ изображаетъ богиню и одна аэинская монета, при чемъ богиня ѣдетъ на парѣ, хотя она и считалась изобрѣтательницей четверки (MW. II, 240 a; ср. четверку у MW II, 215 a). Въмѣсто коней ея колесницу везутъ двѣ совы на геммѣ Берлинскаго музея (MW. II, 241). Сову особенно часто встрѣчаемъ на аэинскихъ монетахъ, какъ символъ Аэины, напр. MW. II, 242 c: большое изображеніе совы, стоящей на панаэинейской амфорѣ, по срединѣ монеты, и маленькое — Аэины, творящей возліяніе, сбоку. Надпись: Ἄθε(ναίων) Διοχλ(ῆς) Δεωνίδης (имена магистратовъ). Иногда, какъ на одной аэинской монетѣ времени имперіи, находимъ сову съ головой Аэины, покрытой шлемомъ (MW. II, 242 k).

Чтобы покончить съ изображеніями Аэины, должно упомянуть здѣсь, что иногда, какъ было указано выше, она смѣшивалась съ Никой, являясь олицетвореніемъ побѣды: въ такомъ случаѣ эта Ἄθηνα Νίκη (Minerva Victoria Римлянъ) часто изображалась въ видѣ крылатой богини: такъ при соединеніи понятій происходило и соединеніе образовъ. Таковы, напр., ея изображенія на монетахъ, какъ на болѣе древнихъ, напр. аэинской монетѣ начала I в. (MW. II, 220), представляющей половинную фигуру крылатой Аэины съ палладіумомъ въ лѣвой рукѣ, такъ и на позднѣйшихъ, напр. на монетѣ Домиціана (95 г. по Р. Хр.), MW. II, 220 b, или на сиракузской монетѣ тиранна Агаокла, M. II, 220 a, гдѣ около крылатой Аэины представлена и сова, и много другихъ подобныхъ изображеній, какъ на монетахъ, такъ и на геммахъ.

Итакъ, двойственный характеръ Аэины на первыхъ же порахъ выразился въ двухъ типахъ изображеній: мирно сидящей и воинственной богини. Съ теченіемъ времени перевѣсъ

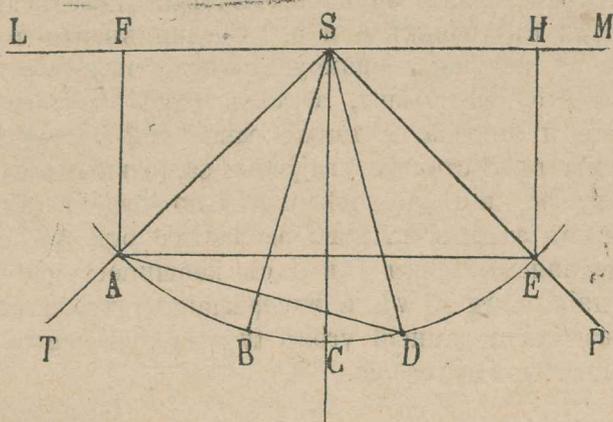
остался за вторымъ типомъ, но Фидій сумѣлъ примирить эти два характера въ одномъ изображеніи, придавъ воинственной Дѣвѣ спокойное величіе. Этотъ спокойно-величавый образъ навсегда остался достояніемъ религіознаго искусства; отклоненія отъ него встрѣчаются лишь въ памятникахъ свѣтской скульптуры. Изъ массы ея изображеній мы перечислили, конечно, лишь незначительную часть, но и изъ этого перечня ясенъ характеръ Афины: это суровая Дѣва, имѣющая въ себѣ много чисто мужскихъ чертъ. Поэтому ея наружность и носить слѣды смѣшенія двухъ сущностей, женской и мужской. «Очеркъ ея тѣла», говоритъ К. Мюллеръ*), — «имѣеть въ бедрахъ и груди мало женской полноты, а формы ея ногъ, рукъ, спины болѣе напоминаютъ мужскія. Лицо ея имѣеть особую форму, развитую совершеннымъ искусствомъ, но при томъ очень суровая и строгія черты». Образъ, созданный Гомеромъ, воплотился до извѣстной степени въ памятникахъ искусства, но послѣдніе носятъ болѣе идеальный характеръ. Лишь атрибуты до самаго конца остались совершенно тѣ же, что видѣли мы и въ стихахъ безсмертной Иліады.

---

*) К. О. Müller, Handbuch der Archäologie der Kunst, § 368, 6.

Чер. 2

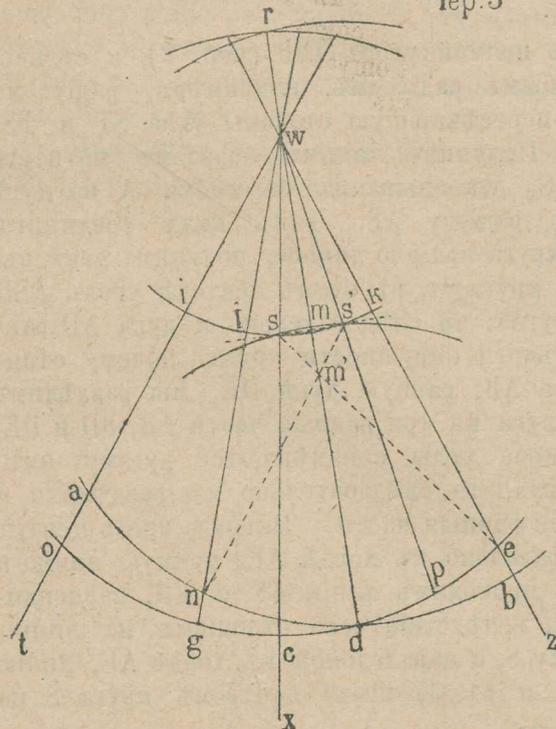

Для этого строимъ прямой уголъ TSP (чер. 2), и съ вершины этого угла, любымъ радиусомъ, напимѣрь, радиусомъ AS, описываемъ дугу, пересѣкающую стороны угла ST и PS, въ точкахъ A и E. Получивъ такимъ образомъ четверть круга съ радиусомъ AS, откладываемъ съ точки A на дугѣ AE хорду AD, равную радиусу AS. Такъ какъ соединивъ точку D съ центромъ круга прямою линією, получимъ секторъ, равный шестой части круга, а въ этомъ секторѣ уголъ ASD равняется $\frac{2}{3}$ прямого угла, то слѣдовательно и дуга AD равняется $\frac{2}{3}$ частямъ четверти окружности круга, почему отложивъ на дугѣ AD часть AB, равную дугѣ DE, мы раздѣлимъ четверть окружности круга на три равныя части AB, BD и DE; а такъ какъ центральные углы соизмѣряются дугами, вмѣщаемыми сторонами угла, то слѣдовательно мы раздѣлили и прямой уголъ TSP на три равныя части. Затѣмъ черезъ центръ круга S проводимъ, параллельно къ хордѣ AE, прямою линією и изъ концовъ хорды AE проводимъ линіи AF и EH, перпендикулярныя къ хордѣ AE, вслѣдствіе чего отложимъ на линіи, проведенной чрезъ точку S и параллельной къ хордѣ AE, линію FH, равную хордѣ AE и раздѣленную центромъ круга S на двѣ равныя половины. —

Чтобы раздѣлить уголъ twz (чер. 1) на три равныя части, раздѣляемъ его извѣстнымъ способомъ, линією wx, на двѣ равныя части, ведемъ чрезъ вершину угла w линію, перпендикулярную къ линіи wx, и на этой линіи откладываемъ съ точки w, въ одну и другую сторону, линіи wa и wb, равныя

линіямъ FS и SH (чер. 2). Изъ концовъ отложенной линіи ab , равной линіи FH , а слѣдовательно и хордѣ AE , опускаемъ перпендикулярныя линіи ao и bu , которыя пересѣкаютъ стороны угла twz въ точкахъ o и e . Соединивъ эти точки прямою линіею oe , получимъ прямоугольникъ, въ которомъ противоположныя стороны равны, а такъ какъ сторона ab равна хордѣ AE , то и сторона oe также равна той-же хордѣ, вслѣдствіе чего мы въ состояніи радиусомъ so , равнымъ радиусу AS , описать дугу oe , которая слѣдовательно будетъ равна дугѣ AE . Отложивъ затѣмъ на дугѣ oe части: $og=AB$, $gd=BD$ и $de=DE$, соединяемъ точки g и d съ вершиною данного угла прямыми линіями wg и wd , и утверждаемъ, что такимъ образомъ мы раздѣлили данный уголъ twz на три части owg , gwd и dwe , равныя между собою.

Чер. 3

проведа чрезъ точки w и s' прямую линію до пересѣченія таковой съ дугой oe , центральные углы swm и mws' , соизмѣряемые равными дугами sm и ms' , а слѣдовательно и тождественные съ ними углы cwd и dwp , равны. Затѣмъ описываемъ съ точки s' радиусомъ, равнымъ радиусу sc , кругъ,

Въ доказательство сего, радиусомъ, равнымъ линіи ws (чер. 3), съ вершины угла w описываемъ дугу ik и затѣмъ съ точки d радиусомъ, равнымъ линіи sc , описываемъ другую дугу, которая пересѣкаетъ первую въ пунктахъ s и s' . Вслѣдствіе этого построения, обѣ дуги, лежація между точками s и s' , равно какъ и линія ss' , стягиваемая тѣми же дугами, раздѣляются линіею wd (соединяющею оба центра w и d) на половины, а потому,

который пересѣкаетъ кругъ, описанный радіусомъ sc , въ точкахъ d и g , а сѣчныя линіи wg и wz въ точкахъ n и b , и наконецъ соединяемъ точки s и s' , s и e и s' и n прямыми линіями. Вслѣдствіе такого построения оказывается: во 1-хъ, что треугольники swm и mws' равны, такъ какъ таковые имѣютъ сторону wm общую, сторону ws равную сторонѣ ws' какъ радіусы одного и того же круга, и сторону $sm = ms'$ по построению, слѣдовательно соотвѣтственные углы этихъ треугольниковъ также равны между собою, именно уголъ wsm равенъ углу $ws'm$; во 2-хъ, треугольники msm' и $ms'm'$ также равны, ибо таковые имѣютъ сторону mm' общую, сторона sm равна сторонѣ ms' и лежащіе между этими сторонами углы smm' и $s'mm'$, въ качествѣ прямыхъ угловъ, также равны, — вслѣдствіе же равенства этихъ треугольниковъ и уголъ msm' оказывается равнымъ углу $ms'm'$. Сложивъ съ равными углами $wsm = ws'm$ прилежающіе, также между собою равные углы $msm' = ms'm'$, получаются двѣ суммы, также равныя, именно уголъ wsm' равный углу $ws'm'$, что весьма важно, потому что треугольники swe и $s'wn$, имѣющіе стороны ws и ws' , по причинѣ уже упомянутой, и стороны se и $s'n$ въ качествѣ радіусовъ двухъ равныхъ круговъ, а также лежащіе между этими сторонами углы wsm и $ws'm$, какъ доказано, равные, также равны, вслѣдствіе чего и углы swe и $s'wn$ равны. Если же изъ этихъ равныхъ угловъ исключимъ общую обоимъ часть sws' , то и остающіеся затѣмъ углы nws и ews' также должны быть равны, въ виду чего оказывается, что всѣ четыре угла nws , cwd , dwp и pwe равны. А такъ какъ такимъ-же образомъ мы можемъ доказать, что и уголъ owg равенъ углу gwd , то сложивъ по два смежныхъ угла $ewp + pwd$ и $dwc + cwg$ и взявъ уголъ gwo , оказывается, что мы раздѣлили весь уголъ twz на три равныя части $owg = gwd = dwc$, что и слѣдовало доказать. —

Вышеизложеннымъ способомъ возможна трисекція каждаго угла, остраго или тупаго, и независимо отъ того, приходится ли вершина дѣлимаго угла внутри описываемаго круга, или внѣ онаго.

Ф. Штадельманъ.

Воспитаніе и обученіе
у древнихъ грековъ и римлянъ.

Перевелъ съ нѣмецкаго
А. Нейфельдъ, Хортица.

Стр. 73—104.

соперничаютъ въ томъ, чтобы сдѣлать его возможно лучшимъ, при каждомъ его дѣйствіи и словѣ наставляя его и указывая на то, что справедливо и что несправедливо, что похвально и что позорно, что благочестиво и что безбожно, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ. Если ребенокъ охотно повинуется, то и хорошо; если же нѣтъ, то ему, какъ согнувшемуся и искривившемуся деревцу, путемъ угрозъ и побоевъ даютъ опять прямое направленіе. Отправляя его позже въ школу, они просятъ учителя обращать больше вниманія на хорошее воспитаніе, чѣмъ на грамоту, счетъ и игру на лютнѣ. Когда дѣти научатся грамотѣ и также хорошо понимаютъ письменную, какъ и устную рѣчь, они заставляютъ ихъ читать стихи хорошихъ поэтовъ и заучивать ихъ наизусть, особенно тѣ, въ которыхъ содержится много хорошихъ поученій и много характеристикъ, прославленій и похвалъ доблестнымъ мужамъ древняго времени, чтобы дѣти соревновали имъ и старались сдѣлаться сходными съ ними. И особенно это дѣлаютъ тѣ, которые больше всего имѣютъ возможность сдѣлать это, т. е. богачи; поэтому дѣти богачей раньше другихъ начинаютъ посѣщать школу и позже ихъ оставляютъ ея»...

Среди учебныхъ книгъ и матеріаловъ прежде всего приходится указать на Гомера, произведенія котораго справедливо называли иногда библіей грековъ. Алкивіадъ далъ оплеушину учителю, у котораго не нашелъ Гомера, а Никерать еще въ старости зналъ наизусть Одиссею и Иліаду. Философъ Анаксагоръ изъ Клазоменъ обращалъ особенное вниманіе на нравственное вліяніе гомеровскихъ поэмъ. Гомера онъ называлъ учителемъ всей Греціи, которымъ нужно пользоваться для направленія и регулированія человѣческихъ дѣлъ, согласно съ предписаніями котораго нужно устроить свою жизнь. Аристотель предпочитаетъ не знать законы Солона, чѣмъ поэмы Гомера. — Поэтому многіе знали наизусть ббльшую часть гомеровскихъ поэмъ (Хеп. Symp. III, 5), но читали также Гезіода, Архилоха, Симонида, Солона и Теогнида.

Съ баснями Эзопа дѣти познакомились уже рано, и того считали неучемъ, кто не изучалъ ихъ.

Если пользовались хрестоматиями (Plato leg. p. 811), то это дѣлалось для того, чтобы выдѣлить неудобное въ нравственномъ отношеніи.

Какое значеніе поэты имѣли для духовной жизни грековъ, вытекаетъ изъ многочисленныхъ цитатъ у ораторовъ и философовъ. Эсхинъ прямо заявляетъ, что сентенціи поэтовъ въ юности нужно заучивать наизусть, чтобы въ старости примѣнять ихъ, и его даже обвиняютъ въ томъ, что онъ щеголялъ своею начитанностью въ поэтахъ, такъ же какъ и Хризиппъ порицается Галéномъ за слишкомъ обильное пользованіе поэтами. — «Поэты какъ бы отцы и руководители въ мудрости» (по словамъ Платона). — Трагиковъ молодые люди изучали не въ школѣ, а въ театрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже мальчики могли посѣщать театръ въ сопровожденіи своихъ педагоговъ; театральное представленіе извѣстныхъ уже мальчикамъ матерій, по мнѣнію грековъ, оказывало образовательное вліяніе.

Во время пелопоннесской войны Эврипидъ былъ любимымъ поэтомъ не только въ Греціи, но и въ Сициліи, и многіе старые воины, послѣ пораженія въ Сициліи, спасли свою жизнь и поправили свое положеніе только тѣмъ, что декламировали своимъ господамъ стихи изъ Эврипида. Сколько ума и какое высокое духовное образованіе тогда можно было найти и среди простыхъ аѳинскихъ солдатъ, мы видимъ не только по упомянутому близкому знакомству ихъ съ Эврипидомъ, но и по тому, что многіе обученіемъ пріобрѣтали себѣ хлѣбъ насущный, такъ что въ Аѳинахъ пословица говорила о человѣкѣ, о которомъ было неизвѣстно, живъ ли онъ или умеръ: «онъ или умеръ, или сдѣлался учителемъ» (Plut. Nik. 542). У самого Эврипида можно найти много педагогическихъ указаній; во многихъ мѣстахъ онъ указываетъ на необходимость либеральнаго воспитанія и на то, какое сильное вліяніе истинная нравственность родителей можетъ оказать на дѣтей.

Если мы зададимся еще вопросомъ, какою цѣль преслѣдовали аѳиняне, давая дѣтямъ такое образованіе, то нужно отвѣтить, что обученіе не преслѣдовало строго практической

цѣли, а только должно было служить духовному развитію. Учиться только ради практической пользы—считалось особенностью грубыхъ лаконянъ. Это подтверждаетъ во многихъ мѣстахъ Аристотель. Толпа, можетъ быть, часто не понимала этого, и въ особенности въ математикѣ видѣли предметъ, совершенно лишній, такъ какъ она вовсе не находить себѣ примѣненія въ жизни. Но люди просвѣщенные къ такимъ взглядамъ невѣждѣ относились такъ, какъ они этого заслуживали. Милый анекдотъ относительно этого рассказывается объ Эвклидѣ. Какой-то молодой человекъ поступилъ въ школу математика, не зная, чему тамъ обучаютъ. Прослушавъ объясненіе первыхъ теоремъ и, вѣроятно, не понявъ ихъ, онъ спросилъ учителя: «но къ чему же меня обучаютъ этому? Какая мнѣ съ этого будетъ выгода?» Эвклидъ призвалъ своего раба и велѣлъ дать ученику полдрахмы, такъ какъ онъ вѣдь желалъ имѣть выгоду.

Кругъ образованія римлянъ въ древнѣйшую эпоху былъ ограниченный и, вѣроятно, обнималъ только грамоту и счетъ. Обученіе, повидимому, происходило дома (Plaut. Bacch. III, 36 и сл.), хотя уже рано упоминаются и школы, которыя посѣщали и взрослые дѣвушки, если только рассказъ Виргиніи (Dion. Hal. XI, 28) заслуживаетъ вѣру. Школы въ то время находились на площади, въ лавкахъ (pergula), такъ что обученіе происходило на виду у проходящихъ. Было также въ обычаѣ обучать дѣтей на открытой улицѣ (in trivis), и обычай этотъ сохранился очень долго, почему еще Квинтилианъ говоритъ о какой то «trivialis scientia» или объ обыкновенныхъ школьныхъ знаніяхъ. Отсюда, очевидно, происходитъ позднѣйшее названіе «тривіальныхъ школъ» и обозначеніе «trivium» для трехъ самыхъ обыкновенныхъ учебныхъ предметовъ въ средніе вѣка, именно для грамматики, діалектики, риторики. По словамъ Горація (Ep. I, 20, 18) можно заключить, что школы въ его время находились въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города; но, вѣроятно, тамъ имѣются въ виду маленькія, тайныя школы, какъ и вытекаетъ изъ смысла мѣста.

Что касается учебныхъ предметовъ, то практическіе ри-

мляне поступали иначе, чѣмъ греки. Римское образованіе расчитано было для практической пользы и эгоистическихъ цѣлей. И для государственной службы римлянину не нужно было научное образованіе, такъ какъ его дома посвящали въ испытанные политическіе принципы предковъ. Гласность всей политической жизни и особенно суда, личныя сношенія съ выдающимися главарями и руководителями государства давали молодому римлянину богатый матеріаль для практическаго образованія. Въ высшей степени развитому въ Римѣ искусству повелѣвать юноша научался въ строгой школѣ повиновенія. Военный лагерь одинаково служилъ подготовительной школой для полководца и для государственнаго челоуѣка, образованіе котораго завершалось въ сенатѣ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ нѣкоторое сходство съ спартанскою жизнью. Подобно тому, какъ въ Спартѣ граждане въ значительной степени посвящали себя юношамъ и ихъ воспитанію, такъ и римскіе отцы въ древнѣйшую эпоху брали съ собою сыновей въ сенатскія засѣданія, пока они были еще *praetextati*. Это участіе въ сенатскихъ засѣданіяхъ, навѣрное, составляло прекрасную школу житейской мудрости. И въ Римѣ юноши оказывали старикамъ большое уваженіе. Не вставать передъ сѣдиною считалось преступленіемъ.

Часто сами отцы давали своимъ сыновьямъ первое обученіе. Цицеронъ, полагавшій, что ничѣмъ онъ не можетъ принести государству большей пользы, чѣмъ наставленіемъ своихъ согражданъ въ хорошихъ искусствахъ, предпочелъ самъ обучать своего сына, чѣмъ довѣрить его другимъ, а также и Аттика обучалъ его отецъ всѣмъ отраслямъ знанія. Светоній передаетъ, что Августъ обучалъ своихъ внуковъ (сыновей дочери) грамотѣ. Интересны также свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ по этому вопросу о М. Катонѣ. «Онъ утверждалъ, что кто бьетъ свою жену или своего сына, оскорбляетъ высшія святыни, и онъ самъ считалъ за высшее быть хорошимъ супругомъ, чѣмъ хорошимъ сенаторомъ. При рожденіи сына онъ обнаруживалъ необыкновенную заботливость. Его жена сама кормила ребенка, но часто прикладывала его и къ груди

рабыни, чтобы этимъ согмѣстнымъ кормленіемъ вызвать и въ ней любовь къ своему сыну. Какъ скоро мальчикъ пришелъ въ разумъ, отецъ наставлялъ его въ элементахъ грамоты, хотя у него былъ умѣлый грамматистъ. Онъ же наставлялъ его и въ обычаяхъ и законахъ своего народа и въ гимнастикѣ, и научилъ его метать копье, пользоваться оружіемъ, верховой ѣздѣ, кулачному бою, перенесенію жары и холода, и плаванию. Наконецъ, онъ уже въ раннемъ возрастѣ ознакомилъ его съ нравами и подвигами предковъ».

Мы, дѣйствительно, находимъ, что ни у одного народа все образованіе юношества вообще, и особенно нравственное, не сосредоточивалось настолько въ прославленіи и въ исторіи предковъ, какъ у римлянъ, которые, по свидѣтельству старшаго Катона, на своихъ пиршествахъ поочередно прославляли заслуги и доблести знаменитыхъ мужей, причемъ было еще въ обычаѣ, чтобы скромные мальчики или просто пѣли или пѣли въ сопровожденіи флейты старинныя пѣсни, содержаніемъ которыхъ также служило прославленіе предковъ (Cic. Tusc. I, 2; Brut. XIX, 75).

Рядомъ съ этимъ такъ высоко почитаемымъ образовательнымъ средствомъ отечественной исторіи, римляне занимались еще грамотой и счетомъ, и какъ мы заучиваемъ наизусть десять заповѣдей, такъ римскій мальчикъ долженъ былъ знать *leges XII tabularum*.

Изученіе поэтовъ и усвоеніе необходимыхъ для ихъ пониманія знаній и въ Римѣ считалось существенно важнымъ для гуманнаго образованія.

Когда могущество Рима уже не ограничивалось одной Италіей, когда ознакомились съ искусствомъ и наукой грековъ и, съ возрастаніемъ богатства, стали предъявляться бѣльшія требованія относительно матеріальныхъ наслажденій во всѣхъ классахъ населенія, стараго образованія оказалось недостаточно. Въ Римѣ стали господствовать два языка, а греческій философъ сталъ другомъ и товарищемъ римскихъ консуляровъ и сенаторовъ. Были, конечно, и такіе мужи, которые понимали опасность, угрожающую римской грубоватой простотѣ отъ свя-

занной въ то время съ греческимъ образованіемъ нравственной и политической развращенности; но они не могли остановить хода событій. Римляне были первый народъ, который изучалъ чужой языкъ, видя въ немъ образовательное средство, хотя, правда, преимущественно для практическихъ цѣлей. Ливій Андроникъ и Энній въ 240 и 201 году читали и греческихъ писателей, особенно поэтовъ, и первый перевелъ Одиссею на латинскій языкъ.

Что римляне во время около второй пунической войны особенно начали изучать греческій языкъ и греческую литературу, видно изъ того, что около этого времени сразу нѣсколько знатныхъ римлянъ начали писать по-гречески. Послѣ покоренія Македоніи и Греціи изученіе греческаго языка стало еще болѣе общимъ, а во время Полибія, около 166 г. до Р. Хр., римляне вообще много занимались науками, такъ какъ именно въ это время изъ Греціи въ Римъ переселилось особенно много образованныхъ мужей.

Относительно этого постепеннаго развитія новой римской школы у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній; но высшую точку въ развитіи ея нужно видѣть въ концѣ республиканскаго и въ началѣ императорскаго періода.

Весьма важныя послѣдствія имѣло то обстоятельство, что Кратесъ изъ Маллоса, посланникъ короля Аттала, въ 589 г. отъ основанія Рима сломалъ себѣ ногу и все время выздоровленія и еще послѣ того читалъ на греческомъ языкѣ лекціи по грамматикѣ, чѣмъ онъ впервые ввелъ въ Римъ грамматическія занятія. Когда десять лѣтъ спустя въ Римъ пріѣхали три греческихъ философа, какъ аѳинскіе посланники, именно: Карнеадъ, Діогенъ и Критолай, которые всѣ не вполнѣ владѣли латинскою рѣчью, знаніе греческаго языка было уже такъ распространено, что большое количество римскихъ юношей могло посѣщать открытые ими курсы философіи и риторики и получить отъ нихъ образованіе.

Конечно, и въ *ludis litterariis* обученіе теперь стало иное. Умъ и вкусъ развивали чтеніемъ греческихъ писателей, особенно Гомера, съ котораго и тутъ начинали (Plin. ep. II. 14;

Ног. ер. II, 2, 42). Образованіе Цицерона было чисто греческое (Suet. de clar. rhet. 2).

VI. Грамота (Γράμματα).

О способѣ обученія грамотѣ у древнихъ, впрочемъ, весьма сходномъ съ нашимъ слогослагательнымъ способомъ, мы находимъ важное мѣсто у Діонисія: «Если мы изучаемъ грамматику, то мы сначала знакомимся съ именами буквъ (στοιχεῖα τῆς φωνῆς), т. е. изучаемъ γράμματα, потомъ форму и виды буквъ (τύπους καὶ δυνάμεις), потомъ слоги и относящееся къ нимъ (καὶ τὰ περὶ ταῦτα πάθη), наконецъ, части рѣчи и ихъ измѣненія, какъ то: склоненіе, число, сокращеніе, удареніе, положеніе въ предложеніи. Изучивши это, мы начинаемъ писать и читать, сначала по слогамъ и медленно, потомъ бѣгло и съ легкостью». Квинтиліанъ говоритъ, что сначала надо изучить имена буквъ, потомъ ихъ порядокъ; лучше всего одновременно изучать ихъ видъ и имя. И Платонъ требуетъ, чтобы прежде всего изучали буквы. «Прежде всего мальчикъ научается ясно различать буквы, какъ глазомъ, такъ и слухомъ, чтобы ихъ соединеніе не затрудняло. Затѣмъ онъ приступаетъ къ чтенію, причемъ окажется, что въ короткихъ слогахъ онъ легко узнаетъ буквы, а въ болѣе длинныхъ и трудныхъ вовсе не узнаетъ ихъ, почему и приходится возвращаться къ болѣе короткимъ слогамъ, въ которыхъ онъ узнавалъ ихъ, и указывать ему на сходство въ короткихъ и длинныхъ слогахъ».

Учители, безъ сомнѣнія, уже при первоначальномъ обученіи чтенію должны были обращать вниманіе на характеръ отдѣльныхъ буквъ, какъ то: на долготу и краткость, относительно согласныхъ на органы рѣчи, и различали плавные, шипящіе, свистящіе звуки.

Понятно, что въ началѣ шли впередъ медленно и осторожно. Сначала показывали каждую букву, учитель часто на-

зывалъ ее, а ученики повторяли названіе. Гдѣ не было таблицъ, тамъ учитель писалъ букву на доскѣ, а ученики писали вслѣдъ за нимъ, послѣ чего называли буквы и слагали ихъ въ слоги. Придумывали также различныя средства для облегченія изученія азбуки. Такъ, мы знаемъ, что дѣтямъ давали, какъ игрушку, подвижную азбуку или же печенья въ формѣ буквъ. До насъ даже дошелъ отрывокъ настоящаго букваря для мальчиковъ въ фрагментѣ Каллія (около 400 г. до Р. Хр.), въ которомъ изображены подрядъ 24 буквы, а затѣмъ идутъ главныя соединенія ихъ въ стихахъ и мелодіяхъ. Квинтиліанъ говоритъ о буквахъ изъ слоновой кости, показывавшихся мальчикамъ. Передаютъ, что Филостратъ примѣнилъ совершенно оригинальный способъ обученія чтенію къ малоспособному сыну Ирода Аттика. Его обучали совмѣстно съ 24 мальчиками—однолѣтками, которыхъ совершенно произвольно называли различными буквами азбуки, чтобы мальчикъ при обхожденіи съ этими 24 живыми буквами запомнилъ писанныя.

Усвоивши буквы, ученики переходили къ чтенію по складамъ (*συλλαβάσειν*), т. е. буквы соединялись въ слоги и въ слова и произносились. Это упражненіе было какъ бы своего рода музыкальнымъ обученіемъ, такъ какъ дѣти должны были отмѣчать долготу и краткость, повышеніе и пониженіе, и должны были то больше, то меньше приподнимать голосъ. Такимъ образомъ это чтеніе не должно было дѣлаться однообразнымъ, а быть своего рода пѣніемъ, развивающимъ музыкальное чутье грековъ, тѣмъ болѣе что грамматистъ всегда обучалъ нѣсколько мальчиковъ одновременно и, вѣроятно, даже нѣсколько чело-вѣкъ одновременно читали. Какъ бы медленно ни читали, всегда получалась та выгода, что ученики постепенно привыкали къ этому произношенію, мелодіи и риему при декламациі.—Квинтиліанъ (I, 1, 26) предостерегаетъ противъ излишней поспѣшности и совѣтуетъ идти дальше не раньше, чѣмъ дѣти окончательно усвоятъ пройденное. Онъ требуетъ, чтобы дѣти съ самаго начала усвоили себѣ ясное произношеніе, и рекомендуетъ особыя упражненія въ разговорѣ. Вообще, на хорошее произношеніе обращали большое вниманіе, и Цицеронъ

прямо заявляетъ: «очень важно, кого ребенокъ ежедневно слушаетъ дома, съ кѣмъ онъ говорить съ дѣтства, какъ говорить отецъ, мать, педагогъ».

Для упражненія въ чтеніи пользовались стихами, особенно гомеровскими. Сенека рекомендуетъ также краткія поученія и сентенціи, безразлично въ формѣ ли стиховъ или прозы, а Лукіанъ говоритъ: «когда дѣти уже болѣе развиты, мы имъ читаемъ изреченія мудрыхъ мужей, подвиги, древности и плодотворныя мысли, и все это мы облакаемъ прелестью мѣры словъ, чтобы оно тѣмъ легче удерживалось въ памяти.

Естественно, что одновременно съ упражненіями въ чтеніи ученикамъ сообщали также необходимѣйшія и элементарнѣйшія свѣдѣнія изъ метрики, заставляли ихъ скандировать и приучали къ ритмическому чтенію. Эти упражненія были первымъ обученіемъ метрикѣ, введеніемъ къ ритмическому чтенію и къ пѣнію въ сопровожденіи китары. Поэзія и музыка въ Греціи съ древнѣйшихъ поръ совпадали. Такъ какъ, при отсутствіи книгъ, упражненія, главнымъ образомъ, сводились къ списыванію и устному повторенію написаннаго учителемъ, то мѣрная рѣчь приходилась весьма кстати для облегченія усвоенія читаннаго и слышаннаго памятью; ибо поученія въ формѣ стиховъ и пѣсень возбуждаютъ удовольствіе и потому крѣпко отпечатлѣваются въ дѣтской душѣ. И законы заучивали наизусть въ связи съ извѣстной мелодіей, чтобы легче запомнить ихъ. Поэтому впоследствии появились цѣлыя дидактическія сочиненія о мудрости и добродѣтели, по географіи и хронологіи и т. д. въ стихахъ. Римляне, кромѣ указаннаго (Гомеръ и латинская Одиссея Ливія), читали, въ позднѣйшую эпоху, еще Эннія, Вергилія и Горація. Послѣдній самъ предсказалъ себѣ эту судьбу (Ер. I, 20, 17 и сл.). Басни Эзопа еще въ періодъ императоровъ цѣнились какъ развлекающее чтеніе для взрослыхъ. Рано начали писать и читать также этическія стихотворенія: напр., Аппій Клавдій (Appius Claudius Caecus) и М. Порцій Катонъ. Изъ лириковъ нужно назвать Горація, изъ комиковъ Менандра и Теренція.

Научившись читать, ребенокъ тотчасъ долженъ былъ учить-

ся писать. Для этого пользовались воощанными дощечками (πόξια), позже вошли въ употребленіе δέλοи πολύπτοι. Сначала учитель самъ писалъ очертанія буквъ, тонко пунктируя, а при письмѣ по этимъ пунктамъ направлялъ руку дѣтей. Изящность почерка, очевидно, не требовалась, такъ какъ и Платонъ довольствуется разборчивостью (leg. VII, 14). Позже начали списывать съ прописей. Записывались для образца цѣлыя предложенія, но никогда не въ прозѣ, а всегда въ стихахъ. Въмѣсто того, чтобы направлять руку учениковъ, Квинтиліанъ совѣтуетъ вырѣзывать буквы въ деревянныхъ доскахъ, чтобы ученикъ самъ приучилъ себя вести свою руку по этимъ углубленіямъ и слѣдить за формой ихъ. Онъ же высказываетъ желаніе, чтобы писали быстро, такъ какъ «медленная рука задерживаетъ мысль». Поэтому заучивали и различныя сокращенія.

Въ общемъ, повидимому, обученію письму предъявлялись весьма умѣренныя требованія, такъ какъ обыкновенно имѣли образованныхъ рабовъ, писавшихъ все необходимое.

XIII. Ариѳметика (λογιστική, λογισμοί, ἀριθμητική) и черченіе (γραφική).

«Мы будимъ духъ ученіемъ о звукахъ и числахъ», говоритъ Лукіанъ, а Платонъ (de ger. VII, pag. 525) высказывается въ томъ смыслѣ, что величайшая польза ариѳметики состоитъ въ томъ, что она будитъ дремлющій по природѣ и не способный къ обученію духъ. По его мнѣнію, ариѳметическое искусство по природѣ своей теоретическое и только учить познавать, хотя оно часто примѣняется во всякомъ другомъ искусствѣ и всякой наукѣ, особенно въ музыкѣ и въ военномъ искусствѣ. Аристотель видѣлъ въ ариѳметикѣ средство къ разсудочно муразвитію и признавалъ за нимъ важное значеніе для формальнаго образованія юношей.

Итакъ, для грека ариѳметика была больше средствомъ для общаго образованія; практической римлянинъ требовалъ отъ

нея прямой, непосредственной пользы. «Въ Греціи особымъ почетомъ пользовалась геометрія; мы, римляне, опредѣлили значеніе этого предмета сообразно съ пользою землемѣрія и арифметики» (Цицеронъ).—«Грекамъ, стремящимся только къ славѣ, Муза дала талантъ и даръ пѣсни. Римскіе-же мальчики продолжительнымъ упражненіемъ въ счетѣ научаются раздѣлить одинъ асъ на сто частей» (Hor., ars poet. 325).

И обученіе арифметикѣ первоначально должно было носить характеръ игры (Plato, leg. VII, 819). Дѣти могутъ раздѣлять яблоки, орѣхи, вѣнки между большимъ или меньшимъ числомъ товарищей, такъ чтобы на долю каждаго приходилось одинаковое число. Уже Солонъ рекомендовалъ изученіе арифметики, но предостерегалъ противъ увлеченія, идущаго дальше общей пользы (Xen. Mem. IV, 7, 8).

Простѣйшій и древнѣйшій способъ для нагляднаго объясненія понятія числа есть счетъ по пальцамъ (Herod. VI, 63). Только у спартанцевъ дозволялось исключительно умственное численіе въ случаѣ надобности.

Счетъ по пальцамъ можно довести до десяти. Но пальцамъ можно затѣмъ придать любое значеніе, напр. десятковъ, сотенъ и т. д. Пальцы лѣвой руки, по объясненію Грасбергера, представляли однозначныя и двухзначныя числа, правой—трехъ- и четырехзначныя, имѣющія на послѣднихъ мѣстахъ нули, т. е. пальцами обѣихъ рукъ изображали все числа до десяти тысячъ, а этого было достаточно въ обыденной жизни.

Иногда пользовались и камешками. Такимъ образомъ составили болѣе надежную систему, такъ какъ ихъ размѣщали по рядамъ и придавали различное значеніе, смотря по мѣсту, какое они занимали. Ихъ разставляли на доскѣ или на столѣ, раздѣленномъ на опредѣленное число полосъ. Греки приписывали изобрѣтеніе этого способа Пифагору, такъ что эта доска и называлась доской Пифагора. Но нѣтъ сомнѣнія, что она была извѣстна уже до Пифагора. Геродотъ (II, 36) встрѣтилъ ее уже въ Египтѣ, а Солонъ, говорятъ, сравнивалъ положеніе придворныхъ съ этими камешками. Существовали арифметическія доски двухъ видовъ: на одной считали камешками (ψῆφοι,

calculi); способ счисления былъ довольно сложный; на другой вертикальные надрѣзы съ раздвижными пуговками служили для счета. Всего было девять болѣ длинныхъ и восемь болѣ короткихъ надрѣзовъ, лежавшихъ противъ первыхъ восьми длинныхъ. Въ нихъ находились подвижные штифтики съ пуговицами, и именно въ болѣ короткихъ надрѣзахъ по одной пуговицѣ, а въ болѣ длинныхъ обыкновенно по четыре. Приписанные числа указывали, что первые семь надрѣзовъ обозначали числа отъ единицы до милліона, причемъ такъ, что каждый соотвѣтствовалъ одному опредѣленному мѣсту. Каждая изъ верхнихъ пуговицъ при этомъ обозначала пятерное соотвѣтствующаго мѣста, а каждая изъ четырехъ низшихъ пуговокъ—разъ взятый соотвѣтствующій разрядъ. Восьмой и девятый служатъ для счета дробей: именно, восьмой на римской ариѳметической доскѣ обозначаетъ одну двѣнадцатую, девятый служилъ для меньшихъ дробей. Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что не можемъ составить себѣ вполнѣ точнаго представленія о деталяхъ и о способѣ производства четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій посредствомъ этихъ пуговокъ; мы только видимъ, что эти ариѳметическія доски имѣли сходство съ нашими ариѳметическими досками.

Необходимость записыванія чиселъ привела къ установленію знаковъ для сокращенія. Число 5 обозначалось буквой П (πέντε); также 10—Δ (δέκα), 100—Н (ἑκατόν), 1000—Χ (χίλιοι); для 50, 500, 5000—соединенія знака αΠ съ буквами Δ, Н и Χ такъ, что эти буквы ставились между вертикальными чертами буквы П.

Удивительно, что древніе быстро рѣшали задачи, не имѣя цифръ. Причина этого та, что они гораздо больше насъ упражнялись въ умственномъ счетѣ. Укажемъ еще на ту особенность, что греки не начинали дѣйствія, какъ мы, съ правой стороны простыми единицами, а съ единицъ высшаго разряда, какъ это и теперь обыкновенно дѣлаютъ при умственномъ счетѣ.

Знаки I, V, X, по мнѣнію Моммзена, явились у римлянъ изображеніемъ вытянутаго пальца; знаки L, C, D, M приво-

дятся въ связь съ придыхательными греческой азбуки. Вслѣдствіе малочисленности знаковъ пользовались также вычитаніемъ: IV, IX, XI и т. д. Впрочемъ, римлянамъ не были неизвѣстны даже сложные счеты съ дробями.

Преподаваніе арифметики начиналось, вѣроятно, тогда, когда дѣти приобрѣли уже извѣстную сноровку въ чтеніи и письмѣ, и начиналось съ 4 дѣйствій: сложеніе (*συνπροστιθέναι*, *προσάττειν*, *addere*, *summam facere*), вычитаніе (*ἀφαίρειν*, *ἀφαιρεσι-ρεῖν*, *λαμβάνειν* *ἐκ...*, *deducere*), умноженіе (*πολλαπλασιάζειν*, *πολλαπλασιῶν*, *multiplicare*,) и дѣленіе (*μερίζειν*, *μετρέειν* *dividere*). Нѣтъ доказательствъ, что обученіе арифметикѣ начиналось со всѣхъ арифметическихъ дѣйствій одновременно.

У грековъ къ арифметикѣ присоединялась еще и геометрія въ незначительномъ объемѣ, такъ какъ высоко ставили формальное вліяніе ея на изощреніе мыслительной способности. Ея значеніе возрасло и еще больше стало признаваться, когда Эвклидъ внесъ въ нее простоту и ясность. Но во всякомъ случаѣ ею, вѣроятно, занимались преимущественно дѣти старшаго возраста.—Римляне никогда не любили геометріи, хотя даже Квинтиліанъ (I, 10, 34 и сл.) признаетъ, что, она упражняетъ духовныя силы, изощряетъ разумъ и приводитъ къ быстрому пониманію.

Черченіе, какъ уже было упомянуто выше, только во время Аристотеля было принято въ кругъ предметовъ элементарнаго образованія. «Юноши должны обучаться черченію», говоритъ по этому поводу Аристотель (I^{ol.} VIII, 2), такъ какъ оно нужно въ жизни и вообще очень полезно, особенно же помогаетъ правильно оцѣнивать произведенія художниковъ. Но учиться ему нужно не только изъ за выгоды, не для того, чтобы при покупкѣ или продажѣ какихъ-либо вещей меньше обманывать самого себя или быть обманутымъ другими, а потому, что это искусство образуетъ и изощряетъ художественное чутье. Искать вездѣ только выгоды, совершенно недостойно свободнаго и благородномыслящаго человѣка. Если Діогенъ Лаэртій передаетъ, что Платонъ въ юности занимался черченіемъ и рисованіемъ, то, вѣроятно, въ виду имѣются только частныя упражненія.

Хотя положеніе и значеніе обученія рисованію и черченію наряду съ другими предметами преподаванія еще долго остается сомнительнымъ, то все-таки можно думать, что въ Аѳинахъ, гдѣ преподаваніе вообще занимало высшее мѣсто, этотъ предметъ въ 4-мъ вѣкѣ сдѣлался во всѣхъ школахъ предметомъ преподаванія.

Посредствомъ обученія черченію глазъ долженъ былъ научиться къ созерцанію красивыхъ, нравственныхъ формъ и научиться понимать художественныя произведенія. Слѣдовательно, до извѣстной степени дѣлали изъ юношей знатоковъ искусства, чтобы они впоследствии правильно оцѣнивали тѣ предметы, которыми украшали свои дома.

Чертили грифелемъ и кистью на особо приготовленныхъ изъ дерева и воска доскахъ.

Изъ различныхъ мѣстъ вытекаетъ также, что во время Сократа въ Аѳинахъ существовали географическія карты. Пользовались ли ими, какъ учебными пособиями, нельзя сказать достоверно.

Преподаваніе начинается, конечно, съ первыхъ, элементарнѣйшихъ упражненій въ черченіи линій. Учились проводить свободной рукой линію, потомъ контуръ и въ немъ проводить необходимыя линіи. Преподаваніе, вѣроятно, велось вполне основательно и строго, такъ какъ упоминается даже о десятилѣтнемъ курсѣ. Стремилась, главнымъ образомъ, къ увѣренности руки и тонкости штриха грифеля. Въ дальнѣйшемъ брались и за кисть, и ею рисовали на бѣлыхъ доскахъ—черные и красные, на черныхъ—бѣлые эскизы.

Вотъ каково образованіе, которое обыкновенно давалось дѣтямъ у древнихъ. У бѣднѣйшихъ сословій, конечно, нужда препятствовала достиженію высшаго, чѣмъ обыкновенное, элементарное образованіе. Такимъ образомъ, дѣти бѣдныхъ родителей въ Аѳинахъ получали извѣстное тѣлесное развитіе и обучались предметамъ обыкновеннаго, элементарнаго курса образованія, т. е. грамотѣ, ариметикѣ, послѣ также немного рисованію, и уже гораздо раньше богатыхъ дѣтей, уже до 16-го года, оставляли школу. Въ другихъ государствахъ,

напр. въ Віотіи, духовное образованіе, говорятъ, стояло ниже, но тѣлесными упражненіями занимались систематически, школьнымъ образомъ, и юноши, дѣйствительно, довольно свободно пользовались своими членами. Въ Аркадіи большое вниманіе обращалось на музыку. Для жителей Аркадіи составляло удовольствіе обнаруживать свое искусство на празднествахъ боговъ и въ театрѣ. Въ Локридѣ законы повелѣвали, чтобы всѣ сыновья свободныхъ гражданъ обучались грамотѣ у общественныхъ учителей. Нѣтъ недостатка въ жалобахъ и протестахъ противъ слишкомъ продолжительнаго обученія, стремящагося къ слишкомъ высокимъ цѣлямъ и противорѣчащаго цѣли равномернаго образованія духа и тѣла. Сократъ предостерегаетъ противъ спеціальнаго или профессиональнаго образованія. Когда Демада спросили, кто былъ его учителемъ, онъ отвѣтилъ: «ораторская трибуна», вѣроятно, желая этимъ сказать, что практика стоитъ выше и наилучшаго метода обученія. Обыкновенное греческое ученіе не стремилось къ многознанію, а къ образованію нравовъ и нравственнаго образа мыслей. Не къ знанію многого нужно стремиться, говоритъ Демокритъ, а къ общему духовному образованію. *Non multa sed multum*, — этотъ принципъ неоднократно повторялъ и Платонъ, а Аристотель серьезно предостерегаетъ противъ излишка и накопленія знаній, которыя, можетъ быть, когда-нибудь въ будущемъ пригодятся. Среди римлянъ Катонъ не скрывалъ отъ себя и другихъ, что такое поспѣшное ученіе съ примѣсью философіи способно только создать хаосъ въ головахъ молодежи.

XIV. Объ обученіи музыкѣ.

Что древніе признавали могучее вліяніе и глубокое воздѣйствіе музыки на чувства и особенно высоко ставили ее по ея значенію въ смыслѣ смягченія эффектовъ и возбужденія

этических стремлений, достаточно доказывается общою извѣстностью именъ мифическихъ пѣвцовъ, какъ Орфей, Линъ, Амфионъ и др., которые, какъ рассказываетъ о нихъ преданіе, увлекали своею игрою не только оживленную, но и неодушевленную природу. Въ соединеніи звука струнъ съ пѣніемъ, возбуждавшимъ въ душѣ благородныя мысли и думы, прославлявшимъ боговъ и главные подвиги героевъ, грекъ, благодаря тонкому развитію чувствъ, видѣлъ образовательное средство, безъ котораго не долженъ быть воспитанъ ни одинъ свободно рожденный человѣкъ. При этомъ важно еще и то обстоятельство, что была установлена самая тѣсная связь между музыкальнымъ образованіемъ и религіозною жизнью, которая находила главное выраженіе въ гимнахъ и пѣсняхъ, съ своей стороны нуждавшихся въ музыкальномъ акомпаниментѣ. Поэтому преподаваніе музыки издавна было введено въ Греціи, и Квинтиліанъ сообщаетъ, что грамматика и музыка находились въ тѣсной связи. «Кто не знаетъ, что уже во времена глубокой древности не только занимались музыкой съ большимъ рвеніемъ, но и почитали ее такъ, что Орфей и Линъ, не говоря уже о другихъ, одновременно считались музыкантами, мудрецами и пророками» (I, 10, 9). Тимагенъ, жившій въ Римѣ при Августѣ, говоритъ, что «музыка есть древнѣйшее изъ всѣхъ научныхъ стремлений, что подтверждается знаменитѣйшими поэтами. Никто не сомнѣвается, что мужи, отличавшіеся своею мудростью, были и ревностными музыкантами, такъ какъ Пифагоръ и его преемники распространяли мнѣніе, безъ сомнѣнія, унаслѣдованное ими отъ древности, что міръ устроенъ по тому же закону, которому впоследствии подражала и лира». Поэтому, какъ я уже и высказывалъ, музыка и грамматика въ древности находятся въ связи. Архитъ полагаетъ, что грамматика нужна для музыки, а Аристофонъ также упоминаетъ, что мальчиковъ обучали обоимъ предметамъ. Эта тѣсная взаимная связь между грамматикой и музыкой, на которую я указывалъ уже выше, говоря объ обученіи грамотѣ, и то обстоятельство, что первоначально, вѣроятно, одинъ учитель преподавалъ оба эти предмета, привели, можетъ быть,

къ тому, что понятіе музыка (*μουσική*) у древнихъ употребляется часто въ болѣе широкомъ смыслѣ и часто обозначаетъ весь кругъ научнаго образованія, а у Платона (*Symp.* 187) имъ даже замѣняется *παιδεία*. Для эллина музыкальное образованіе, вмѣстѣ съ гимнастическимъ, составляетъ главную задачу. Платонъ (*Prot.* 15) говоритъ: «Если мальчики учатся играть на цитрѣ, они ознакомливаются съ пѣснями хорошихъ лирическихъ поэтовъ, должны принаравливать свой голосъ къ звукамъ струнъ и запоминать мелодію. Этимъ они приучаются къ правильной мѣрѣ и прекрасному порядку и дѣлаются болѣе ловкими на словахъ и дѣлахъ; ибо вся жизнь человѣка нуждается въ мѣрѣ и гармоническомъ настроеніи». Тотъ же авторъ говоритъ (*respubl.* 376): «гимнастика занимается чѣмъ-то формирующимъ, переходящимъ — тѣломъ; музыкальное искусство должно образовать правильный характеръ. Музыкальное образованіе получило свое названіе отъ музы. Въ музыкальномъ образованіи высшее мѣсто занимаетъ музыка, какъ гимнастика слуха, голоса и духа; она проникаетъ во внутрь души и есть прекрасная *φουχρωγία*». Музыкальный элементъ, говоритъ Грасбергеръ, составляетъ дополненіе для болѣе животнаго элемента, гимнастики, и, наоборотъ, гимнастическій — придавалъ музыкальному твердость, сохранялъ отъ ложной сентиментальности и постоянно напоминалъ о конкретномъ и дѣйствительномъ. «Кто много и ревностно занимается гимнастикой безъ музыки, дѣлается мужественнымъ и храбрымъ, но его душа остается слабой, тупой и слѣпой. Поэтому гимнастика и музыка предназначаются не отдѣльно для тѣла и для души, а должны быть соединены и смѣшаны между собою» (*Plat. resp.* III, 410). Отсутствіе музыкальнаго и гимнастическаго образованія служило для грековъ доказательствомъ отсутствія культуры и свободы. Музыка для нихъ была, такимъ образомъ, больше, чѣмъ просто тоническое искусство; она составляла все духовное образованіе, была мать всѣхъ добродѣтелей, создательница всякаго порядка; она своею гармоніею одушевляла и дѣлала счастливою всю жизнь. Они даже называли музыку философіей, какъ Сократъ назвалъ философію завершеніемъ музыки.

Если, такимъ образомъ, съ одной стороны были вполнѣ убѣждены въ необходимости музыкальнаго образованія, то, съ другой стороны, все же и въ этой области вовсе не заботились о созданіи виртуозовъ. Вообще, стремились не къ тому, чтобы молодые люди научились искусно играть, а чтобы они сдѣлались музыкальными. Но всегда считалось неудобнымъ вовсе оставаться безъ музыкальнаго образованія. Сократъ, напр., еще на старости лѣтъ учился играть на лирѣ, и величайшіе полководцы играли на какомъ-нибудь струнномъ инструментѣ или на флейтѣ. Өемистокла стали подозрѣвать въ дурномъ, когда на одномъ пиршествѣ онъ отказался играть на лирѣ.

О возрастѣ, когда начиналось музыкальное образованіе, имѣются разнорѣчивыя указанія. Платонъ требуетъ, чтобы оно начиналось съ тринадцатаго года и продолжалось три года; Аристотель же желаетъ поставить музыку раньше грамматики, а Лукіанъ называетъ ее между учебными предметами первою. Вѣроятно, впрочемъ, что музыкѣ начинали учиться только, научившись грамотѣ. Сначала мальчики научаются пѣть по стариннымъ напѣвамъ пэаны и гимны, послѣ они изучаютъ искусственныя мелодіи пѣвцовъ Тимоѳея и Филоксена и ежегодно подъ звуки флейты устраиваютъ праздничные хороводы, причемъ дѣти представляютъ юношескую борьбу, а юноши, по примѣру мужей, картины сраженій. На пиршествахъ они наслаждаются пѣніемъ, распѣвая пѣсни, навѣваемые мгновеннымъ воодушевленіемъ. Упражненія юношей производятся подъ звуки флейты; ежегодно въ театрѣ они представляютъ большіе праздничные танцы, причемъ оба пола совмѣстно приносятъ жертвы и устраиваютъ хоры; этимъ хотятъ смягчить и образовать «неотесанный характеръ» (Поливій).

Мы знаемъ, что связанная съ пѣніемъ струнная игра, прославляемая въ различныхъ сказаніяхъ, больше всего соотвѣтствовала природѣ грековъ и сильно распространилась особенно благодаря школѣ киваристовъ на островѣ Лесбосѣ. Мальчики часто должны были занимать старшихъ, играть и пѣть имъ.

Что касается инструментовъ, примѣнявшихся при обуче-

ніи, то прежде всего нужно упомянуть цитру и лиру. Третье мѣсто занимаетъ флейта, въ лучшія времена, однако, пользовавшаяся меньшимъ значеніемъ, чѣмъ цитра и лира, почему и явилась пословица: «кто не можетъ научиться играть на цитрѣ, играетъ на флейтѣ».

Цитра — инструментъ, по формѣ похожій на шею и грудь человѣка, состоитъ изъ выпуклаго дна, двухъ поднимающихся оттуда, сверху загнутыхъ, подобно бычачьимъ рогамъ, боковыхъ частей и, между ними, поперечнаго дровка, на которомъ были прикрѣплены струны.

Родственна ей — лира. Но струны у нея лежатъ открыто съ обѣихъ сторонъ, и у нихъ нѣтъ дна, плоскости для резонанса. На ней играютъ обѣими руками или же съ одной стороны ударяютъ обѣ струны плектрономъ. Когда играющій сидитъ, онъ ставитъ инструментъ на колѣни, а когда стоитъ, то на лентѣ вѣшаетъ его черезъ плечо.

Вѣроятно, ничѣмъ не отличалась отъ цитры — форминга, которою у Гомера пользуются Ахиллъ и Фемій, а также рапсоды.

Изобрѣтеніе четырехъ-струнной лиры приписывается Гермесу; Терпандръ устроилъ лиру семиструнную, а Тимофеей изъ Милета — одиннадцатиструнную.

Флейта, духовой инструментъ, почти соответствующій нашей нынѣшней флейтѣ, изъ тростника, бука, рога или металла, имѣла отверстія, которыя закрывались пальцами, и особую часть, которую брали въ ротъ и которою производили звуки. Говорятъ, что существовало пять видовъ флейты.

Значеніе струнныхъ инструментовъ для образованія потомства находитъ себѣ полное подтвержденіе въ томъ предпочтеніи, которое оказывалось имъ вообще, а особенно лирѣ у пифагорейцевъ.

Пифагоръ полагалъ, что удобными мелодіями и гармоніями можно обратить въ противоположныя каждое чувство и всякое настроеніе духа и возстановить здоровье тѣла. Поэтому, въ его школѣ имѣлись пѣсни, которыя оказывались весьма благотворными по отношенію къ страданіямъ чувственнымъ,

тоскѣ и угрызеніямъ совѣсти, другія, направленныя противъ аффектовъ, какъ злоба, огорченіе, тѣты, подавлявшія похоти и страсти. Пѣніемъ ученики вечеромъ очищались отъ страстей дневныхъ, имъ же они успокоивали неподавленное возбужденіе; послѣ сна пѣніе должно было прогонять сонливость и дурное настроеніе.

Собственно національными инструментами грековъ были только цитра и лира, которыми пользовался и самъ начальникъ музъ Аполлонъ и которыя допускали рядомъ съ собою пѣніе и декламацию человѣческаго голоса. И Платону только эти два инструмента казались полезными для государства. Но онъ же обращаетъ большое вниманіе и на текстъ, изъ чего ясно, что уже при первыхъ упражненіяхъ въ пѣніи въ основаніе полагались извѣстныя мелодіи или тексты излюбленныхъ пѣсень.

Менѣе любимымъ инструментомъ была флейта, и Платонъ говоритъ, что ей, въ противоположность къ струннымъ инструментамъ, мѣсто въ деревнѣ. Нѣкоторое отвращеніе къ ней выражается даже въ сказаніяхъ. Паллада Аѳина изобрѣла ее; когда она играла на ней, Гера посмѣялась надъ ней, такъ какъ ей приходилось вытягивать ротъ въ гримасу. Когда она впослѣдствіи, играя у прозрачнаго источника, сама замѣтила это, она со страшнымъ проклятіемъ бросила флейту, и это проклятіе, дѣйствительно, исполнилось на Марсіи. Извѣстенъ анекдотъ о молодомъ Алкивиадѣ, который отказался отъ флейты, такъ какъ, играя на ней, приходится коверкать лицо и невозможно ни говорить, ни пѣть, такъ что она годится только для дѣтей еивянь, которые и безъ того не умѣли разговаривать между собою (Plat. Alk. 2).

Безъ сомнѣнія, происхожденіе ея весьма древнее (ср. Ном. X, 13) и именно азиатское; въ Азіи она употреблялась особенно при шумномъ культѣ различныхъ боговъ; она своими рѣзкими звуками оглушаетъ и возбуждаетъ, а потому для грека, такъ любящаго мѣру во всемъ, годилась только при шумномъ празднованіи Діониса. Она не способна возбудить въ душѣ нравственное настроеніе, а только одушевленіе оргіи.

Кромѣ того, противъ флейты говоритъ особенно то обстоятельство, что она мѣшаетъ пѣнію, почему древніе «съ полнымъ правомъ отвергали ее для юношей и свободныхъ» (Arist. pol. VIII, 6.).

Во время персидскихъ войнъ игра на флейтѣ, поднятая Олимпомъ изъ Фригіи до степени художественнаго упражненія, и въ Аѳинахъ вошла въ моду, такъ что знатнѣйшіе юноши охотно занимались ею. Но эта мода держалась не долго, и флейта, благодаря болѣе глубокому педагогическому пониманію, постепенно опять исчезала. На пиршествахъ и при другихъ подобныхъ случаяхъ она зато считалась незамѣнимой.

Дальше мы знаемъ о различныхъ видахъ тоническаго искусства. Грасбергеръ называетъ три вида (дорическій, фригійскій и лидійскій), а Баумейстеръ въ классическомъ сочиненіи: «Памятники классической древности» — шесть или семь. Но рѣшеніе этого вопроса очень трудно; ибо мы только отчасти знаемъ ноты древнихъ, никогда не слышали ихъ игры и не можемъ представить ни одной пьесы, которая соотвѣтствовала бы какой-нибудь пьесѣ древнихъ.

Что касается характеристики этихъ различныхъ видовъ, то говорятъ, что «дорическій (δωριστί) былъ характера строгаго, глубокаго, способный создать спокойное, благоразумное настроеніе, почему Платонъ одинъ этотъ видъ считалъ отвѣчающимъ педагогическимъ требованіямъ и рекомендовалъ для изученія. Фригійскій (φρυγιστί) служитъ особенно для выраженія религіознаго энтузіазма, вакхическаго одушевленія и мечтанія, между тѣмъ какъ лидійскій (λιδιστί), съ своими высочайшими тонами, былъ характера мягкаго и кроткаго, изящнаго и эластичнаго». Упоминается также о іонической музыкѣ, годной только для изнѣженныхъ людей и пьяницъ; объ эолійской — пышной, пестрой, влюбленной, и о смѣшанно-лидійской — высокой и рѣзкой, слезливой и печальной.

Теперь разсмотримъ еще, какъ распространено было занятіе музыкой въ отдѣльныхъ государствахъ, и опять-таки начнемъ со Спарты.

Уже раньше указывалось, съ какою любовью спартанцы

занимались танцами. То же самое можетъ быть сказано и о музыкѣ. Представимъ себѣ исторію Тиртея и Терпандра, которые въ Спартѣ праздновали триумфы, своею игрою и пѣніемъ подавили возстаніе и возстановили въ государствѣ миръ; это можетъ служить вѣскимъ доказательствомъ того, какъ высоко въ этомъ государствѣ ставилась музыка. Она тѣсно срослась съ государствомъ, глубоко вліяла на всѣ государственныя отношенія и считалась необходимымъ условіемъ всѣхъ празднествъ и публичныхъ процессій. Спартанцы думали, что музыка возбуждаетъ въ душахъ храбрость и любовь къ отечеству; поэтому спартанскія пѣсни особенно прославляютъ павшихъ за отечество, характеризуютъ несчастія трусливыхъ и поощряютъ къ побѣдѣ или смерти. И законы обыкновенно излагались въ поэтической формѣ, такъ что легко было заучить и пѣть ихъ. Въ спартанскихъ пѣсняхъ, которымъ была свойственна естественная и недѣланая краткость, господствовала та же простота, что и во всемъ характерѣ народа (Plut. Lyc. 21).

Поэтому мальчики особенно усвоивали себѣ такъ называемая *ἐμβατήρια* и *ἐνόπλια*. Какъ во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ, такъ, конечно, и въ музыкѣ, спартанцы были весьма консервативны. Они строго слѣдили за тѣмъ, чтобы музыка вѣрно сохраняла свой чистый и настоящій характеръ, соответствовавшій дорической музыкѣ и выраженіемъ простой гармоніи и мужественно-достойнаго ритма возбуждавшій въ душѣ надлежащее настроеніе. Новшество встрѣчали съ недоверіемъ и часто сурово отклоняли.

Когда Тимоѳей явился съ своею одиннадцатиструнной лирой, эфоръ подошелъ и спросилъ, съ какой стороны лучше отрѣзать лишнія струны. Когда Фринисъ изъ Лесбоса явился съ девятиструнной лирой, эфоръ Экретъ просто отрѣзалъ двѣ струны. Поэтому здѣсь, подъ главнымъ надзоромъ государства, преимущественно развивалась благородная музыка Аполлона.

Вѣра во всемогущество музыки въ Аѳинахъ была не меньше, чѣмъ въ Спартѣ. Поэтому и здѣсь музыкальное образованіе считалось необходимою для каждаго свободнаго чело-

вѣка, и законъ и начальство берегли его. Уже Солонъ старался гарантировать музыкальное образованіе въ общей системѣ образованія, такъ же какъ онъ своими распоряженіями о школахъ состязаній урегулировалъ преподаваніе гимнастики, но между дорической и іонической музыкой громадная разница, основывающаяся на различіи характеровъ этихъ племенъ. Тамъ спокойствіе и возвышенность мотивовъ, здѣсь болѣе пышная нѣжность; тамъ незначительная измѣнчивость, а здѣсь болѣе частыя перемѣны. Я здѣсь указываю только для примѣра на сказанное выше о внезапномъ введеніи игры на флейтѣ и на столь же скорое изгнаніе ея. Но и игра на цитрѣ не могла противостоять новому духу времени, и она подчинилась вліянію безпокойнаго времени и претерпѣла существенное измѣненіе, исходившее изъ Лесбоса, откуда тоническое искусство Греціи получило всѣ дѣйствующіе законы. Безъ сомнѣнія, и въ Аѣнахъ обращали большое вниманіе на тексты, и Платонъ специально указываетъ на это. Особенно заботливымъ уходомъ пользовалась пѣсня, и мы знаемъ, что она имѣла самое широкое распространеніе даже въ низшихъ слояхъ. Мы знаемъ о существованіи специальныхъ пѣсенъ для пастуховъ, сторожей, ткачей, жнецовъ, мельниковъ, водовозовъ, гребцовъ, о колыбельныхъ и похоронныхъ пѣсняхъ. Особенно достойны примѣчанія слова Аристотеля о музыкѣ (Pol. VIII, 4): «музыка особенно полезна въ трехъ отношеніяхъ: она сообщаетъ извѣстный характеръ духу, какъ гимнастика—тѣлу; она даетъ намъ возможность искренно радоваться; она служитъ для отдыха, для игры и для чистаго наслажденія въ свободные часы.—Она имѣетъ громадное вліяніе на душу. Но элементъ оргій долженъ быть устраненъ отъ дѣла воспитанія. Не надо учиться такимъ гармоніямъ или родамъ тоновъ, какъ фригійскій, а только серьезной дорической и нравственной лидійской музыкѣ». Онъ предостерегаетъ противъ излишняго расширенія программы преподаванія музыки. Важно не достиженіе той техники, которая получаетъ преміи при представленіяхъ, а общее образованіе. Поэтому слѣдуетъ пользоваться и не всякимъ инструментомъ, а преимущественно семиструнной лирой.

Какую роль музыка и пѣніе играли на празднествахъ и въ театрѣ, безъ того извѣстно каждому, и не требуетъ объясненія. Музыкой и пѣніемъ изъ грековъ занимались, впрочемъ, не только спартанцы и аеиняне, но и аркадяне и беотяне, первые даже необыкновенно много.

У римлянъ музыка занимала менѣе видное мѣсто, хотя и не была совсѣмъ исключена изъ программы. Для свободно рожденнаго и вообще для человѣка, имѣвшаго извѣстное положеніе, считалось недостойнымъ заниматься музыкой, пѣніемъ или танцами, даже для удовольствія, не говоря уже о занятіи этими предметами какъ промысломъ. Въ древнѣйшую эпоху только при религиозныхъ обрядахъ встрѣчаемъ танцы въ связи съ музыкой. Позже, повидимому, музыка допускалась и на пиршествахъ, и для акомпанимента народныхъ пѣсень. Но Непотъ въ біографіи Эпаминонда говоритъ, что по римскимъ представленіямъ для знатнаго человѣка занятіе музыкой считалось недостойнымъ, и въ Цицеронѣ мы вовсе не видимъ музыкальнаго образованія. Поливій говоритъ, что у римлянъ не было пониманія мелодіи и разнообразія инструментовъ. Характерно въ этомъ отношеніи то, что Квинтиліанъ въ шумѣ римскихъ роговъ и трубъ узнаетъ несравненный римскій военный шумъ. Вообще, римлянамъ, повидимому, дѣйствительно, нравились только трубы и барабаны, т. е. своеобразная, бурная, но безвкусная музыка. Упоминаются, правда, пѣніе и хоры юношей и дѣвиць, что практиковалось въ Римѣ для умилостивленія боговъ при невыгодныхъ предзнаменованіяхъ или другихъ бѣдствіяхъ. При празднованіи *ludi saeculares* Августа пѣли *carmen saeculare*. Намъ сообщаютъ также о драматическихъ представленіяхъ, при чемъ композиція и инструментировка музыки принадлежали композитору. Но особеннаго развитія это искусство никогда не достигло, и даже въ лучшія времена не пошли дальше нѣкотораго пассивнаго удовольствія отъ него. Императоръ Неронъ, правда, призвалъ для своего обученія изъ Греціи извѣстнаго игрока на цитрѣ. Ему и его товарищу Веспасіанъ въ послѣдствіи, при освященіи возстановленнаго театра Марцел-

ла, велѣлъ выплатить по 200.000 сестерцій. Но Александръ Северъ, особый любитель музыки, не позволялъ присутствовать чужимъ, когда онъ пѣлъ и игралъ, и запирался въ комнатѣ, какъ будто онъ дѣлалъ что-нибудь недостойное.

XV. Учители.

«*Quem dii odere, ludi magistrum fecere*», — это пословица, которую съ полнымъ правомъ иногда произносятъ еще и современные учителя. Обязанность учителя, дѣйствительно, очень трудная, и жизнь его горькая, съ одной стороны, вслѣдствіе высокихъ требованій, которыя предъявляются къ учителю, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, и особеннаго такта, который требуется именно отъ него; съ другой стороны, вслѣдствіе строгаго, часто жестокаго и притомъ несправедливаго суда надъ его дѣятельностью, произносимаго лицами, не имѣющими ничего общаго съ преподаваніемъ и знающими его развѣ потому только, что сами когда-то нѣкоторое время сидѣли на школьной скамьѣ. Надъ учителями какъ будто повисла неблагопріятная судьба; ибо уже въ древности мы встрѣчаемъ нѣсколько презрительное или, по крайней мѣрѣ, подозрительное отношеніе къ учителямъ. Уже упомянутое раньше изреченіе афинянь: «онъ или умеръ, или сдѣлался учителемъ», и совѣтъ Плутарха обѣднѣвшимъ гражданамъ: «сдѣлайтесь учителями или ступайте служить на корабли», — столько же свидѣтельствуешь объ этомъ, сколько иронія, съ какою писатели описываютъ обратившуюся въ притчу судьбу тиранна Діонисія, «*qui Corinthi pueros docebat*». Особенно римляне въ обученіи дѣтей видѣли послѣднее средство для пропитанія бѣдныхъ людей и выслужившихъ свой срокъ унтеровъ. Философъ Эпикуръ называетъ знаменитаго Протагора бывшимъ носильщикомъ и писаремъ Демокрита, на улицѣ дававшимъ дѣтямъ элементарное обученіе, а затѣмъ сдѣлавшимся софистомъ. Но

дальше всего пошелъ Лукіанъ въ своемъ шутливомъ описаніи подземнаго міра; онъ рассказываетъ, что цари и сатрапы этого міра тамъ становятся нищими, продавцами рыбы и учителями: право, прекрасное сообщество!

Къ счастью, не было недостатка и въ людяхъ, не отказывавшихъ своимъ учителямъ въ признательности. О Діогенѣ изъ Синопа рассказываютъ, что онъ, какъ домашній учитель у Ксепіада, умѣлъ поставить себя такъ, что его господинъ постоянно заявлялъ, что добрый геній поселился въ его домѣ. Филиппъ послѣ рожденія Александра писалъ Аристотелю: «Знай, что у меня родился сынъ. Я благодарю боговъ за то, что они дали мнѣ его при твоей жизни; ибо я надѣюсь, что онъ, обученный и воспитанный тобою, сдѣлается достойнымъ меня и наслѣдованія моей власти». Также и Маркъ Аврелій благодарилъ боговъ за то, что у него нѣтъ недостатка въ хорошихъ воспитателяхъ для своихъ дѣтей. Цицеронъ говоритъ въ рѣчи pro Plancio: «кто изъ насъ не вспоминаетъ съ благодарностью, если онъ получилъ благородное воспитаніе, своего воспитателя, своихъ учителей и руководителей, и даже самое нѣмое мѣсто, гдѣ онъ получилъ духовное воспитаніе и наставленіе?» По мнѣнію Аристотеля родители и учителя менѣе всего могутъ оплачиваться почестями и деньгами. Въ Римѣ почести, оказываемыя учителямъ, умножились, послѣ того какъ распространилось греческое образованіе. Отпущеніе на волю, вознагражденія всякаго рода за труды обученія, наконецъ, со времени Цезаря, предоставленіе учителямъ свободныхъ наукъ правъ гражданства, какъ и врачамъ столицы, были самымъ употребительнымъ средствомъ для привлеченія учителей.

Первыми учителями ребенка въ болѣе или менѣе заботливой семьѣ были, какъ мы уже указывали выше, отецъ и мать. У римлянъ лучшаго времени вытекало изъ традиціонной простоты и семейности, что отецъ или самъ обучалъ сына или отдавалъ его на обученіе кому нибудь изъ братьевъ (patruus) или родственниковъ, имѣвшему больше свободнаго времени. Также мы упоминали уже о томъ, какое значительное вліяніе на нравственное воспитаніе ребенка, на его убѣжденія и образъ

мыслей, даже на чистоту рѣчи, имѣла *mater familias*. Если въ послѣдствіи мальчика передавали учителю, то считалось естественнымъ, что онъ долженъ замѣнять ему родителей. «Учитель прежде всего долженъ относиться къ своимъ ученикамъ отечески, зная, что онъ замѣняетъ тѣхъ, которые передали ему дѣтей», говоритъ Квинтиліанъ. Требования, предъявлявшіяся къ хорошему учителю, были тѣ же, что и нынѣ, и отчасти уже были указаны нами. Прежде всего требовали правильной мѣры терпѣнія и спокойной послѣдовательности. Съ отеческой любовью и заботливостью учителя и воспитатели должны были отдаваться своему дѣлу. Часто указывается на вредъ излишней строгости и особенно поспѣшности и горячей вспыльчивости. Образецъ учителя былъ Сократъ. Древніе были убѣждены во вредѣ постоянныхъ укоровъ и широковѣщательныхъ, горячихъ рѣчей, обыкновенно не достигающихъ своей цѣли. Учители и педагоги дѣлались отвѣтственными за дурные успѣхи воспитанія, за дурное поведеніе воспитанниковъ и за слишкомъ большую недостаточность обученія. — Въ Александрѣ Великомъ въ послѣдствіи замѣчали ошибки, которыя, какъ думали, имѣли свое основаніе въ обхожденіи съ нимъ его педагога Леонида. — Поэтому даже были склонны по дурному характеру людей сдѣлать обратный выводъ относительно характера ихъ бывшихъ учителей (*Plat. rep. VIII, 14*). Въ связи съ этимъ стоитъ требованіе, чтобы собственная жизнь учителя соотвѣтствовала значенію его званія.

Что касается отдѣльныхъ учителей, подъ надзоромъ которыхъ воспитывались дѣти, то, въ соотвѣтствіи съ главнымъ дѣленіемъ учебныхъ предметовъ на гимнастику и музыку, и ихъ можно подраздѣлить на двѣ группы. Къ первой группѣ относятся прежде всего:

1. Гимназіархъ (*γυμνασίαρχος*), должность котораго составляла обыкновенную государственную повинность и въ различное время исправлялась большее или меньшее время, обыкновенно одинъ годъ, но позже иногда только одинъ мѣсяць. Ему принадлежалъ главный надзоръ за общественными гимназіями, и ему были подсудны посѣтители гимназій. На его же обязан-

ности лежало украшеніе предназначенныхъ для праздничныхъ игръ помѣщеній, покрытіе расходовъ для факельнаго шествія, приобрѣтеніе необходимаго для упражненій масла, которое позже доставлялось государствомъ, и управленіе устраиваемыхъ мальчиками и эфебами, въ память знаменитыхъ мужей, праздничныхъ процессій. По сообщенію Плутарха (Anton. 33) онъ носилъ пурпуровый плащъ, бѣлые башмаки и палку, которою онъ наказывалъ юношей, позволившихъ себѣ сдѣлать при упражненіяхъ что-нибудь непристойное (Cic. Verr. II, 4, 42, Val. Max. IX, 12, 7).

2. Пѣдотрибъ (*παιδοτρίβης*). Онъ практической учитель гимнастики и воспитатель въ палестрѣ, который при обученіи юношей долженъ былъ заботиться объ общемъ тѣлесномъ воспитаніи, какъ надлежащей основѣ для духовнаго. Онъ учитель гимнастики, обыкновенно пригодной для всякаго, а иногда и начальникъ палестры, устроенной имъ самимъ или предоставленной ему государствомъ, обыкновенно носящей и его имя. На помощь ему часто назначаются *ὑποπαιδοτρίβαι*.

3. Гимнастъ (*γυμναστής*). Онъ занимается особенно съ тѣми, которые готовятся быть атлетами и борцами. Такъ какъ таковыми являются и мальчики, то онъ обучалъ и нѣкоторыхъ мальчиковъ, между тѣмъ какъ для большинства достаточно было пѣдотриба. Отъ него требовалось теоретическое знаніе фізіологическаго дѣйствія движеній; онъ долженъ былъ систематически вести тѣло къ силѣ и красотѣ, тогда какъ пѣдотрибъ прежде всего долженъ былъ стремиться только къ достиженію извѣстной ловкости въ выполненіи отдѣльныхъ движеній. Поэтому гимнаста сравниваютъ съ врачомъ, а пѣдотриба съ поваромъ и пекаремъ.

Дальше мы еще упомянемъ:

4. Алейпта, который первоначально долженъ былъ обтирать упражняющихся масломъ, но также издавалъ діететическія постановленія относительно ѣды и питья, и въ этомъ отношеніи игралъ роль гимнастическаго врача. Хотя въ Афинахъ для каждой особой вѣтви имѣлись особыя учителя, но

не всегда устанавливались для нихъ строгія границы, а потому алейпты иногда даже были учителями гимнастики.

5. Ксистарха, надзору котораго, вѣроятно, поручался *ξυστός*, крытое мѣсто для упражненій зимою.

Дальше были еще:

6. Софронисты, которые слѣдили за нравственнымъ поведеніемъ юношей и должны были приучать ихъ къ *σωφροσύνη*. Число ихъ въ Афинахъ доходило до десяти, такъ какъ каждая фила выбирала одного.

Во время имперіи, наконецъ, встрѣчается еще:

7. Косметъ, которому на помощь назначаются антикосметъ и гипокосметъ, какъ надзиратели эфебовъ въ гимназіяхъ.

Въ Спартѣ, какъ мы уже указывали, всѣ граждане болѣе или менѣе, въ свободные часы, участвовали въ воспитаніи и обученіи, такъ что и всѣ граждане были учителями. Только педономъ, главный надзиратель за всѣми мальчиками, въ рукахъ котораго находились главное управленіе и направленіе дѣла воспитанія, и *βιδεοι*—характеристическія особенности Спарты. Послѣдніе назывались также *βιδουοι* или *βιδιατοι*. Они составляли коллегію изъ 4, 5 или 6 мужей, которые подъ предсѣдательствомъ одного (*πρέσβυς*) имѣли надзоръ за играми и состязаніями юношей, а совмѣстно съ эфорами составляли нѣчто въ родѣ санитарной комиссіи. Къ этимъ присоединялись еще упомянутые уже лица, въ завѣдываніи которыхъ находились отдѣльныя *βοδαι* и *ιλαι*, — и *μαστιγοφοροι*.

Вторую группу учителей, для грамматическаго обученія въ Греціи составляли:

1. *Γραμματιστής* или *γραμματοδιδάσκαλος* для обученія грамотѣ, а иногда и ариѳметикѣ.

2. *Διδάσκαλος*, — въ собственномъ смыслѣ учитель музыкальнаго отдѣла, въ противоположность гимнасту. Часто упоминаются такіе *ὀποδιδάσκαλοι*.

3. *Γραμματικός*, учитель грамматики, который получалъ соотвѣтствующую научную подготовку, зналъ языкъ и философію языка, подобно софистамъ. Онъ, какъ и *φιλόλογος* и

κριτικός, представляет высшую ступень грамматико-критического обучения.

4. Ἐξηγητής, толкователь, и καθήγητής, руководитель, — общее обозначение для высших учителей языка.

5. Σοφιστής, учитель мудрости, краснорѣчія, и вообще для высшаго образования.

У римлянъ встрѣчаются:

1. Magister, ludi magister, элементарный учитель; ему соотвѣтствуетъ греческій *γραμματιστής*. Только позднѣе назначаются особые учителя письма и ариѳметики (*calculatores*).

2. Literatus или *literator*, иначе *grammaticus*, которому соотвѣтствуетъ греческій *γραμματιστής*. Между тѣмъ какъ *ludi magister* училъ грамотѣ, ариѳметикѣ, задавалъ наизусть сентенціи, у этого занимались технической грамматикой, толкованіемъ авторовъ, декламаціей и диспутами, имѣя въ виду риторическія цѣли и изящность языка. Поэтому онъ часто называется также *doctus, eruditus, philologus*.

3. Professor или *professor artium, sapientiae*—для высшаго образования. Этотъ титулъ первоначально относился ко всякому, кто спеціально занимался какимъ-нибудь искусствомъ или наукою, особенно къ грамматикамъ, риторамъ и софистамъ, но во время императоровъ сталъ употребляться для назначенныхъ общественныхъ учителей, напр. грамматиковъ и риторовъ, назначенныхъ съ жалованьемъ въ *Atheneum* Гадриана.

Во время Севера впервые упоминаются также *professores medicī*.

Здѣсь же скажемъ еще нѣсколько словъ о вознагражденіи учителей и школьной платѣ, а также и о каникулахъ у древнихъ. Платонъ говоритъ, что «отношеніе учителя къ ученику рассматривается не какъ дѣловая связь, но какъ нравственное дружественное отношеніе, такъ что заслуги учителя должны оплачиваться не деньгами, а благодарностью, какъ заслуги родителей и милости боговъ». Пифагорейцы, дѣйствительно, не брали платы за обученіе. Воспитатель долженъ былъ быть виновникомъ истинной жизни и мышленія и поэтому въ обу-

ченіи юношей не долженъ былъ видѣть средство для наживы. И Сократъ не обучалъ за деньги (Хеп. мет. I. 2, 6), и еще о Платонѣ и Аристотелѣ передаютъ также, что они не принимали платы. Протагоръ, говорятъ, обучая кого-нибудь предоставлялъ ему самому, по собственнымъ соображеніямъ, оцѣнить пріобрѣтенное, и соотвѣтственно съ этимъ назначить плату. «Кто заранѣе беретъ плату», говоритъ Аристотель, «и затѣмъ, давши слишкомъ много обѣщаній, не сдерживаетъ слова, навлекаетъ на себя затрудненія; ибо онъ не исполняетъ своихъ обѣщаній.» Грасбергеръ полагаетъ, что въ Аѣнахъ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ, начали платить за обученіе.

Что касается платы за обученіе тоническому искусству и гимнастикѣ, то ее отчасти вносили въ Аѣнахъ тѣ роды, которые имѣли своихъ учителей, къ которымъ ходили юноши. Извѣстно, что филы со времени Солона платили софронисту по драхмѣ въ день. И грамматистъ, повидимому, получалъ плату отъ общества. Въ остальныхъ школахъ платило отдѣльное лицо, и именно обыкновенно на другой день Анеестерій въ Анеестеріонѣ, гдѣ происходило большая часть празднествъ. Если не могли сейчасъ внести плату за ученіе, то за долгъ платили иногда проценты; также не всегда платили деньгами, а иногда и натурою, напр. Фемію въ Смирнѣ — шерстью. Учителя мудрости только позже стали получать отъ государства жалованье, а до тѣхъ поръ брали съ учениковъ значительную плату. Раздавались горькія жалобы на корыстолюбіе большинства учителей, требовавшихъ за свой трудъ громаднхъ денегъ, а между тѣмъ не оказывавшихъ дѣтямъ никакой любви. Особенно плохо, какъ уже было сказано, отзываются о софистахъ, а именно о Гипсіи, который, живя молодымъ человекомъ въ Сициліи, рядомъ съ Протагоромъ, заработалъ 150 минъ, и каждаго изъ своихъ учениковъ поучалъ всей риторикѣ за 10 минъ. Горгій потребовалъ за полное образованіе одного ученика 100 минъ. Тоже самое рассказывается объ Аристиппѣ Киренейскомъ. Софисты и ораторы, дѣлаясь наставниками, заключаютъ формальные договоры.

Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ мы встрѣчаемся съ воззрѣніемъ, что духовныя сокровища не продаются, какъ обыкновенный товаръ. Вѣроятно, сначала ученики платили маленькую сумму за обученіе, или, лучше говоря, дѣлали добровольные подарки. Плутархъ прямо заявляетъ, что поздно начали учить за деньги, и что первую платную школу открылъ Спурий Карвилій во время второй пунической войны. Еще Цицеронъ хвалитъ Аполлонія за то, что онъ, хотя и не обучаетъ даромъ, по крайней мѣрѣ, не даетъ засиживаться у себя и тратить время и деньги ученикамъ бездарнымъ (de orat. I. 28, 126). Но уже черезъ короткое время приходилось разыскивать школу, въ которой обучали дешевле всего. Во время имперіи положеніе многихъ учителей вслѣдствіе большой конкуренціи стало весьма незавидное. Веспасіанъ первый приказалъ ежегодно выдавать греческимъ и латинскимъ риторамъ значительную сумму изъ казны и богато одарялъ поэтовъ и художниковъ. Квинтиліана онъ назначилъ профессоромъ краснорѣчія (professor eloquentiae); говорятъ, что онъ первый содержалъ въ Римѣ общественную школу и за нее получалъ плату изъ государственной казны. Примѣръ императора встрѣтилъ подражаніе, и другіе города также начали содержать учителей на свой счетъ.

И Гадрианъ обогащалъ всѣхъ профессоровъ почестями и деньгами. Антонинъ Пій во всѣхъ провинціяхъ назначилъ философовъ и раторовъ съ опредѣленнымъ жалованьемъ. Собственнымъ примѣромъ и высокимъ уваженіемъ по отношенію къ своимъ учителямъ среди всѣхъ почти императоровъ выдавался Антонинъ философъ. Онъ оказывалъ имъ такое почтеніе, что велѣлъ поставить въ своемъ домовомъ храмѣ золотыя статуи ихъ и оказывалъ всякія почести ихъ гробницамъ. Въ юности онъ былъ образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что въ немъ порицали только его слишкомъ большое прилежаніе. Для своего сына Коммода онъ отовсюду набиралъ лучшихъ учителей, видя въ воспитаніи дѣтей важнѣйшую изъ родительскихъ обязанностей. Будучи въ Афинахъ, онъ пригласилъ оттуда учителей съ опредѣленнымъ жалованьемъ для каждой

Въ книжн. магазинахъ **К. РИККЕРА** (СПБ., Невскій пр. 14)
и **П. ЛУКОВНИКОВА** (СПБ., Лештуковъ пер. 2)

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

КСЕНОФОНТА

въ пяти частяхъ.

Перевелъ съ греческаго

Г. Янчевецкій.

- Ч. I. Анабазисъ. Изд. 4-ое. Ц. 1 р. 25 к.
Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. Изд. 4-ое. Ц. 80 к.
Ч. III. Киропедія. Изд. 3-ье. Ц. 1 р. 25 к.
Ч. IV. Исторія Греціи. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 25 к.
Ч. V. Мелкія статьи. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 коп.

ПАВСАНІЯ

ОПИСАНІЕ ЕЛЛАДЫ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ГРЕЦІИ ВО П-мъ ВѢКѢ ПО Р. ХР.

Переводъ съ греческ. съ толкованіями

и съ приложеніемъ статей: Историко-литературное значеніе Павсаниа, Краткій очеркъ исторіи греческ. искусства, Родословныя таблицы еллинскихъ династій и пр.

Г. ЯНЧЕВЕЦКАГО.

Цѣна 5 рублей.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр.
РЕКОМЕНДОВАНО для приобрѣтенія
въ фонд. библ. ср. уч. заведеній
(Ж. М. Н. Пр. 1893. 4).

№ 8/10

Съ 1-го января 1897 года

изданіе журнала

„ГИМНАЗІЯ“

и

„Педагогическаго Еженедѣльника“

на неопредѣленное время

ПРЕКРАЩАЕТСЯ.

Книги ж. «Гимназія» за ноябрь и декабрь 1896 г. (СVII—СVIII) будутъ разосланы подписчикамъ въ самое непродолжительное время.

Рукописи, оставшіяся ненапечатанными, будутъ возвращены по принадлежности.

Въ складѣ редакціи (Ревель, гимназія Императора Николая I) имѣется небольшое количество экз. «Гимназіи» за 1888—1896 г.г. и «Педагог. Еженедѣльн.» за 1894—1896 г.г.

Цѣна съ пересылкой: 1 экз. «Гимназіи» 1888, 1889, 1890, 1891, 1892 г. по три рубля, 1 экз. 1893 г. — 5 р., 1 экз. 1894, 1895, 1896 г. (вм. съ «Педагог. Еженед.») — 6 рубл.

Годовые экз. «Педагогическаго Еженедѣльника» за 1893/1894, 1895 и 1896 г. отдѣльно продаются по три рубл. съ пересылкою.

Ученымъ Комитетомъ М. н. пр. журналъ «ГИМНАЗІЯ» признанъ заслуживающимъ **особенной рекомендаціи** для приобрѣтенія въ фонд. библиотеки мужск. ср. уч. зав. и для содѣйствія **возможно большому распространенію** между преподавателями сихъ заведеній. (Предложеніе Г. Министра Г.г. Попечителямъ учебн. окр. 28 февр. 1889 г. № 8899.)

Адресъ редакціи: Ревель.

Ред.-изд. Г. Янчевецкій.

Дозволено цензурою — Ревель, 27-го февраля 1897 г. Печатня «Ревельскихъ Извѣстій».

EESTI
RAHVUSRAAMATUKOGU
AR

65.637